ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№9 (148), 2022**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, кандидат юридических наук
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Агаркова Любовь Васильевна, доктор экономических наук, профессор
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анесянц Саркис Артаваздович, доктор экономических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Душакова Леся Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кузьминов Александр Николаевич, доктор экономических наук, доцент
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Скорев Михаил Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Шагинян Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2022

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Каплина М.С., Жукова Т.В. Налоговый мониторинг – цифровая революция российской налоговой системы 7

Чернышева Н.И. Репутационный социальный менеджмент как фактор устойчивого экономического развития 16

ФИНАНСЫ

Доронин Б.А., Углицких О.Н., Клишина Ю.Е. Инструменты срочного рынка: фьючерсы и опционы 20

Томилина Е.П., Глотова И.И. Российский рынок коллективных инвестиций: тенденции и перспективы развития 25

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ

Логвинова И.К., Айдинян К.Ф. Управление мотивацией персонала в организации 30

МЕНЕДЖМЕНТ

Жуков Р.Б. К вопросу об оценке конкурентоспособности сырокопченых колбас 36

Чирская М.А. Специфика аналитической работы финансового менеджера в экономических реалиях 2022 года 41

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Дегтярев С.Н. Защита Конституционным Судом Российской Федерации института брака 46

Лиманская А.П. Правовые меры управления рисками в сфере обращения с пестицидами и агрохимикатами 53

Нестерова Н.В., Куликова Т.В. Конституционно-правовые основы правового порядка и уголовной политики РФ 57

Петербургский А.П. Конституционная формализация судебного контроля: восточноевропейский опыт 61

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бушманов Р.В., Мазовка А.С. Влияние цифровизации на правовые аспекты Минюста России в сфере противодействия экстремистским проявлениям 66

Позднышов А.Н., Голобородько Ю.С. Проблемы обеспечения прав человека в санитарно-эпидемиологической сфере 71

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Кожухова Г.С. Генезис правового института «заработная плата» в российском трудовом законодательстве 75

Скворцова Т.А., Чёрная Е.И. Контракт на поставку товаров для публичных нужд как разновидность договора поставки 79

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Абызова Е.Р., Цымлянская О.А. Преступления против собственности как угроза экономической безопасности: состояние, детерминанты, особенности личности корыстного преступника и некоторые меры профилактики 83

Коряковцева О.А., Семенцова И.А. Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст.281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии 90

Пухкалова М.О., Фоменко А.И. Преступления в сфере компьютерной информации: сложность дефиниций и некоторые криминологические особенности 95

Рогава И.Г. Особенности субъективной стороны торговли людьми: проблемы законодательства и практики применения 100

Семенцова И.А., Собакарева Е.В. Особенности профилактики женской преступности в России и зарубежных странах: сравнительные аспекты 106

Серегина Е.В., Ярошенко А.П. Вопросы формирования личности преступника и типичные признаки современного преступника 112

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кулик Т.Ю. Анализ некоторых новелл Федерального закона «Об исполнительном производстве» 117

Чебоньян Т.Г., Ланина М.В. Международное сотрудничество в сфере нотариата 122

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Саенко Е.А., Федоренко Н.В. Роль аппарата прокуратуры в оспаривании нормативно-правовых актов 127

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Иноценко В.А., Калинин В.В., Ковтун Н.А. Особенности обучения вождению на транспортных средствах, оборудованных специальными устройствами для подачи световых и звуковых сигналов 131

Хамидова И.В., Лаврентьева И.В., Ковальчук В.А. Динамика представлений о женственности и мужественности курсантов образовательных организаций МВД России 135

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Аствацатурова М.А. Ибрагимов И.Д. Концепт этноконфессиональной идентичности: сущностные свойства и проекции гражданской самоорганизации 141

Денисенко И.Ф., Товончова Е.Н. Влияние политических рисков и угроз на уровень транспарентности власти в условиях глобальной конкуренции 146

CONTENTS

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY ADMINISTRATION

Kaplina M.S., Zhukova T.V. Tax monitoring – the digital revolution of the Russian tax system 7

Chernysheva N.I. Reputational social management as a factor of sustainable economic development 16

FINANCE

Doronin B.A., Uglitskikh O.N., Klishina Yu.E. Derivatives market instruments: futures and options 20

Tomilina E.P., Glotova I.I. The Russian collective investment market: trends and prospects of development 25

PERSONNEL MANAGEMENT

Logvinova I.K., Aydinyan K.F. Management of personnel motivation in the organization 30

MANAGEMENT

Zhukov R.B. On competitiveness assessment of raw smoked sausages 36

Chirskaya M.A. Specificity of analytical work of a financial manager under the economic realities of 2022 41

CONSTITUTIONAL LAW

Degtyarev S.N. Protection of the institution of marriage by the Constitutional Court of the Russian Federation 46

Limanskaya A.P. Legal measures of risk management in the field of handling pesticides and agrochemicals 53

Nesterova N.V., Kulikova T.V. Constitutional-law foundations of the legal order and criminal policy of the Russian Federation 57

Peterburgsky A.P. Constitutional formalization of judicial control: Eastern European experience 61

ADMINISTRATIVE LAW

Bushmanov R.V., Mazovka A.S. The impact of digitalization on the legal aspects of the Ministry of Justice of Russia in the field of countering extremist manifestations 66

Pozdnyshov A.N., Goloborodko Yu.S. Issues of ensuring human rights in a sanitary and epidemiological sphere 71

CIVIL LAW

Kozhukhova G.S. The genesis of the legal institution of «wages» in the Russian labor legislation 75

Skvortsova T.A., Chernaya E.I. A contract for the supply of goods for public needs as a type of supply contract 79

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Abyzova E.R., Tsymlyanskaya O.A. Crimes against property as a threat to economic security: the condition, determinants, personality characteristics of a mercenary criminal and some preventive measures 83

Koryakovtseva O.A., Sementsova I.A. Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage 90

Pukhkalova M.O., Fomenko A.I. Crimes in the field of computer information: the complexity of definitions and some criminological features 95

Rogava I.G. Features of the subjective side of human trafficking: problems of legislation and enforcement 100

Sementsova I.A., Sobakareva E.V. Features of female crime prevention in Russia and foreign countries: comparative aspects 106

Seregina E.V., Yaroshenko A.P. Issues of the formation of the criminal's personality and typical signs of a modern criminal 112

JUDICIAL PRACTICE

Kulik T.Yu. Analysis of some novelties of the Federal Law «On Enforcement Proceedings» 117
Chebonyan T.G., Lanina M.V. International cooperation in the field of notary 122

PROSECUTOR'S OFFICE PRACTICE

Saenko E.A., Fedorenko N.V. The role of the prosecutor's office in challenging normative legal acts 127

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Inotsenko V.A., Kalinin V.V., Kovtun N.A. Features of driving training on vehicles equipped with special devices for giving light and sound signals 131
Khamidova I.V., Lavrent'eva I.V., Kovalchuk V.A. The dynamics of ideas about femininity and masculinity of cadets of the educational organizations of the MIA of Russia 135

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNIQUES

Astvatsaturova M.A., Ibragimov I.D. The concept of ethno-confessional identity: essential properties and projections of civic self-organization 141
Denisenko I.F., Tovancheva E.N. The impact of political risks on the level of transparency of power in the context of global competition 146

Экономика и управление народным хозяйством

Научная статья
УДК 336.225

Налоговый мониторинг – цифровая революция российской налоговой системы

© Каплина М.С., Жукова Т.В., 2022

Марина Сергеевна Каплина[1], Татьяна Васильевна Жукова[2]
[1,2] Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова, филиал ФГБОУ ВО Донской ГАУ, г. Новочеркасск, Россия
[1] madamkaplina@yandex.ru
[2] Jukowa74@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья направлена на сбор и обобщение информации об основных направлениях развития налогового мониторинга, анализ возможных инструментов его цифровизации и результатов практики его внедрения в российской системе налогообложения. В статье раскрывается суть налогового мониторинга, сформулированы его принципы, описан регламент информационного взаимодействия (РИВ) между налоговыми органами и налогоплательщиками, проанализированы возможные направления цифровизации обмена информацией между налогоплательщиком и налоговыми органами, спрогнозированы возможные последствия внедрения данной формы налогового контроля. Анализ изменений цифровых взаимоотношений налогового органа с предпринимательским структурами показал, что российская налоговая система в ближайшие два-три года претерпит кардинальные перемены, результатом которых станет замена функции налоговых органов по контролю за правильностью исчисления и своевременностью уплаты налогов на контроль за правильностью отражения операций в целях налогообложения и своевременностью уплаты налогов.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, цифровизация, налоговый контроль, налоговое администрирование, модель COSO, налоговая система, регламент информационного взаимодействия

Для цитирования: Каплина М.С., Жукова Т.В. Налоговый мониторинг – цифровая революция российской налоговой системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С.7-15

Economics and national economyadministration

Original article

Tax monitoring – the digital revolution of the Russian tax system

M.S. Kaplina[1], T.V.Zhukova[2]
[1,2] Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute named after A.K. Kortunov, the branch of the Don State Agrarian University, Novocherkassk, Rostov Region, Russia
[1] madamkaplina@yandex.ru
[2] Jukowa74@yandex.ru

Abstract. The presented article is aimed at collecting and summarizing information about the main directions of development of tax monitoring, the analysis of possible tools for its digitalization and the results of its implementation in the Russian taxation system.

This article reveals the essence of tax monitoring, formulates its principles, describes the rules of information interaction between tax authorities and taxpayers, analyzes possible directions of digitalization of information exchange between the taxpayer and tax authorities, predicts the possible consequences of the introduction of this form of tax control. The analysis of changes in the digital relationship between the tax authority and the business structures has shown that the Russian tax system will undergo drastic changes next two to three years, the result of which will be the replacement of the functions of tax authorities to control the correctness of calculation and timely payment of taxes to control the correctness of the reflection of transactions for tax purposes and timely payment of taxes.

Keywords: tax monitoring, digitalization, tax control, internal control system, tax administration, COSO model, tax system, regulation of information interaction

For citation: Kaplina M.S., Zhukova T.V. Tax monitoring – the digital revolution of the Russian tax system. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 7-15 (In Russ.)

Федеральная налоговая служба РФ, признанная «самой действующей в мире» [12,13], в своей работой опирается на мировые течения и тенденции в области развития и реализации налоговой политики. Общемировой тенденцией является разработка и реализация мер, направленных на ужесто-

чение законодательства в сфере борьбы с уклонением от уплаты налогов. Это было спровоцировано чередой налоговых скандалов с крупнейшими транснациональными компаниями (Google, Amazon, Sturbucks) [10]. Среди крупных налоговых правонарушений российских организаций можно отметить группу «Черкизово», Плеер.ру, АО «Трест Коксохиммонтаж», ЮКОС и другие. Ущерб государству составляет миллиарды рублей. По некоторым делам судебные разбирательства идут десятилетиями. В данных условиях, безусловно, любое государство заинтересовано в организации такой системы контроля, которая бы не предупреждала и исключала бы подобные злоупотребления еще на этапе фиксации хозяйственной операции в налоговом учёте. Внедрение системы налогового мониторинга является той формой налогового администрирования, которая позволила бы сократить сроки налоговых проверок, значительно сократить объемы предоставляемой на проверку документации, снизить трудозатраты на сопровождение налогового контроля, предупредить штрафы и пени по итогу проверок, исключить традиционные камеральные и выездные налоговые проверки, снизить количество исков по налоговым спорам и повысить вероятность досудебного урегулирования вопросов, повысить прозрачность деятельности организаций за счет доступа в режиме реального времени и открытого диалога организаций и налоговых органов [11].

Уход от выездных и камеральных проверок возможен только при эффективном функционировании системы налогового мониторинга. Достаточно много авторов рассматривали данную форму налогового контроля в современных условиях: П. А. Ашаева, Е.В. Березина, А.С. Баландина, О.С. Беломытцева, Е.А. Гельманова, Д. А. Ибрагимова, Ю. М. Литвинова, Т. Б. Кувалдина, А. Р. Шамионов и др.

Налоговый мониторинг введено в юридическое правовое налоговое поле Федеральным законом от 04.11.2014 № 348 «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации». С 1 января 2015 года в Российской практике налогового администрирования появилась новая форма контроля – налоговый мониторинг.

В НК РФ нет явного определения налогового мониторинга. Тем не менее, многие авторы дают свою интерпретацию данному понятию. Так, Т.Б Кувалдина, П.А. Ашаева, Е.А. Гельманова определяют его как «вид налоговой проверки, основанный на передовом опыте других стран, целями которого явились сокращение количества проверок налогоплательщиков и снижение административной нагрузки» [16]. Ибрагимова Д.А. видит его как «способ расширенного информационного воздействия, при котором организация представляет налоговому органу доступ в режиме реального времени к данным бухгалтерского и налогового учёта, а взамен получает право в случае наличия сомнений запросить у налогового органа мотивированное мнение по вопросу налоговых последствий совершаемых сделок» [17]. Ряд авторов [11,17] представляет его как «новую форму налогового контроля, для юридических лиц он представляет собой онлайн-взаимодействие налоговых органов на основе удаленного доступа к бухгалтерской и налоговой отчетности организации-налогоплательщика». Барулин С. В., Минвалиева М. С. рассматривают его как «форму контроля налоговых органов за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогоплательщиками налогов и сборов путем наблюдения и исследования предмета налогового мониторинга, предотвращения, выявления и принятия мер по устранению недостатков и несоответствий» [17]. Все представленные определения налогового мониторинга верны, каждое более или менее полно отображает суть данного понятия. Добавим только, что данная система, являясь одновременно формой налогового контроля, применяется в настоящее время только к крупным и средним организациям, причем на добровольной основе в заявительном порядке.

Система налогового мониторинга, действующая в России с 2016 года, основана на мировом опыте и базовых принципах классической модели COSO. Приказ ФНС России от 16.06.2017 № ММВ-7-15/509@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля» установил требования к организации системы внутреннего контроля. Акцент был сделан на необходимости организации внутреннего контроля по пяти компонентам, аналогичным и модели COSO. Однако компоненты СВК, определённые ФНС России, немного отличаются от «классического» подхода COSO и Минфина России. Так, например, «…требования налоговой службы более четко структурированы, кроме того они содержат формы рабочих документов по организации внутреннего контроля, а также методику балльной оценки его организации по пяти уровням» [14].

Важность организации СВК в организации по требованиям ФНС РФ определяется теперь положительным решением о проведении налогового мониторинга. Иными словами, несоблюдение требований является основанием для отказа в проведении налогового мониторинга. Таким образом, нельзя не согласиться с выводами некоторых ученых, что «именно оценка налоговым органом уровня «зрелости» СВК лежит в основе принятия решения о переходе на налоговый мониторинг» [14]. Отметим, что безусловным преимуществом налогового мониторинга для налогоплательщиков является замена выездных, камеральных налоговых проверок, а также получения прямых консультаций относительно последствий тех или иных хозяйственных операций.

Можно выделить основные четыре принципа налогового мониторинга. Представим их на рисунке 1.

Рисунок 1. Основные принципы налогового мониторинга

Как видно из рисунка 1, система внутреннего контроля организации налогоплательщика является необходимым условием для проведения налогового мониторинга. Получение мотивированного мнения является уже следствием проведенного налогового мониторинга. Принцип «переход от традиционных норм налогового контроля» характеризует смысл внедрения налогового мониторинга.

В 2020 году был введен в действие закон №470-ФЗ [2], в соответствии с которым был изменены условия «заявительного порядка проведения налогового мониторинга»: заявление на переход на налоговый мониторинг подается до 1 сентября. Также необходимо обратить внимание, что согласно вышеупомянутого закона, с 2021 года снижены суммовые критерии для участников в налоговом мониторинге (рисунок 2).

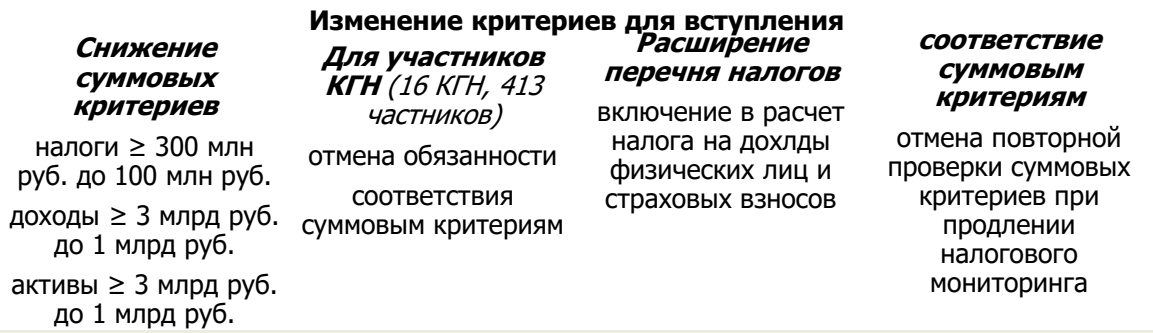


Рисунок 2. Изменение критериев для вступления в налоговый мониторинг

Отметим, что налоговый мониторинг проводится по всем налогам: федеральным, региональным и местным. Ст. 105.26 НК РФ разъясняет, что проверка суммовых критериев проводится при подаче заявления о налоговом мониторинге, вместе с заявлением представляются следующие документы (ст. 105.27 НК РФ) [1]: регламент информационного взаимодействия; информация о взаимозависимых лицах; учетная политика для целей налогообложения; внутренние документы, регламентирующие систему внутреннего контроля (СВК).

В рамках внутренних документов регламентирующих СВК, представляется пакет следующих документов: контрольные процедуры организации, осуществляемые в целях налогового мониторинга; информация об организации СВК; оценка уровня организации СВК.

Этот пакет документов предоставляется согласно заявочных документов и в соответствии с Приказом ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@. Решение о проведении налогового мониторинга налоговая служба должна представить до 1 ноября. Срок проведения налогового мониторинга согласно ст. 105.26 НК РФ начинается с 1 января года указанного периода в заявлении и оканчивается 1 октября года, следующего за указанным периодом [1]. Повторно представлять заявление о проведении налогового мониторинга на следующий год не требуется.

Безусловным отличием налогового мониторинга от других форм контроля является тот факт, что он базируется на цифровых инструментах и платформах. Начиная с 2016 года, в рамках налогового мониторинга плательщики предоставляют доступ к своим данным, а именно – к учетным информационным системам, к внутренним данным. В 2021 году впервые был автоматизирован процесс приема документов. Ранее до 2021 года все документы, которые налогоплательщики представляли вместе с заявлением, были в формате xml. С 2021 года процесс обработки и хранения документов автоматизирован.

Оценка регламента информационного взаимодействия (РИВ) налоговыми службами проводится на основе сто балльной системы по 19 приложениям (рисунок 3).

100 баллов по 19 приложениям РИВ

Глава 1		Глава 2		Глава 3		Глава 4	
Макс балл	Приложение РИВа	Макс балл	Приложение РИВа	Макс балл	Приложение РИВа	Макс балл	Приложение РИВа
10	Функциональные возможности ИСО по работе с документами	3	Информация о способах формирования налоговой отчетности	14	Функциональные возможности ИСО по выполнению внутреннего контроля справочной информации	1	Порядок и сроки внесения изменений и дополнений в РИВ
10	Порядок и сроки представления документов	2,5	Структура раскрытия показателей налоговой отчетности	8	Функциональные возможности ИСО по выполнению внутреннего контроля правильности отражения в учете первичных документов	-	-
6	Функциональные возможности ИСО по работе с с экранными форматами и интерфейсами	2	Сведения о регистрах бухгалтерского учета	8	Функциональные возможности ИСО по выполнению внутреннего контроля правильности формирования показателей налоговой отчетности	-	-
6	Способ информационного взаимодействия	2	Сведения о регистрах налогового учета	6	Функциональные возможности ИСО по хранению и обработке результатов внутреннего контроля	-	-
4	Техническая информационная поддержка	-	-	4	Информация об аудите ИСО, реализующих функции внутреннего контроля	-	-
3	Функциональные возможности ИСО	-	-	4	ИСО, реализующие функции внутреннего контроля	-	-
3	Информационные системы организации	-	-	-	-	-	-
1,5	Порядок доступа к ИСО	-	-	-	-	-	-
1	Учетные записи пользователей НО в ИСО	-	-	-	-	-	-
1	Информация о лицах, ответственных за информационное взаимодействие	-	-	-	-	-	-

Рисунок 3. Оценка регламента информационного взаимодействия (РИВ)

Регламент информационного взаимодействия – это основной документ, который определяет модель взаимодействия налогоплательщика и налогового органа при проведении налогового мониторинга. При этом важно обращать внимание на высокий уровень информационных систем и функциональные возможности данных информационных систем по работе с формами и интерфейсами. Соответственно, данный документ разделен на 4 главы. Как видно, оценка РИВ производится в бальной оценке, то есть в соответствие с важностью представления документов. Помимо оценки РИВ, проводится оценка СВК организации по трем формам СВК по стобалльной системе оценки (рисунок 4).

	100 баллов по 3 формам СВК
Макс балл	Форма СВК
10	Контрольные процедуры организации, осуществляемые в целях налогового мониторинга
12	Оценка уровня организации системы внутреннего контроля организации
	Информация по организации СВК организации
11	Цели и задачи СВК
4	ОРД, регламентирующие порядок функционирования СВК
20	Структурные подразделения, отвечающие за функционирование СВК
10	Порядок проведения аудита и оценки СВК организации
10	Проверочный лист для оценки уровня организации СВК организации

Рисунок 4. Оценка СВК в целях налогового мониторинга

Оценка полноты сведений, указанных организацией в заявлении о проведении налогового мониторинга, выполняется в ПП «Налоговый мониторинг» АИС «Налог-3» в автоматическом режиме. После подачи документов, производится ранжирование пакетов документов представленных налогоплательщиком. По итогам проведенной оценки в ПП «Налоговый мониторинг» АИС «Налог-3» формируется итоговый рейтинг пакетов документов, представленных с заявлениями о проведении налогового мониторинга. Рейтинг в баллах производится по каждому компоненту отдельно, и на этой основе формируется общий рейтинг пакета документов. Далее информация о рейтинге пакета документов, представленных организацией с заявлением о проведении налогового мониторинга в определенной форме, направляется налогоплательщику (то есть ответ по всем представленным документам).

По прогнозам аналитиков, к концу 2022 года ожидается увеличение количества участников налогового мониторинга до 339 организаций. В настоящее время система налогового мониторинга функционирует для крупного и среднего бизнеса, однако к 2024 году планируется разработать ИТ-решения для микроорганизаций, индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Для увеличения скорости подачи документов по налоговому мониторингу налоговыми органами предусмотрен целый ряд положений. Изменения, введенные в силу №470-ФЗ от 29 декабря 2020 г., свидетельствуют о полной цифровой трансформации налогового контроля. Для реализации тех положений, которые закреплены №407-ФЗ разработан план-график нормативно-правовых актов (Утв.Прав.РФ от 01.02.21 №816 п-П13), в котором необходимо разработать и утвердить в рамках №407-ФЗ. Согласно данного графика на текущий момент утверждены приказы ФНС России: от 11.05.2021 №ЕД-7-23/476@ , от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@, от 11.05.2021№ ЕД-7-23/477@, от 11.05.2021 № ЕД-7-23/478@, от 11.05.2021№ ЕД-7-23/478@, Приказ ФНС России от 23.12.2021 № ЕД-7-23/1142@ [3,4,5,6,19].

Последний приказ особенно важен, так как он изменил порядок взаимоотношений налогоплательщика и налогового органа в цифровой среде. Ранее доступ осуществлялся через интерфейсы, в настоящее время порядок меняется, и доступ осуществляется с системы АИС «Налог-3». Данный приказ призван унифицировать и стандартизировать порядок получения доступа к информационным системам налогоплательщиков - участников налогового мониторинга.

Согласно Приказа №478 от 11.05.2021 «Возмещение НДС и акцизов» с 3 квартала 2021 года в соответствие с №470-ФЗ поменялась схема возмещения НДС и акцизов для участников налогового мониторинга. Так, сегодня для участников налогового мониторинга применяется заявительный порядок возмещения НДС и акцизов, при этом банковские гарантии и договоры, поручительства не применяются, то есть по умолчанию для всех участников налогового мониторинга действует такая система возмещения НДС и акцизов.

На рисунке 5 представим основные положения в соответствие с действующим Приказом ФНС России от 11.05.2021 № ЕД-7-23/476@ «Об утверждении форм и форматов документов, используемых при проведении налогового мониторинга, и требований к ним».

Рисунок 5. Регламент информационного взаимодействия (РИВ)

Согласно Приказу ФНС № ЕД-7-23/476@, как видно на рисунке 5, в РИВ в обязательном порядке должно быть отображены сроки и порядок предоставления документов, время доступа к документам, состав и структура раскрытия показателей регистров.

Следует отметить приказ, находящийся сейчас в разработке, «Об утверждении требований к информационным системам организации, к которым предоставляется доступ налоговым органам» [20], в соответствии с которым будет утвержден перечень требований к информационным системам, которым предоставляется доступ налоговым органам. Он предусматривает кардинальные изменения в цифровых взаимоотношениях налоговых органов и налогоплательщиков. Проектом приказа определяются требования не только к информационным системам организаций, но и к ведению нормативной справочной информации, структуре хранения электронных образов документов и электронных документов, а также технической и информационной поддержке пользователей налогового органа. Таким образом, информационная система (далее – ИС) налогоплательщика должна обеспечивать налоговому органу доступ к соответствующим документам на период проведения мониторинга и три года после него, а также возможность получения, хранения и отправки документов, проведения автоматизированной проверки контрольных соотношений показателей налоговой отчетности. Кроме того, в документе расписано, какие сведения должны содержаться в ИС организации на момент проведения налогового мониторинга: сведения об организации и ее филиалах; бухгалтерская и налоговая отчетность за период проведения мониторинга; регистры бухгалтерского и налогового учета и расшифровки их показателей; документы, используемые при проведении налогового мониторинга; документы, связанные с исчислением и уплатой налогов, сборов, страховых взносов.

Срок на приведение соответствующих информационных систем организаций - налогоплательщиков к предъявляемым требованиям определен до 1 января 2024 года. Таким образом, с 2024 года уже не требуется, чтобы инспектор заходил во внутренние ИТ-системы, у каждой из которых уникальные интерфейс, пароли-явки, и разбирался в данных. Будут созданы все условия для сотрудников ФНС, которые будут работать по месту нахождения их непосредственного рабочего места и получать все те сведения, которые раньше выкладывались на витрины или в учетную систему, в полном объеме в своем рабочем компьютере в привычной системе АИС «Налог 3».

В настоящее время налоговый мониторинг осуществляется одним из трех способов (рисунок 6).

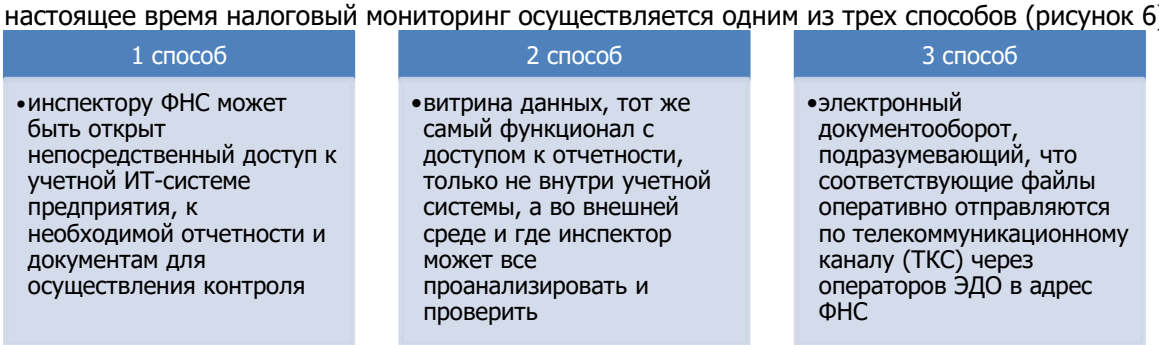


Рисунок 6. Современные способы взаимодействия налогоплательщика и налоговых органов

Следует отметить, что среди трех описанных способов третий способ вскоре перестанет существовать (будет работать только до 2024 года). Причинами его отмены является весьма большие финансовые затраты, низкий уровень безопасности передачи информации и скорости обмена данными. Таким образом, трансформируется сам принцип налогового мониторинга. Выставляются новые требования к взаимодействию:

- полностью исключается электронный документооборот с помощью посредника, даже сертифицированного: в системе будут напрямую общаться только два участника – налогоплательщик и налоговый инспектор.

- передавать по защищенным каналам связи инспекторы будут не привычную налоговую отчетность - стандартные файлы налогового аудита (SAF-T). Их формат еще только разрабатывается ведомством. Данные файлы будут представлять собой определенный срез учетной информации в отношении какого-то конкретного налога, содержащий полную аналитику по всем операциям, событиям, проводкам, документам. Огромный массив данных, не сгруппированных в декларацию, а представляющих собой слепок с учетной системы, будет отправляться в адрес ФНС.

С одной стороны, переход на цифровой контроль в виде развития налогового мониторинга согласно ФЗ №470 и электронный документооборот позволит ФНС РФ сократить трудозатраты и избежать несвоевременных оплат и улучшить налоговый контроль и качество своей деятельности. Операторы электронного документооборота будут исключены в процессе взаимодействия налоговых органов и налогоплательщика. С другой стороны, для организаций-налогоплательщиков при внедрении налогового мониторинга возникают определенные сложности, среди которых необходимость полного раскрытия информации государственным органам и риски увеличения налоговых платежей, постоянный налоговый контроль, а также большие затраты на внедрение соответствующих ИТ-систем, повышение автоматизации обработки данных. Как считают эксперты [11,14,15], «…серьезным образом придется модернизировать существующие ИТ-системы компании. Это касается как учетных систем предприятия, так и биллингового ПО для расчетов с клиентами и электронных архивов. Их однозначно придется перестраивать после того, как ФНС выдаст требования к стандартным файлам налогового аудита» [18]. В настоящее время предполагаемый объем данных в полном объеме не формируется ни в одной из учетных систем.

Цифровая модернизация взаимоотношений налоговых органов с налогоплательщиками повлечет неизбежные кадровые изменения. Изменения коснутся функций традиционной бухгалтерии по отражению фактически совершенных операций: функционал «будет смещаться в сторону риск-ориентированного анализа операций до их фактического осуществления» [15]. В результате, всё это приведет к появлению новой функции системы налогообложения: контроль за правильностью отражения операций в целях налогообложения налогоплательщика и своевременностью уплаты им налогов. Функция же исчисления налогов будет полностью автоматизирована, и она будет исключительной прерогативой налоговых органов.

Вследствие внедрения налогового мониторинга будет осуществлена цифровая трансформация взаимоотношений налогоплательщика и налоговых органов, результатом которой станет замена функции налоговых органов по контролю за правильностью исчисления и своевременностью уплаты налогов на контроль за правильностью отражения операций в целях налогообложения и своевременностью уплаты налогов.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

2. Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. N 470-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах" // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. https://base.garant.ru/400152212/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_1901

3. Приказ ФНС России от 11.05.2021 №ЕД-7-23/476@ "Об утверждении форм и форматов документов, используемых при проведении налогового мониторинга, и требований к ним" // URL:http://www.pravo.gov.ru

4. Приказ ФНС России от 16.06.2017 № ММВ-7-15/509@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля» // URL:http://www.pravo.gov.ru

5. Приказ ФНС России от 11.05.2021 №ЕД-7-23/477@ "Об утверждении форм и форматов документов, используемых при составлении мотивированного мнения налогового органа в электронной форме, а также формы мотивированного мнения налогового органа и требований к его составлению" // URL: http://www.pravo.gov.ru

6. Приказ России от 11.05.2021 №ЕД-7-23/478@ "Об утверждении форм документов, используемых налоговыми органами при заявительном порядке возмещения налога на добавленную стоимость (акциза) при проведении налогового мониторинга, а также формы и формата представления заявления о

применении заявительного порядка возмещения налога на добавленную стоимость (акциза) в электронной форме" // URL:http://www.pravo.gov.ru

7. Алейникова О.С., Гурнак А.В. Налоговый контроль в Российской Федерации на современном этапе: сущность и пути усовершенствования / Весенние дни науки ВШЭМ. Сборник докладов Международной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, X Международного научно-практического форума молодых налоговедов. 2018. С. 11-14.

8. Адвокатова А.С. Развитие налогового контроля как проявление объективной контрольной функции налогов // Инновационное развитие экономики. 2018. № 6-2 (48). С. 109-115.

9. Зверева Т.В. Роль цифровизации в налоговом администрировании самозанятых граждан // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2020. № 6. С. 35-39.

10. Литвинова Ю.М. Налоговый мониторинг: опыт правового регулирования в зарубежных странах и перспективы развития в Российской Федерации / // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4(50). С. 175-182.

11. Шамионов А.Р., Барабанова М. В. Налоговый мониторинг в России. Актуализированный прогноз / Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 мая 2022 года. Пенза, 2022. С. 166-168.

12. Рейтинг ФНС России в мире // URL:https://everychild.ru/reyting/reyting-fns-rossii-v-mire/

13. Российская налоговая система одна из самых лучших в мире // Журналистская правда. URL: https://jpgazeta.ru/aleksandr-rodzhers-rossiyskaya-nalogovaya-sistema-odna-iz-luchshih-v-mire/

14. Березина Е.В., Баландина А.С., Беломытцева О.С. Оценка "зрелости" системы внутреннего контроля налогоплательщика в целях налогового мониторинга // Налоги и налогообложение. 2021. № 2. С. 28 - 59.

15. Тихая революция в налоговой системе // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5141178

16. Гнатышина Е.И., Лебедева Е.С., Никитина Е.О. Налоговый мониторинг как инновационный способ контроля. // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Том 9. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/

17. Ибрагимова Д. А. Основные преимущества и недостатки налогового мониторинга в РФ // Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции «Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы». 2018. Часть 1. С. 103 – 105.

18. Кувалдина Т.Б., Ашаева П. А., Гельманова Е. А. Сущность, технические составляющие и проблемы функционирования налогового мониторинга // Инновационная экономика и общество. 2021. № 2(32). С. 36-42.

19. Internal Control-Integrated Framework. The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO), New York, AICPA, 1992 // URL: http://www.coso.org/IC.htm

19. Приказ Федеральной налоговой службы от 23.12.2021 № ЕД-7-23/1142@ "Об утверждении Порядка получения доступа налоговых органов к информационным системам организации" // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201310033?index=8&rangeSize=1

20. Проекта приказа «Об утверждении требований к информационным системам организации, к которым предоставляется доступ налоговым органам» // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=115841

References

1. Tax Code of the Russian Federation (part one) dated July 31, 1998 N 146-FZ (as amended on March 26, 2022). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

2. Federal Law of December 29, 2020 N 470-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees" // https:/ /base.garant.ru/400152212/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_190105.07.2022

3. Order of the Federal Tax Service of Russia dated May 11, 2021 No. ED-7-23 / 476@ "On approval of forms and formats of documents used in tax monitoring and requirements for them". URL: http://www .pravo.gov.ru, 07/05/2022

4. Order of the Federal Tax Service of Russia dated June 16, 2017 No. MMB-7-15/509@ "On approval of the requirements for the organization of an internal control system". URL: http://www.pravo.gov. ru

5. Order of the Federal Tax Service of Russia dated May 11, 2021 No. ED-7-23 / 477@ "On approval of the forms and formats of documents used in the preparation of a reasoned opinion of a tax authority in electronic form, as well as the form of a reasoned opinion of a tax authority and requirements for its drafting". URL: http://www.pravo.gov.ru

6. Order of Russia dated May 11, 2021 No. ED-7-23 / 478@ "On approval of the forms of documents used by the tax authorities in the declarative procedure for the reimbursement of value added tax (excise) during tax monitoring, as well as forms and format for submitting an application for the application of the

declarative procedure for the reimbursement of value added tax (excise) in electronic form. URL: http://www.pravo.gov.ru

7. Aleinikova O.S., Gurnak A.V. Tax control in the Russian Federation at the present stage: the essence and ways of improvement. *Spring Days of Science GSEM*. Collection of reports of the International Conference of Students, Postgraduates, Young Scientists, X International Scientific and Practical Forum of Young Tax Experts. 2018. P. 11-14. (In Russ.)

8. Advocatova A.S. Development of tax control as a manifestation of the objective control function of taxes. *Innovative development of the economy*. 2018. No. 6-2 (48). P. 109-115. (In Russ.)

9. Zvereva T.V. The role of digitalization in tax administration of self-employed citizens. *Vestnik IPB (Bulletin of Professional Accountants)*. 2020. No. 6:35-39. (In Russ.)

10. Litvinova Yu.M. Tax monitoring: experience of legal regulation in foreign countries and prospects for development in the Russian Federation. *Leningrad Journal of Law*. 2017. No. 4 (50):175-182. (In Russ.)

11. Shamionov A.R., Barabanova M.V. Tax monitoring in Russia. Updated forecast. *Scientific review: topical issues of theory and practice*: collection of articles of the II International scientific and practical conference, Penza, May 27, 2022. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. P. 166-168. (In Russ.)

12. Rating of the Federal Tax Service of Russia in the world. https://everychild.ru/reyting/reyting-fns-rossii-v-mire/

13. The Russian tax system is one of the best in the world. *Journalistic truth.* https://jpgazeta.ru/aleksandr-rodzhers-rossiyskaya-nalogovaya-sistema-odna-iz-luchshih-v-mire/

14. Berezina E.V., Balandina A.S., Belomyttseva O.S. Evaluation of the "maturity" of the taxpayer's internal control system for the purpose of tax monitoring. *Taxes and taxation*. 2021. No. 2. P. 28 (In Russ.)

15. Quiet revolution in the tax system. *Kommersant*. https://www.kommersant.ru/doc/5141178

16. Gnatyshina E.I., Lebedeva E.S., Nikitina E.O. Tax monitoring as an innovative method of control. *Internet journal "Science Studies*". 2017. Vol. 9. No. 5.

17. Ibragimova D.A. The main advantages and disadvantages of tax monitoring in the Russian Federation. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference "*Implementation of the results of innovative developments: problems and prospects*." 2018. P. 1:103 - 105. (In Russ.)

18. Kuvaldina T.B., Ashaeva P.A., Gelmanova E.A. Essence, technical components and problems of functioning of tax monitoring. *Innovative economy and society*. 2021. No. 2 (32): 36-42. (In Russ.)

19. Internal Control-Integrated Framework. The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO), New York, AICPA, 1992.

20. Order of the Federal Tax Service of December 23, 2021 No. ED-7-23 / 1142@ "On approval of the Procedure for obtaining access by tax authorities to the information systems of an organization". Official Internet portal of legal information. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=115841

Информация об авторах

М.С. Каплина – кандидат экономических наук, доцент

Т.В. Жукова – кандидат экономических наук, доцент

Information about the authors

M.S. Kaplina – Candidate of Economics, Associate Professor

T.V. Zhukova – Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Научная статья
УДК 338.2

Репутационный социальный менеджмент
как фактор устойчивого экономического развития

© Н. И.Чернышева, 2022

Наталья Игоревна Чернышева
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия. Chni975@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена роль репутационного менеджмента в повышении эффективности развития регионов. Опыт внедрения ESG-принципов социально-ориентированной концепции экономического развития ведущих российских и зарубежных компаний, а также вузов как локомотивов в применении наиболее прогрессивных технологий в социальные стратегии управления регионов показал их высокую результативность и приоритетность сфер инвестирования социального капитала.

Ключевые слова: репутационный менеджмент, социальная корпоративная культура, социальный капитал, социальное инвестирование, экономическая устойчивость, корпоративная социальная ответственность, социальные проекты

Для цитирования: Чернышева Н.И. Репутационный социальный менеджмент как фактор устойчивого экономического развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С.16-19

Original article

Reputational social management
as a factor of sustainable economic development

Natalia I. Chernysheva
Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. Chni975@mail.ru

Abstract. This article examines the role of reputation management in improving the efficiency of regional development. The experience of implementing ESG principles of the socially-oriented concept of economic development of leading Russian and foreign companies, as well as universities as locomotives in the application of the most advanced technologies in the social management strategies of the regions has shown their high efficiency and priority areas of investment of social capital.

Keywords: Reputation management, social corporate culture, social capital, social investment, economic sustainability, corporate social responsibility, social projects

For citation: Chernysheva N.I. Reputational social management as a factor of sustainable economic development. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 16-19 (In Russ.)

Концепция корпоративной социальной ответственности в системе репутационного менеджмента обеспечивает важную миссию формирования, с одной стороны, бренда компании/организации, с другой стороны – реализации значимых социальных проектов.

Глобальные тенденции трансформации современной экономики России обозначили новые тренды развития экономических отношений. Демографические, научно-технологические, экологические, политические, этические, ценностные, социальные тренды в совокупности формируют новую модель динамичного устойчивого развития экономики.

Особое место в инновационной модели устойчивого экономического развития на современном этапе обретает система ESG-принципов, основанных на принципиально новой клиентоориентированной парадигме корпоративного менеджмента. Проводимый в 2021 году Петербургский международный экономический форум актуализировал эту систему принципов, идеологической платформой которой является человеческий капитал. Актуализация этого направления обсуждалась и на XXII Саммите HR-Директоров России и СНГ «Устойчивое развитие территорий и человеческого потенциала».

Репутационный социальный менеджмент во взаимодействии с клиентами, поставщиками, партнерами, потребителями являет собой один из векторов развития принципа социальной ответственности в системе ESG - принципов устойчивого экономического развития, основанного на сохранении текущего уровня благосостояния и его приумножении для последующих поколений.

Истоки этого научного направления мы находим в работе профессора Иллинойского Университета США Говарда Боуэна «Социальная ответственность бизнесмена», опубликованной в 1953 году. В этой работе он подчёркивал, что стратегия социального инвестирования и позиционирования опира-

ется на базовые общественные ценности и цели и по возможности осуществляется руководством компании исходя из бюджетных ограничений.

В настоящее время применяется национальный стандарт российской федерации ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» от 2013 года, на основе которого любая компания может внедрить в свою политику соответствующий механизм социальной ответственности [1].

Немаловажное значение для понимания эволюционного контекста esg-принципов устойчивого экономического развития имеет и собственно сама концепция устойчивого развития, заявленная в 1987 году. В частности, один из последователей этой теории, Дж.Эллингтон, впервые сформулировал принцип «тройного итога», предусматривающий оценку результативности компании по трём направлениям: экономическому, экологическому и социальному [2]. На данном этапе эта концепция вновь обретает актуальность и востребованность.

В России рынок корпоративной социальной ответственности находится на этапе становления, и на основе композитного индекса устойчивого развития Skolkovo IEMS пока занимает 50-е место из 142 стран мира [3]. Возможно, этот показатель имеет более высокие значения в связи с тем, что не все российские компании открывают публичный доступ к своим инвестиционным расходам и проектам. Однако исследования показывают, что инвестирование российских компаний в социальные проекты в последние годы выросло в три раза и активно позиционируется в медиапространстве [4].

Сфера применения корпоративной социальной ответственности многогранна, но инвесторы в большей степени предпочитают ориентироваться на 17 целей ООН по формированию устойчивого развития:

1. Ликвидация нищеты.
2. Ликвидация голода.
3. Хорошее здоровье и благополучие.
4. Качественное образование.
5. Гендерное равенство.
6. Чистая вода и санитария.
7. Недорогостоящая и чистая энергия.
8. Достойная работа и экономический рост.
9. Индустриализация, инновации и инфраструктура.
10. Уменьшение неравенства.
11. Устойчивые города и населенные пункты.
12. Ответственное потребление и производство.
13. Борьба с изменением климата.
14. Сохранение морских экосистем.
15. Сохранение суши.
16. Мир, правосудие и эффективные институты.
17. Партнерство в интересах устойчивого развития.

К примеру, ряд российских банков вводят такие социальные проекты как «Старость в радость», «Активное долголетие», «Счастливое детство», формируя тем самым новый уровень развития социального предпринимательства во взаимодействии с социальной инфраструктурой регионов.

Примечательно, что термины «социальное предпринимательство», «социальное инвестирование» и благотворительность имеют разную смысловую семантику. Так, помощь нуждающимся – это благотворительность, решение общественно-значимых проблем и получение соответствующего экономического эффекта – это социальное инвестирование, а социальное инвестирование в создание инновационного продукта, необходимого для общества, – это социальное предпринимательство.

Каждая компания выбирает свои границы и масштабы социальной ответственности, а вместе с тем и смысловой конструкт термина «ответственность» [5]. Так, с одной стороны, мы можем понимать ответственность как морально-этическую категорию и тогда социальное инвестирование будет иметь добровольный благородный жест директората компании, с другой же стороны, социальная ответственность может носить директивный характер и вменять в обязанность, подотчетность миссию социального инвестирования в социальные проекты. На данном этапе жестких директив нет в определении миссии социальной ответственности и компании сами определяют объёмы инвестирования социального капитала.

Так, Ростовский государственный экономический университет на протяжении многих лет успешно ведет проект «Серебряный университет», способствуя социализации старшего поколения посредством повышения компьютерной грамотности и свободного ориентирования в мире современных информационных ресурсов.

Особую роль обретает корпоративное социальное волонтерство, основной сферой реализации которого становится спорт, культура и благоустройство муниципальных территорий. Так, внося весомый вклад в развитие общества, компании формируют собственный благоприятный социальный

бренд, а потребитель, бесспорно, среди многообразия выбора линеек продуктов предпочтёт осуществить выбор за тем брендом, который нашёл соответствующий социальный отклик у потребителя.

К примеру, тема поддержки детства, образования и старости найдёт отклик у большинства потребителей и партнёров-предпринимателей. Зачастую производители на этикетке продукции отмечают, что определённая доля средств, поступивших от продажи продукции данной компании, будет перечисляться в благотворительные фонды. Известны примеры, когда крупные сети ресторанов оплачивают операции детям, в Омске цветочный магазин каждый год проводит социальные акции для многодетных матерей [6].

Таким образом, современный вектор взаимодействия бизнес-сообществ с общественными запросами обусловил формирование нового уровня культуры, в основе которого заложен принцип эффективного взаимодействия бизнес-структур, общества и социальной инфраструктуры.

Вместе с тем концепция социальной ответственности бизнеса на основе ESG-принципов предполагает и проведение политики внутренней системы социальной мотивации.

Социальная мотивация персонала компаний имеет важное значение для обеспечения психологического комфорта работников. В коллективе, где соблюдаются базовые ценности, нормы, модели поведения, производительность труда будет значительно выше.

Достижению этой цели будет способствовать понимание социальных мотивов персонала и возможности их реализации в компании.

Так, условно социальные мотивы можно сгруппировать в три базовые потребности: коммуникационные, статусные и личностные.

Коммуникационные мотивы связаны с потребностью взаимодействия с коллегами, обмену опытом, возможностью трансляции собственных достижений и ожиданием их признания, обретением возможности быть полезным для коллектива и общества в целом.

Статусные мотивы связаны с потребностью занять позиции лидера в коллективе, завоевать авторитет, достичь желаемого уровня карьерного роста и общественного признания.

Личностные мотивы связаны с ощущениями персонала от степени участия в производственной и социальной сфере компании и их соответствии ожиданиям работников.

В совокупности все эти мотивы персонала весьма органично могут быть учтены в концепции социального репутационного менеджмента компаний.

Концепция включает следующие ключевые позиции:

– Обеспечение благоприятного делового климата с целью более эффективного выполнения производственных задач.

– Наличие дополнительных финансовых поощрений по результатам производственных достижений.

– Повышение уровня квалификации работников.

– Создание условий для творческой самореализации персонала.

– Фиксирование и поощрение успехов сотрудников в коллективе.

– Организация совместного досуга коллектива (корпоративы, праздники, значимые события, совместное посещение театров, выставок, пикников).

– Обеспечение карьерного роста, Обеспечение карьерного роста, предоставление заслуженных наград, статусов.

– Предоставление заслуженных наград, статусов, отражение их в постах в социальных сетях компании/организации.

– Создание возможности гибкого графика работы.

– Профилактическая диагностика и лечение персонала.

– Медицинское и психологическое сопровождение работников.

– Реабилитация работников после перенесённых заболеваний.

– Компенсация транспортных расходов работников/предоставление транспорта для доставки персонала к месту работы (в случае удалённого местонахождения).

– Материальная помощь в трудных жизненных ситуациях.

– Поощрение детей работников в образовательных учреждениях и их финансовая поддержка на период летнего отдыха в лагерях.

– В отдельных случаях - предоставление служебного жилья работникам, не обеспеченных жилищными условиями.

– Обеспечение стабильности для персонала.

– Поддержание имиджа компании в социальных сетях (для персонала важно понимание того, что данное место работы является наилучшим выбором работников).

Концепция социальной ответственности бизнеса призвана повысить экономическую устойчивость компаний на рынке и имеет количественные и качественные показатели оценки эффективности:

– повышение объёма продаж;

– рост инвестиционной активности;
– снижение налоговой нагрузки;
– рост конкурентных преимуществ компании;
– повышение производительности труда;
– рост деловой активности в региональном и межрегиональном пространстве;
– продвижение бренда компании;
– повышение доверия со стороны потребителей и партнёров.

Таким образом, концепция социальной ответственности бизнеса имеет экономическое обоснование, социальную платформу реализации, психологическую мотивацию и бесспорный ценностный вклад в повышение благосостояния общества.

Список источников

1. Национальный стандарт РФ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: ГОСТ Р ИСО 26000-2012//docs.cntd.ru
2. Завьялова Е.Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Финансовый бизнес. 2018. №2
3. Бизнес-модель добра // РБК+ //https://plus.rbc.ru/news/5ba06af97a8aa94be8518a92
4. Реализация корпоративной социальной ответственности бизнеса // URL: exiterra/com
5. Завьялова Е.Б. «Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей» // Финансовый бизнес. 2018. №2
6. Социальные проекты в больших компаниях // URL: Rostov.hh.ru
7. Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. Высшая школа менеджмента СПбГУ. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010
8. Сафрончук М.В. Социальная ответственность корпораций и общественное благосостояние (экономико-теоретический анализ) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2. № 3

References

1. National standard of the Russian Federation. Electronic fund of legal and regulatory documents: GOST R ISO 26000-2012//docs.cntd.ru
2. Zavyalova E.B. Corporate social responsibility: evolution of approaches and ideas. *Financial business*. 2018. No2
3. Business model of goodness. RBC+ //https://plus.rbc.ru/news/5ba06af97a8aa94be8518a92
4. Implementation of corporate social responsibility of business. exiterra/com
5. Zavyalova E.B. Corporate social responsibility: the evolution of approaches and ideas. *Financial business*. 2018. No2
6. Social projects in large companies. Rostov.hh.ru
7. Blagov Yu.E. Corporate social responsibility: the evolution of the concept. Graduate School of Management, St. Petersburg State University. St. Petersburg: Higher School of Management Publishing House, 2010
8. Safronchuk M.V. Social responsibility of corporations and public welfare (economic and theoretical analysis). *Economics and management: problems, solutions*. 2017. Vol. 2. No. 3

Информация об авторе

Н. И. Чернышева – кандидат экономических наук

Information about the author

N.I. Chernysheva – Candidate of Economics

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 12 .08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Финансы

Научная статья
УДК 336.745

Инструменты срочного рынка: фьючерсы и опционы

© Б.А. Доронин, О.Н. Углицких, Ю.Е. Клишина, 2022

Борис Алексеевич Доронин[1], Ольга Николаевна Углицких[2], Юлия Евгеньевна Клишина[3]
[1,2,3] Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия
[1] boris_doronin@mail.ru
[2] kolga_u@mail.ru
[3] yuliya_klishina@mail.ru

Аннотация. В современных экономических условиях срочный рынок привлекает крупных игроков возможностями хеджирования открытых позиций, арбитража и высокой доходностью при минимальных транзакционных издержках. В статье уделяется внимание основным инструментам срочного рынка: фьючерсам и опционам, характеризуются типы и виды данных ценных бумаг, приводятся инструменты срочного рынка, торгуемые на Московской бирже. Обосновывается необходимость использования инструментов срочного рынка с целью хеджирования рисков.

Ключевые слова: срочный рынок, производные ценные бумаги, деривативы, инструменты, фьючерсы, опционы, хеджирование

Для цитирования: Доронин Б.А., Углицких О.Н., Клишина Ю.Е. Инструменты срочного рынка: фьючерсы и опционы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.20-24

Original article

Derivatives market instruments:
futures and options

© B.A. Doronin, O.N. Uglitskikh, Yu.E. Klishina, 2022

Boris A. Doronin[1], Olga N. Uglitskikh[2], Yulia E. Klishina[3]
[1,2,3] Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia
[1] boris_doronin@mail.ru
[2] kolga_u@mail.ru
[3] yuliya_klishina@mail.ru

Abstract. In today's economic conditions, the derivatives market attracts large players with the possibility of hedging open positions, arbitrage and high profitability with minimal transaction costs. The article focuses on the main instruments of the derivatives market: futures and options, characterizes the types and kinds of these securities, provides instruments of the derivatives market traded on the Moscow Exchange. The necessity of using derivatives market instruments for the purpose of hedging risks is substantiated.

Keywords: derivatives market, derivatives, instruments, futures, options, hedging

For citation: Doronin B.A., Uglitskikh O.N., Klishina Yu.E. Derivatives market instruments: futures and options. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9(148): 20-24 (In Russ.)

Развитие мирового финансового рынка и глобализация экономики сопровождаются эволюцией и распространением производных финансовых инструментов. Производные финансовые инструменты, они же деривативы, являются инструментами срочного рынка.

Использование производных финансовых инструментов предполагается для страхования (хеджирования) от различного рода рисков. На рисунке 1 представлены субъекты и виды рисков, оказывающие влияние на их деятельность.

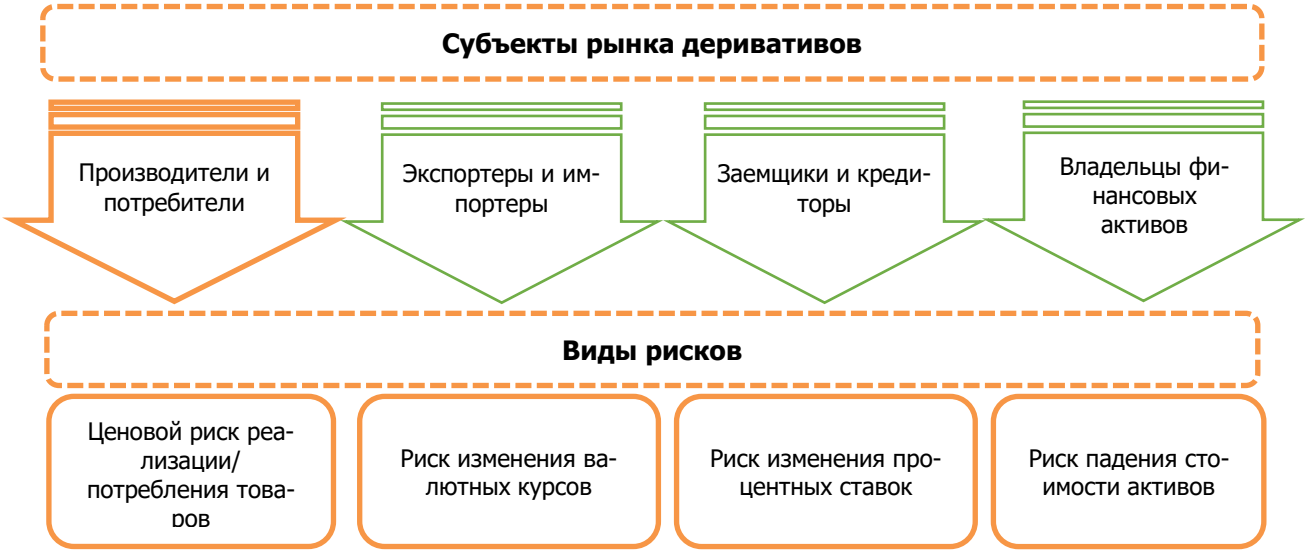


Рисунок 1. Субъекты рынка деривативов и виды рисков

Представленные виды рисков могут хеджироваться на основе заключения деривативов, в отличии от операционных рисков, которые связаны с рыночной или производственной деятельностью, где отсутствуют финансовые контракты на страхование проводимых операций.

Деривативы реализуются на срочном рынке, инструментами которого являются биржевые и внебиржевые контракты (рис.2).

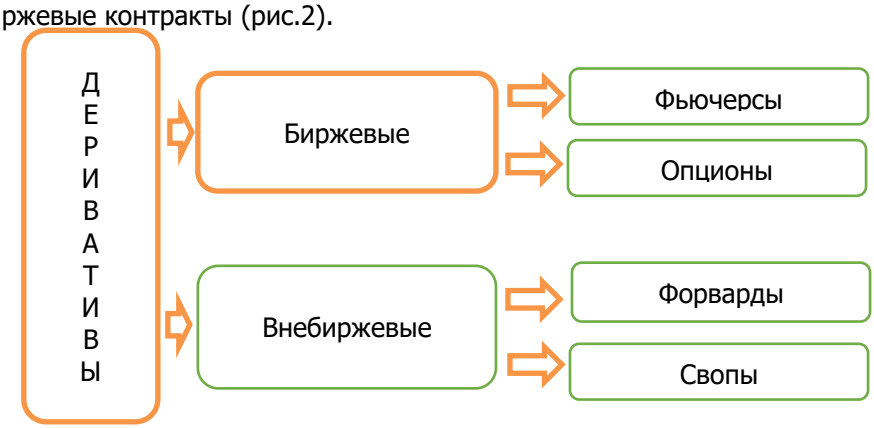


Рисунок 2. Инструменты хеджирования рисков

Срочный рынок является одним из самых привлекательных как для квалифицированных, так и неквалифицированных инвесторов. Наиболее важной особенностью сделок, заключаемых на срочном рынке, является их исполнение в определенную дату в будущем на условиях, оговоренных в момент заключения [3]. Совершение операций на срочном рынке выгодно как для спекулянтов для извлечения прибыли, так и для хеджеров, стремящихся обезопасить себя от неблагоприятных изменений цен на спот-рынках базовых активов.

Фьючерсы и опционы являются основными инструментами срочного (биржевого) рынка. В настоящее время базисным активом производных инструментов, кроме привычных инструментов в виде акций, облигаций или товаров, могут быть процентные ставки, уровень инфляции, официальная статистическая информация, физические, биологические и химические показатели состояния окружающей среды, а также вероятность банкротства, наступления ковенант, реструктуризация долга и т.д.

Фьючерс представляет собой договор покупки или продажи базового актива с отложенным расчётом в будущем. Базовым активом фьючерса могут быть всё те же ценные бумаги, индексы, валюта и товары. В условиях фьючерса заложен срок и цена сделки.

Фьючерсы делятся на два типа: расчетные и поставочные.

Расчетные фьючерсы – это беспоставочные фьючерсы, когда физически товар не поставляется продавцом по истечении указанного срока. Такой фьючерс используется для покупки фондового индекса или валюты.

Поставочный фьючерс, соответственно, используется, когда требуется приобрести физический товар.

Опцион – это право купить или, наоборот, продать акцию, облигацию, другую ценную бумагу, валюту и т. д. по неизменяющейся цене; эта возможность ограничена по времени [5].

Опционы, а также фьючерсы и свопы носят срочный характер. Совершаются сделки в одно время, а исполняются обязательства – в другое.

Опционы бывают двух видов:

- опцион покупателя;
- опцион продавца.

Первый опцион имеет два других названия – опцион на покупку и опцион «колл». Такой опцион открывает путь для покупки актива в конкретный день по конкретной цене.

Второй опцион также имеет два других названия – опцион на продажу и опцион «пут». Такой опцион открывает путь для продажи актива в конкретный день по конкретной цене [2].

Опционы используются как на биржах, так и вне бирж. До того как опционы были представлены на биржах, они торговались вне бирж по системе «через прилавок» (OTC – Overthecounter). Суть этой схемы в следующем: были дилеры, т. е. посредники, которые выполняли работу по поиску покупателей и продавцов («надписантов» - Writer, seller) и их консультирования для достижения согласия во всех вопросах и совершения сделки. Понятие «надписант» появилась по той причине, что настоящий договор выписывался, и тот, кто это делал, являлся реальным продавцом опциона. Как правило, посредник брал комиссию за оказанные услуги. Предположим, что покупатель должен быть выплатить 2 и 1/3. В этом случае продавцу на руки поступало 2, а посреднику – 1/3 [3].

Тот ценник, по которому может быть куплена или продана ценная бумага, именуется ценой исполнения и страйком. В отношении биржевых опционов можно применять как первое, так и второе понятие. Но для старых внебиржевых опционов они не синонимы.

Определения относительности разновидностей опционов, зафиксированные в научных исследованиях Джона К. Халла, выглядят следующим образом: «Исполнение американского опциона (American option) возможно в любой период времени – пока не завершится срок его действия. Исполнение европейского опциона (European option) возможно лишь в период его истечения». Практически все опционы, реализуемые на биржевых площадках, относятся к американским [6]. А. Н. Балабушкиным эта мысль продолжается тем, что «Реализатор опциона «колл» обязан быть всегда готов поставить базисный актив, а реализатор опциона пут – к его оплате. Если продавец опциона «колл» обладает базисным активом, на который реализован опцион, то данную стратегию именуют опционом «колл» с покрытием, в иной ситуации – без покрытия» [1]. Также можно рассмотреть термины, предоставленные М.В. Чекулаевым: «Исполнение европейского опциона возможно лишь в течение конкретного временного отрезка в «районе» временного периода истечения опциона» [7].

С формальной точки зрения считают, что речь идет о дне, определенном как дата выполнения опционных контрактов. Но на практике размещение приказов и сверочный процесс включают в себя более обширные границы. При этом они все равно укладываются в определенный отрезок времени и не так уж сильно увеличивают горизонты [2].

В России срочный рынок появился в 2001 году, когда объединились Санкт-Петербургская биржа и РТС, а в 2011 году площадка перешла к Московской бирже. На Московской бирже торговля фьючерсами и опционами происходит на площадке FORTS (ФОРТС - Фьючерсы и опционы Российской Торговой Системы) [4].

При помощи рынка FORTS торговцы физическими товарами могут осуществлять хеджирование, то есть застраховать риски изменения цен, заключая сделки (если какой-либо продавец волнуется, его товар упадет в цене, он заключает фьючерсный договор на покупку того же самого товара, и если это действительно случится, убыток на рынке реального товара возместится прибылью на рынке FORTS).

Таблица 1. Инструменты срочного рынка Московской биржи

Инструмент	Базовый актив
Товарные фьючерсы и опционы	Металлы (в т. ч. драгоценные), нефть и сахар-сырец
Фондовые фьючерсы и опционы	Российские акции и облигации федерального займа (ОФЗ)
Индексные фьючерсы и опционы	Отечественные фондовые индексы, индекс S&P 500
Валютные фьючерсы и опционы	Национальная и иностранная валюты
Процентные фьючерсы	Контракты на ставки MosPrime и RUONIA

Источник: Московская биржа

Например, на биржевой площадке Московской биржи до марта 2022 года фьючерсом на пару доллар-рубль (Si) ежедневно в торговле участвовало около 30 тысяч клиентов [4].

Разнообразие инструментов Московской биржи рынка FORTS не сравнится с ICE (Intercontinental Exchange) – международной сетью торговых площадок срочного рынка, работающей в США, Канаде и Европе.

Исходя из среднемесячного числа активных трейдеров, по данным Московской биржи в январе 2022 года, первая пятёрка наиболее ликвидных фьючерсов выглядела следующим образом:

1. Курс доллар США – российский рубль;
2. Нефть Brent;
3. Индекс RTS;
4. Акции Сбербанка РФ;
5. Акции Газпрома.

Во время клиринговых сессий регистрируются все совершённые сделки и права собственности, осуществляются комиссионные отчисления. В России эти функции выполняет АО Национальный Клиринговый Центр (НКЦ).

Гарантийное обеспечение по фьючерсным контрактам зависит от природы базового актива. Для акций оно может достигать 40%, опускаясь ниже 20% для биржевых товаров и ниже 5% для ставок однодневных кредитов. Чем меньше величина гарантийного обеспечения, тем с более высоким кредитным плечом может быть совершена сделка, причём без привлечения заёмных денежных средств. К тому же, в отличие от инструментов фондового рынка, перенос открытой маржинальной позиции не требует от трейдера нести дополнительные расходы по ставке краткосрочного кредитования [3].

Несмотря на наличие поставочных фьючерсов по ряду позиций, абсолютное большинство срочных контрактов на Московской бирже заключаются не для купли-продажи базового актива по определённой цене. Как правило, цель таких сделок – получение прибыли на краткосрочных спекулятивных операциях, а также для хеджирования инвестиционного портфеля от рисков снижения его стоимости. В марте 2019 г. суммарный объём торговли на срочном рынке Московской биржи составил 6,7 трлн руб., что почти на 15% ниже, чем в марте 2017 г. Тем не менее, этот показатель значительно превышает объёмы фондового рынка (2,5 трлн руб.), которые также существенно ниже, чем в марте 2017 г. Судя по комментариям трейдеров и инвесторов, основную роль в уменьшении ликвидности рынка сыграло распространение торговых роботов, используемых корпоративными участниками рынка.

В условиях введенных санкций оборот торгов Московской биржи в 2022 году сократился (табл. 2).

Таблица 2.Объем торгов Московской биржи в 2022 году, трлн руб.

Наименование	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Оборот торгов	87,2	102	154,5	88	78,2	73,5
Срочный рынок	16,8	16,4	2,3	4,2	5,6	5,3

Источник: Московская биржа

В июне 2022 года объем торгов на срочном рынке составил 5,3 трлн руб. (11,4 трлн руб. в июне 2021 года), среднедневной объем торгов составил 252,1 млрд руб. (518,1 млрд руб. в июне 2021 года).

В условиях современных санкций Банк России предлагает расширить список базисных активов для производных финансовых инструментов, и создавать контракты на иностранные финансовые инструменты, цифровые права, углеродные единицы и единицы выполнения квот, а также информацию о стоимости работ и услуг и показатели финансовой отчетности по РСБУ и МСФО [8]. Деривативы можно будет создавать на дивиденды и купоны по российским и иностранным ценным бумагам и на средства от продажи таких бумаг, а также на возможную невыплату купона или долга, и таким образом, защитить инвесторов от возможных непредвиденных событий.

Значение инструментов срочного рынка для инвесторов вполне очевидно. Фьючерсные и опционные контракты, связанные с поставкой актива, содействуют формированию рыночно обоснованной цены на него. В случае биржевых товаров срочные инструменты также помогают решать проблемы с их складированием.

С другой стороны, благодаря относительно невысоким ставкам гарантийного обеспечения, в срочных сделках может участвовать значительное число трейдеров, обладающих разносторонней информацией, что облегчает задачу формирования «справедливой» цены актива, сочетая технические и фундаментальные факторы. Это выравнивает рыночные дисбалансы и, в конечном счёте, делает рынок более ликвидным и предсказуемым, что полезно для экономики в целом.

В заключении следует отметить, что инструменты срочного рынка являются сложными ценными бумагами, фьючерсы и опционы не имеют внутренней ценности, они получают свою стоимость из базового актива, являются финансовыми контрактами, где устанавливаются условия сделки, которая

состоится в будущем. Инструменты срочного рынка больше подходят квалифицированным инвесторам: трейдерам, хеджерам, скальперам и арбитражникам, которые используют их для получения дополнительной прибыли на рынке или хеджирования собственных сделок.

Список источников

1. Балабушкин А.Н. Опционы и фьючерсы // URL: https://bookree.org/reader?file=524596&pg=2 (дата обращения: 20.07.2022).
2. Бойченко И.И., Ляндау Ю.В. Использование опционов и фьючерсов как инструментов приумножения капитала в цифровой экономике // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2021. Том 18. № 6 (120). С.17-25.
3. Джапарова И.А., Манина Е. А. Специфика срочного рынка в России // РППЭ. 2021. №5 (127).
4. Официальный сайт Московской биржи // URL: https://www.moex.com (дата обращения: 15.07.2022)
5. Строганова И.А. Производные ценные бумаги: сущность, виды, классификация // Вестник Полоцкого государственного университета. 2019. № 13. С.77-86.
6. Халл Джон К. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты / пер. с англ. и ред. Д. А. Клюшина. 8-е изд. Москва [и др.]: Вильямс, 2014. 1070 с.
7. Чекулаев М. В. Финансовые опционы: справочник-путеводитель. Ростов-на-Дону, 2013. 147 с.
8. ЦБ предлагает создавать деривативы под «события госвмешательства» / И. Алдошина // URL: https://frankrg.com/68377 (дата обращения: 29.07.2022).

References

1. Balabushkin A.N. Options and futures. [Electronic resource] // Large electronic library. URL: https://bookree.org/reader?file=524596&pg=2 (Date of access: 20.07.2022).
2. Boychenko I.I., Lyandau Yu.V. The use of options and futures as tools for increasing capital in the digital economy / I.I. Boychenko, Yu.V. Landau // Bulletin of the Russian University of Economics. G. V. Plekhanov. - 2021. - Volume 18, No. 6 (120). - P.17-25.
3. Dzhaparova I.A., Manina E.A. Specifics of the derivatives market in Russia // RPPE. - 2021. - No. 5 (127). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-srochnogo-rynka-v-rossii (Date of access: 28.07.2022).
4. Official website of the Moscow Exchange. URL: https://www.moex.com (date of access: 07/15/2022)
5. Stroganova I.A. Derivative securities: essence, types, classification / I. A. Strogonova // Bulletin of the Polotsk State University. - 2019. - No. 13. - P.77-86.
6. Hull John K. Options, futures and other derivative financial instruments / John K. Hull; [per. from English. and ed. D. A. Klyushina]. - 8th ed. - Moscow [and others] : Williams, 2014. - 1070 p.
7. Chekulaev M. V. Financial options [Text]: guidebook / M. V. Chekulaev. - Rostov-on-Don, 2013. - 147 p.
8. The Central Bank proposes to create derivatives for "state intervention events" / I. Aldoshina // Frank Media. - 2022. - URL: https://frankrg.com/68377 (date of access: 29.07.2022).

Информация об авторах

Б.А. Доронин – доктор экономических наук, профессор
О.Н. Углицких – кандидат экономических наук, доцент
Ю.Е. Клишина – кандидат экономических наук, доцент

Information about the authors

B.A. Doronin - Doctor of Economics, Professor
O.N. Uglitskikh - Candidate of Economics, Associate Professor
Yu.E. Klishina - Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 330.322:336

Российский рынок коллективных инвестиций: тенденции и перспективы развития

© Е.П. Томилина, И.И. Глотова, 2022

Елена Петровна Томилина[1], Ирина Ивановна Глотова[2]
[1,2] Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия
[1] e.tomilina@mail.ru
[2] irin-glotova@yandex.ru

Аннотация. В современных условиях вопрос повышения интереса частных инвесторов к рынку коллективного инвестирования особенно актуален, поскольку недостаточный объем инвестиционных ресурсов является одной из основных проблем развития отечественного финансового рынка. В статье рассматриваются особенности функционирования российских институтов коллективного инвестирования, особое внимание уделено паевым инвестиционным фондам. Исследование тенденций и перспектив рынка коллективных инвестиций позволяет определить направления повышения популярности инвестиционных фондов, что, в свою очередь, будет способствовать как их развитию, так и развитию финансового рынка страны.

Ключевые слова: инвестиции, частные инвесторы, финансовый рынок, паевые инвестиционные фонды, ценные бумаги, риск, доходность, страхование

Для цитирования: Томилина Е.П., Глотова И.И. Российский рынок коллективных инвестиций: тенденции и перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.25-29

Original article

Russian collective investment market: trends and development prospects

© E.P. Tomilina, I.I. Glotova, 2022

Elena P. Tomilina[1], Irina I. Glotova[2]
[1,2] Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia
[1] e.tomilina@mail.ru
[2] irin-glotova@yandex.ru

Abstract. In modern conditions, the issue of increasing the interest of private investors in the collective investment market is especially relevant, since insufficient investment resources is one of the main problems of the development of the domestic financial market. The article deals with the peculiarities of the functioning of Russian collective investment institutions, special attention is paid to mutual investment funds. The study of trends and prospects of the collective investment market allows for determining the directions of increasing the popularity of investment funds, which in turn will contribute to both their development and the development of the country's financial market.

Keywords: investments, private investors, financial market, mutual funds, securities, risk, profitability, insurance

For citation: Tomilina E.P., Glotova I.I. The Russian collective investment market: trends and prospects of development. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9(148): 25-29 (In Russ.)

Эффективное развитие экономики невозможно без активизации инвестиционных процессов. В свою очередь, для активизации инвестиционных процессов необходимы достаточные объемы инвестиционных ресурсов. Основополагающим фактором развития отечественного финансового рынка является низкое участие населения в инвестиционных процессах. Система финансовых посредников, функционирующая на финансовом рынке позволяет эффективной мобилизации и трансформации сбережений в инвестиции [1]. Необходимость деятельности институтов финансового посредничества, в современном мире, обусловлена тем что, чаще всего, частный инвестор не имеет необходимой квалификации для осуществления деятельности на финансовых рыках.

Наиболее безопасным способом осуществления инвестиционной деятельности для частных инвесторов является инвестирование посредством институтов коллективного инвестирования.

Особенности функционирования и регулирования со стороны государства выражаются в специфике организационно-правовых форм институтов коллективного инвестирования: паевые инвестиционные фонды (открытые – ОПИФ, закрытые – ЗПИФ, биржевые – БПИФ), АИФы (акционерные инве-

стиционные фонды), ОФБУ (общие фонды банковского управления), НПФ (негосударственные пенсионные фонды), кредитные союзы [2].

На наш взгляд, наиболее подходящими и социально ориентированными на сегодняшний день являются паевые инвестиционные фонды как один из значимых институтов коллективного инвестирования.

Среди основных особенностей правового статуса ПИФов можно выделить следующие:

- полученный посредством доверительного управления прирост имущества фонда не является объектом налогообложения;

- получение дохода (убытка) инвесторами происходит при продаже инвестиционных паев за счет разницы между ценой приобретения и погашения.

Основное отличие среди выделяемых на российском рынке четырех типов ПИФов заключается в особенностях приобретения и погашения инвесторами паев.

Российский рынок паевых инвестиционных фондов демонстрирует положительную динамику, но все же уровень развития еще очень далек от уровня в развитых странах. Для сравнения доля активов ПИФов в ВВП развитых стран 15-30%, в России 1%. С другой стороны, доля объемов депозитов частных лиц в ВВП России 30%, что демонстрирует огромный перевес в пользу банковских вкладов, а соответственно, позволяет сделать однозначный вывод: инвестиции посредством размещения активов на депозитах намного популярнее инвестиций в паевые инвестиционные фонды [3].

За последние четыре года на Московской бирже произошел резкий рост количества новых инвесторов. Этому способствовали такие факторы как: низкие процентные ставки по банковским депозитам; льготы, предоставляемые государством, по индивидуальным инвестиционным счетам; доступность инвестиций, как через персональные компьютеры, так и через смартфоны; огромное количество рекламы брокеров. Динамика изменения количества физических лиц, открывших брокерские счета в течение одного года, представлена на рисунке 1. За рассмотренный период количество частных инвесторов выросло в два раза.

Среди значительного количества категорий паевых фондов по объектам инвестирования, на наш взгляд, наиболее надежными и ориентированными на частного неквалифицированного инвестора являются ПИФы облигаций. Они являются популярными среди инвесторов, целью которых является сохранение капитала и его защита от инфляции. Паевые фонды облигаций – финансовый инструмент, наиболее подходящий по уровню риска для частного инвестора. Благодаря твердой доходности приближенной к уровню инфляции и низким рискам дает возможность сравнения данного инструмента с банковскими депозитами.

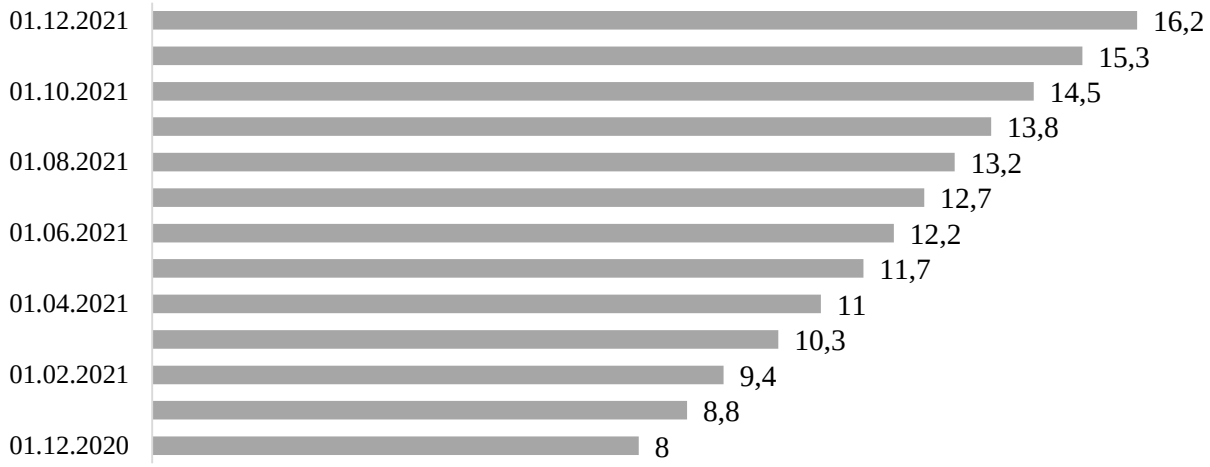


Рисунок 1. Динамика физических лиц, открывших брокерские счета, млн руб.
Источник: Банк России

В настоящее время на российском рынке ПИФы созданы как крупными банками (ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО), АО «Тинькофф Банк» и др.), так и управляющими компаниями – узко специализированными на инвестициях (ООО УК «Альфа-Капитал», ООО УК «ОТКРЫТИЕ» и др.).

По итогам 2021 года в России зарегистрировано 1965 ПИФ, число пайщиков выросло до 8,7 млн, чистый приток средств в ПИФ составил около 990 млрд руб. Биржевые паевые инвестиционные фонды по итогам 2021 года стали лидерами по числу новых пайщиков, поскольку отличаются минимальным порогом входа и простой процедурой приобретения, кроме того они обладают высокой ликвидностью и низкими комиссиями.

Важным показателем при оценке паевого инвестиционного фонда является стоимость чистых активов (СЧА). Чем больше показатель СЧА фонда, тем больше доля его активов на финансовом рын-

ке [4]. Инвестиционные фонды со значительными средствами в управлении и большим числом клиентов выглядят наиболее надежными на рынке коллективного инвестирования.

Закрытыми паевыми инвестиционными фондами – значимым сегментом рынка коллективного инвестирования по СЧА – в 2021 году был обеспечен основной приток средств [5]. Крупнейшим же сегментом розничных фондов являются открытые инвестиционные фонды. Чистый приток средств ОПИФ в 2021 году составил более 205 млрд рублей.

Повышение интереса частных инвесторов к ПИФам свидетельствует о новом осмыслении населением отношения к финансовым активам. Кроме того, значительное количество частных инвесторов уже накопило позитивный опыт инвестирования в альтернативные банковским депозитам финансовые инструменты. Немаловажное положительное влияние на развитие рынка коллективного инвестирования оказала цифровизация продаж.

По данным Банка России в 2021 году средневзвешенная доходность ПИФов составила: ОПИФ – 7,0%; ЗПИФ – 28,8%; БПИФ – 5,2%.

В рамках исследования рынка ПИФ представляет интерес структура активов ОПИФов как крупнейшего сегмента данного рынка. Динамика структуры активов паевых фондов за последние три года представлена на рисунке 2.

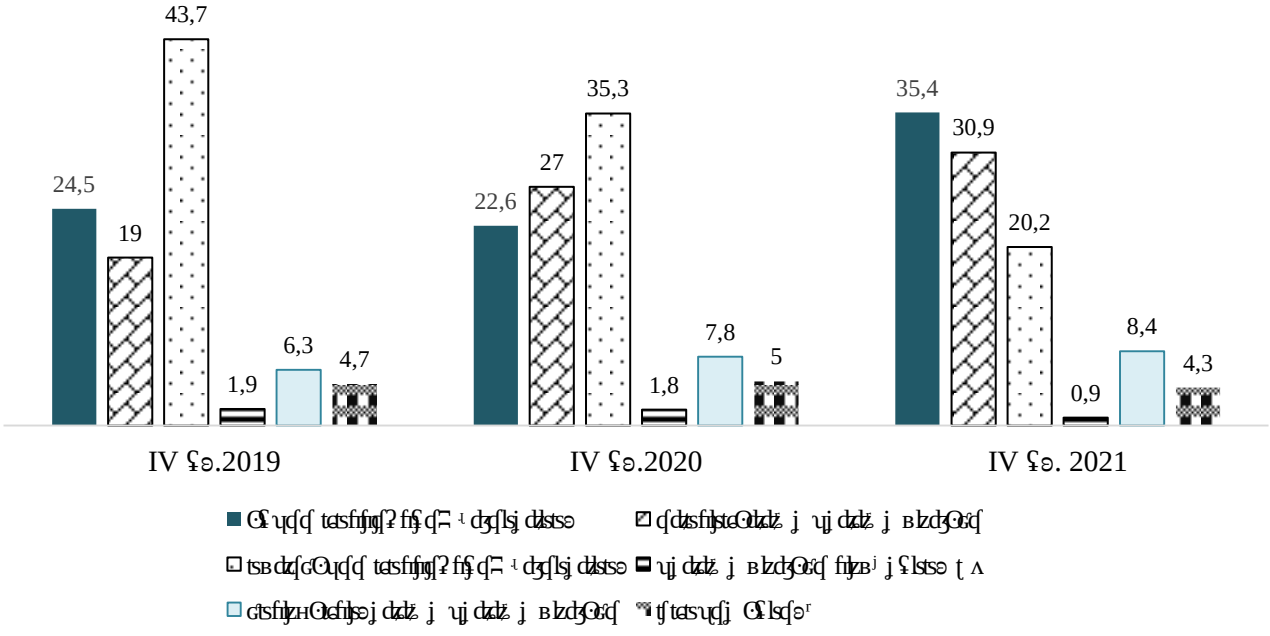


Рисунок 2. Динамика структуры активов ОПИФ, %

Источник: Банк России

За последние три года наблюдается рост склонности частных инвесторов к более рискованным инструментам, другими словами мы наблюдаем рост риск-аппетита частных инвесторов. Сдержанный рост ставок по банковским вкладам в сравнении с уровнем инфляции, отрицательная доходность облигационного рынка, рост российского рынка акций подтолкнули пайщиков к увеличению инвестиций в более рисковые активы.

На основании анализа ключевых показателей рынка коллективного инвестирования за 2019-2021 годы можно сделать следующие выводы:

– количество частных инвесторов на Московской бирже растет существенными темпами;
– усилился интерес частных инвесторов к паевым инвестиционным фондам;
– совокупное количество ПИФ по итогам 2021 года составило 1965, совокупное количество пайщиков составляет 7,7 млн человек, доля частных инвесторов в стоимости чистых активов ПИФ существенно возросла;
– рынок ПИФов имеет положительную динамику развития, о чем свидетельствуют данные о динамике совокупной стоимости чистых активов;
– для неквалифицированных инвесторов самыми безопасными являются инвестиции в открытые паевые инвестиционные фонды облигаций;
– в структуре активов ОПИФов облигации являются самыми емкими финансовыми инструментами;

– поступательно растет доля вложений в акции, доля облигаций российских эмитентов сократились с 43,7% до 20,2%, т.е. наблюдается приток в долевые инструменты российских компаний;

– возросла заинтересованность банков в диверсификации своих доходов за счет роста комиссионных доходов при продажах ПИФ;

– повышение доступности финансовых инструментов за счет развития цифровизации и дистанционных каналов продаж.

Развитый рынок коллективного инвестирования является как эффективным механизмом защиты накоплений от инфляции, так и способом дополнительных финансовых ресурсов. Политика государства, направленная на развитие финансового рынка, контроль деятельности финансовых институтов и недопущения их деятельности за пределами правового поля, защита частных инвесторов от недобросовестных действий при оказании финансово-посреднических услуг стимулируют активизацию населения в инвестиционные процессы.

В последние годы наблюдается положительная тенденция изменения законодательства в области регулирования деятельности инвестиционных фондов, тем самым удалось повысить доверие пайщиков и инвесторам к инвестиционным фондам. Инструменты рынка коллективного инвестирования стали более понятными для частного инвестора. Единая форма отчетности для финансовых организаций повысила достоверность и прозрачность предоставляемой информации и ее открытость для всех участников фондового рынка, была упрощена система международного обмена данными. Проводимая центральным банком и государством политика способствует развитию рынка коллективного инвестирования и прежде всего действует в интересах частных инвесторов.

Также необходимо отметить такие стимулирующие меры, введенные государством, как возможность получения налоговых вычетов по ИИС. Это также благоприятно влияет на повышение интереса населения к инвестициям на финансовых рынках.

Тем не менее, несмотря на положительную динамику развития рынка коллективного инвестирования, на наш взгляд, основным препятствием для его развития является незащищённость вложений инвесторов в паевые инвестиционные фонды. В России по-прежнему наиболее востребованными являются банковские депозиты. Весомым аргументом в пользу депозитов является механизм страхования банковских вкладов. На сегодняшний день максимальная сумма компенсации для страхового случая по вкладу 1,4 млн руб. Можно предположить, что защита банковских вкладов является основополагающей для частных лиц при принятии решения о том, куда инвестировать накопления.

Во многих государствах, наряду с системой защиты банковских депозитов, существует система гарантирования инвестиций розничных инвесторов, что способствует повышенному уровню доверия к институтам финансового рынка.

В России все еще отсутствует институт страхования рисков по брокерским счетам и счетам ИИС частных инвесторов [6].

В 2017 году был внесен законопроект «О страховании инвестиций физических лиц на индивидуальных инвестиционных счетах», суть которого заключается в том, что страхованию подлежат активы, учет которых осуществляется на основании договора на ведение индивидуального инвестиционного счета. Законопроект был принят в первом чтении, однако своего дальнейшего развития он не получил. Весной 2022 года на государственном уровне вернулись к обсуждению данного законопроекта. Вопрос поддержки частных инвесторов приобрел новую актуальность в связи с блокировкой операций с ценными бумагами и падением фондовых индексов.

Риски частных инвесторов очень велики, минимизировать инвестиционные риски для неквалифицированного инвестора возможно только посредством доверительного управления через профессионального управляющего. С точки зрения безопасности инвестиций начинающих неквалифицированных инвесторов, правильнее было бы изменение законодательства именно в отношении такого института коллективного инвестирования как паевые инвестиционные фонды. Страхование инвестиций, в том числе в ПИФы, позволит сделать их еще более безопасными, а соответственно, и более востребованными инструментами для частного инвестора.

Список источников

1. Гаджимурадова Л. А. Паевые инвестиционные фонды как форма коллективного инвестирования в России // Матрица научного познания. 2020. №. 11. С. 88-92.
2. Ерыгина Н.С. Обзор институтов коллективного инвестирования // Juvenis scientia. 2016. №1. С.93-96.
3. Зубов С.А. Депозиты населения в январе-ноябре 2021 г. // Экономическое развитие России. 2022. №1. С.33-35.
4. Зуева И. Фролова А. Развитие методов оценки и раскрытия информации о стоимости чистых активов паевых инвестиционных фондов // Danish Scientific Journal. 2021. № 44-2. С. 17-23.

5. Гаджиев М. М., Шарич Э.Э., Яковлева Д.Д. Паевые инвестиционные фонды как основа рынка коллективных инвестиций и драйверы роста экономики // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2019. № 3. С. 72-81.

6. Субботин Р. И. Биржевые инвестиционные фонды (ETFs): гарантии прав частных инвесторов и риски при осуществлении инвестиционной деятельности на рынке коллективных инвестиций // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 69-76.

References

1. Gadzhimuradova L. A. Mutual investment funds as a form of collective investment in Russia. *Matrix of scientific cognition*. 2020. No. 11: 88-92 (In Russ.)

2. Erygina N.S. Review of collective investment institutions. *Juvenis scientia*. 2016. No. 1:93-96 (In Russ.)

3. Zubov S.A. Deposits of the population in January-November 2021. *Economic development of Russia*. 2022. No. 1:33-35 (In Russ.)

4. Zueva I. Frolova A. Development of methods for assessing and disclosing information on the value of net assets of mutual investment funds. *Danish Scientific Journal*. 2021. No. 44-2:17-23 (In Russ.)

5. Gadzhiev M. M., Sharich E.E., Yakovleva D.D. Mutual investment funds as the basis of the collective investment market and drivers of economic growth. *UEPS: management, economics, politics, sociology*. 2019. No. 3:72-81 (In Russ.)

6. Subbotin R. I. Exchange-traded investment funds (ETFs): guarantees of the rights of private investors and risks in the implementation of investment activities in the collective investment market. *Business Law*. 2021. No. 4:69-76 (In Russ.)

Информация об авторах

Е.П. Томилина – кандидат экономических наук, доцент
И.И. Глотова – кандидат экономических наук, доцент

Information about the authors

E.P. Tomilina – Candidate of Economics, Associate Professor
I.I. Glotova – Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Управление персоналом

Научная статья
УДК 331.101.3

Управление мотивацией персонала в организации

© И.К. Логвинова, К.Ф. Айдинян, 2022

Ирина Константиновна Логвинова [1], Каринэ Федоровна Айдинян[2]
[1,2] Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
[1] logvinovaik@mail.ru
[2] ivanova_sonya@mail.ru

Аннотация. Работая над статьей, авторы предприняли попытку охватить все сферы мотивации персонала и разработки мотивационной политики. В частности, в статье рассмотрены задачи, принципы, правила и требования, предъявляемые к работодателю при формировании мотивационной политики и программ стимулирования труда персонала. Были охарактеризованы виды и мотивационные типажи работников, представлено их авторское описание.

Для организаций важно уметь правильно определять уровень замотивированности персонала, авторы приводят методику расчета индекса мотивации персонала, предлагая использовать для этого индексы самомотивации, стимулирования и условий труда. Каждая составляющая подлежит отдельному определению, методика расчета подробно описана авторами в статье.

Ключевые слова: мотивационная политика, человеческий капитал, мотивационные типы, виды мотивации, самомотивация, индекс мотивации, индекс стимулирования, индекс активации мотивации

Для цитирования: Логвинова И.К., Айдинян К.Ф. Управление мотивацией персонала в организации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С.30-35

Personnel management

Original article

Management of personnel motivation in the organization

© I.K. Logvinova, K.F. Aydinyan, 2022

Irina K. Logvinova [1], Karine F. Aydinyan[2]
[1,2] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
[1] logvinovaik@mail.ru
[2] ivanova_sonya@mail.ru

Abstract. While working on the article, the authors attempted to cover all areas of staff motivation and the development of motivational policy. In particular, the article discusses the tasks, principles, rules and requirements imposed on the employer when forming a motivational policy and incentive programs for the staff. The types and motivational types of employees are characterized, their authors' description is presented.

It is important for organizations to be able to correctly determine the level of motivation of the staff, the authors provide a methodology for calculating the staff motivation index, suggesting using self-motivation, incentive and working conditions indices for this. Each component is subject to a separate definition, the calculation method is described in detail by the authors in the article.

Keywords: motivational policy, human capital, motivational types, types of motivation, self-motivation, motivation index, incentive index, motivation activation index

For citation: Logvinova I.K., Aydinyan K.F. Management of personnel motivation in the organization. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 30-35 (In Russ.)

Человеческий капитал является одним из ключевых ресурсов организации. Поэтому с помощью качественного управления им можно добиться наиболее эффективной работы предприятия. И именно мотивация является одним из наиболее важных факторов управления человеческим капиталом. Умелая стратификация человеческого капитала посредством градации мотивационных типов может качественно изменить и уровень доходности работников, и уровень благосостояния организации [8]. Эффективность работы сотрудников организации опосредует грамотная мотивационная политика. Разрабатываемая мотивационная политика организации является стратегической линией, направленной на достижение глобальных корпоративных целей. Мотивационная политика – совокупность методов и средств для эффективного управления персоналом и реализации целей предприятия.

Разработка мотивационной политики предприятия требует решения целого ряда непростых задач, среди которых можно выделить (рис. 1):

- определение факторов, формирующих структуру мотивационной политики, структурированию их сущности в сфере действующей социальной среды, оценку воздействия на мотивацию сотрудников факторов внутренней и внешней среды;
- выявление возможности бесконтрольного или направленного изменения факторов в соответствии с условиями развития производственной системы;
- выбор соответствующих методов воздействия на мотивацию, их разумное комплексное сочетание;
- выбор соответствующего комплекса инструментов воздействия на трудовое поведение персонала и выработку принципиальных функций такого комплекса;
- выявление мотивационных ресурсов в управлении (организация труда, принципы социального партнерства, возможности социальной политики предприятия).

Рисунок 1. Задачи мотивационной политики организации

Можно выделить несколько подходов для построения эффективной мотивационной политики [3]:

- все реализуемые действия должны быть осознанными и направленными на результат;
- решающее большинство сотрудников получают удовлетворение от работы, от ощущения своей причастности к результатам труда, для них очень важно понимать, в какой степени от их труда зависит конечный результат;
- любой человек хочет продемонстрировать свой потенциал в процессе трудовой деятельность, показать, на что он способен в своей работе;
- люди стремятся показать и выразить себя в труде;
- любой работающий сотрудник имеет свою точку зрения относительно улучшения рабочего процесса и повышения его результативности, поэтому в сложившейся ситуации руководителю следует решить и разобраться, насколько та или иная точка зрения подходит организации;
- человек хочет ощущать важность своего труда;
- любой сотрудник стремится добиться успеха и получит признание за выполненную работу;
- успех, полученный сотрудником без поощрения коллективом или начальством, ведет к разочарованию;
- каждый хочет получать всю информацию с оценкой его деятельности;
- работники не поощряют и не терпят, если принимаются управленческие решения, касающиеся их, без их ведома, поэтому следует всегда ставить сотрудников в известность;
- каждому сотруднику нужна информация о качестве проделанного им труда;
- контроль со стороны неприятен для всех;
- каждый сотрудник хочет получать новые знания;
- опережающие по отношению к оплате труда нагрузки ведут к уничтожению инициативы.

Требования к мотивационной политике, формирующейся в организации:

- объективность: количество и качество вознаграждения сотрудника должно формироваться на основе объективной и взвешенной оценки результатов его деятельности;
- предсказуемость: сотрудник всегда должен знать размер вознаграждение за те или иные результаты свой деятельности;
- адекватность: вознаграждение всегда должно быть обоснованно и адекватно трудовому вкладу каждого сотрудника в результат деятельности всего коллектива, его опыту и уровню квалификации;
- своевременность: вознаграждение должно следовать за достижением результата как можно быстрее (если не в форме прямого вознаграждения, то хотя бы в виде учета для последующего вознаграждения);
- значимость: вознаграждение должно быть для сотрудника значимым;

- справедливость: система мотивации персонала должна быть понятна и принята работниками организации, только тогда она будет эффективна.

Несоблюдение этих подходов работодателем приведет к неэффективности действующей системе мотивации, росту текучести кадров, отсутствию лояльности коллектива, а в последствии и к росту затрат организации на внедрение реально действующей мотивационной системы.

Опираясь на то, какие результаты и цели преследует мотивация, можно выявить следующие виды мотивации персонала. Виды мотивации персонала представлены на рисунке 2.

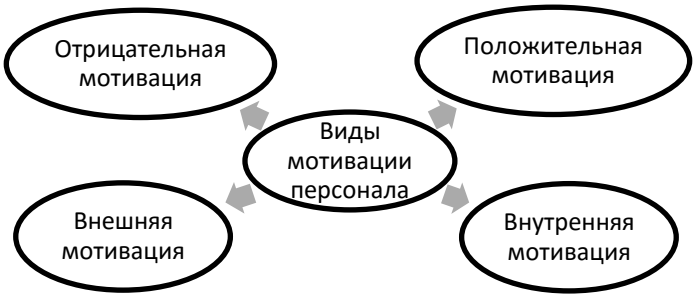


Рисунок 2. Виды мотивации персонала

Внешняя мотивация: представляет собой своего рода процесс административного воздействия или управления, т. е. руководитель поручает работу исполнителю, а тот ее выполняет. При таком виде мотивирования руководителю надо знать, какие мотивы могут побуждать конкретного работника выполнить работу качественно и в срок. Это может быть как обоснованная оплата выполненной работы или премия за таковую, так и обыкновенная похвала или иной вид морального стимулирования.

Внутреннее мотивирование является более сложным процессом и предполагает формирование определенной мотивационной структуры человека. В этом случае следует найти психологический способ усиления желательных качеств личности работника и ослабления отрицательных факторов, например снижения монотонности труда, и др. Второй тип мотивации требует от самого менеджера намного больших усилий, знаний и способностей. В производственной деятельности оба вида мотивирования тесно взаимодействуют. Внутренняя мотивация в большей степени определяется содержанием или значимостью самой работы. Если она интересует работника, позволяет реализовать его природные способности и склонности, та это само по себе является сильнейшим мотивом к активной трудовой деятельности. Наряду с этим, существенным внутренним мотивом может быть значимость работы для развития определенных качеств человека.

Исследователями принято обозначать два вида мотивации: положительную и отрицательную. Приведем пояснение к этим видам. Положительная мотивация относится к мотивации роста и является достижительной мотивацией работника. Ориентирована на активную деятельность работника, оптимизм и позитивный настрой на организацию, работу и коллег. Отрицательная мотивация относится к санкционной мотивации и является лишь стимулом от отрицательных показателей, не мотивируя к росту. Проявляется в виде моральных и материальных взысканий, накладываемых на работника.

Также можно выделить основные мотивационные типажи работников, варьирующихся по степени значимости материальной составляющей труда [6]. Типы мотивации представлены на рисунке 3.

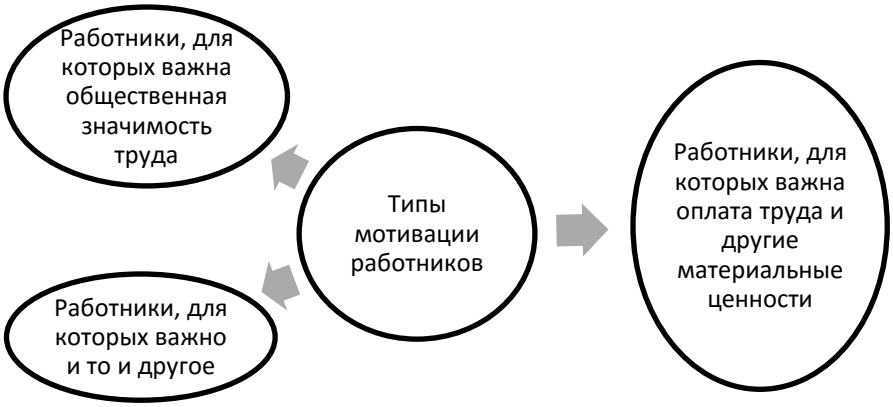


Рисунок 3. Типы мотивации работников

Можно привести и иную классификацию мотивации сотрудников:

- инструментальная мотивация. Мотивация для данного сотрудника нацелена на обыкновенную заработную плату, выданную наличными и в срок. Он безразличен к форме собственности, начальству, различным видам стимулирования и поощрения. Таким образом, для работника любая работа – это источник дохода.

- профессиональная мотивация. Для такого типа сотрудника ключевым условием трудовой деятельности является стремление реализовать себя и свои профессиональные качества, умения и возможности, и не всегда это связано с ростом дохода.

- патриотическая мотивация. Основой мотивации для данной категории людей служат высокие идейные и человеческие ценности. Данный тип сотрудников хочет, чтобы результатом их трудовой деятельности были полезные обществу блага, они хотят принести людям добро и гуманизм. Во времена коммунистического строя в нашей стране работников с такими стремлениями было подавляющие большинство в любой сфере деятельности. В настоящее время людей с такой установкой становится значительно меньше.

- хозяйственная мотивация. Работники данного типа ориентированы на постоянный рост и приумножение своего богатства, работают в организации для получения необходимого опыта, затем чаще всего создают собственный бизнес, постоянно увеличивая свои потребности, привлекая наемных работников. При этом основным остается не общественное, а частное благо.

- люмпенизированная мотивация. Персонал, который относится к данному мотивационному типу, чаще всего ленив, завистлив, избегает ответственности и ищет работу, которая не потребует много сил и энергии, как физической, так и умственной.

Все рассмотренные виды и типы мотивации зависят от трех сил, которые воздействуют на человека. Зная и учитывая эти силы, работодатель может построить успешную систему стимулирования труда и производительности персонала, а также оценить, насколько хорошо работает данная система.

Первой силой является самомотивация, которая представляет внутреннее побуждение человека к труду. Обозначим ее как индекс самомотивации (Iм).

Второй силой является стимулирование труда, которое осуществляет работодатель, желательно с учетом мотивационных типов сотрудников. Обозначим ее как индекс стимулирования (Iс).

Третья сила представляет собой активацию, т. е. некий толчок, например небольшой приятный работникам подарок, не приносящий больших материальных затрат работникам в начале рабочей недели, дня или смены.

Оценить уровень мотивации работников и действенность системы стимулирования труда можно путем расчета каждой указанной силы и затем сложения полученных показателей. Обозначим ее как индекс активации (Iа).

Для расчета первого показателя, а это показатель уровня самомотивации работника предлагается использовать показатели значимости выполняемых работ, разнообразия работ и способность работника отождествлять проделанную работу с конечным результатом, также учтем степень независимости работника и работы и частоту получения обратной связи от профессионального окружения.

При определении показателя значимости (З) работы работодатель для себя определяет значимость поставленных бизнес-целей или задач. Предлагается использовать метод шкалирования, например десятибалльную шкалу.

Таким же методом шкалирования предлагается пользоваться и при определении двух последующих показателей. Это показатель разнообразия (Р) выполняемых работ, при осуществлении трудовых обязанностей работником и показатель отождествления выполняемой работы с конечным результатом для организации (О). Значимость и уровень разнообразия определяет работодатель самостоятельно, а отождествление – на основании стремления работника внести свой вклад в развитие организации.

Следующие два показателя необходимых для расчета уровня самомотивации являются показатель автономности (независимости) работ (Н) и показатель обратной связи (С). Их также можно рассчитать методом шкалирования, используя балльную градацию. Рассчитывать их предлагается вместе по десятибалльной шкале, при этом первые пять баллов использовать для определения показателя независимости работ и работника, где высший балл – 5, это полностью самостоятельная работа, а низший – 1, работник, требующий контроля [4]. При определении обратной связи следует учитывать, насколько часто она возникает между работодателем и сотрудником, здесь рекомендуется использовать баллы от пяти до десяти, где десять – это практически постоянная связь с коллегами и руководством, а пять – если работник дает обратную связь только при осуществлении отчетности.

Используя все рассчитанные показатели, составляем уравнение (1):

$$I\text{м} = \frac{\text{З}+\text{Р}+\text{О}}{3} \times \text{Н} \times \text{С} \quad (1)$$

Эксперты утверждают [7], что для руководящих должностей данный показатель варьируется в области 300-250 пунктов, для специалистов 200-150 пунктов, для рядовых рабочих и вспомогательного персонала, значения могут опускаться и ниже.

Для расчета второго показателя – показателя уровня и силы стимулирования труда – работодателям рекомендуется использовать величину заработной платы с учетом премирования (ЗП), относительно средней по региону, частота и гарантированность выплаты заработной платы (В), и созданные работодателем условия труда (У).

Уровень заработной платы (Узп) является расчетным показателем и определяется при помощи статистической формулы (2):

$$\text{Узп} = \frac{\text{Реальная зарплата работодателя}}{\text{Средняя заработная плата в регионе}} \times 100 \quad (2)$$

Далее для определения показателя величины заработной предлагается воспользоваться методом попарного сравнения, порядок сравнения представлен в таблице1.

Таблица 1. Сравнительные значения для определения величины заработной платы

Уровень заработной платы по отношению к средней по региону, %	Относительный показатель для расчета уровня и силы стимулирования, балл
60	3
80	4
100	5
120	6
140	7

Частоту и гарантированность заработной платы также можно определить балльным путем. Если выплаты гарантированы и регулярны – 1 балл, если у работника есть сомнения в выплате бонусной части дохода или она неясна (прозрачна) для работника – 0,5 балла, если выплаты нерегулярны или с задержкой – 0 баллов.

Третья составляющая показателя – условия труда – включает удаленность работы от дома и сложность перемещения, психологический климат в коллективе, созданные работодателем рабочие места, соблюдение СОУТ. Предлагается также использовать балльную шкалу, при этом использовать метод обратного счета. Чем сложнее условия труда, тем выше балл, максимальное значение – 10 баллов, минимальное – 5 баллов.

Объединяя составляющие в формулу (3), получим следующее выражение:

$$Iс = (\text{ЗП} \times \text{В} - \text{У}) \times 100 \quad (3)$$

По мнению экспертов [2], наибольшее значение по этому показателю может достигать 1000 баллов, но в среднем по организациям показатель составляет 200-300 баллов.

Для расчета третьей мотивационной силы – активации – понадобится предварительно определить вовлеченность персонала в процесс выполнения бизнес-задач, это и поддержка персонала друг другом, и взаимовыручка, и нацеленность на общий результат, т.е. командность [1]. Для определения уровня вовлеченности предлагается воспользоваться готовой анкетой [5] или создать собственный опросник для работников, который должен быть ориентирован на ответы «да» или «нет», процентное соотношение ответов и покажет уровень вовлеченности. Значения больше 50% будут свидетельствовать о хорошей вовлеченности персонала, ниже – наоборот. Для использования в формуле по определению индекса активации предлагается проценты переводить в баллы, например 100% – 10 баллов, 80% – 8 баллов и т.п. Таким образом, формула для расчета индекса активации будет выглядеть следующим образом (4):

$$Iа = \frac{\text{Расчетная величина вовлеченности}}{2} \quad (4)$$

По мнению специалистов, показатель по формуле (4) может варьироваться от нуля до 500 баллов [2, 7].

Окончательный расчет уровня мотивации работников производится по формуле (5) на основании всех полученных ранее показателей, объединив их в одном выражении, получим индекс мотивации работников, обозначим его (IM):

$$IM = Iм + Iс + Iа \quad (5)$$

Значение данного показателя в максимальном выражении может достигать 2500 баллов, соответственно половина из них – 1250 баллов, например, как результат произведенных расчетов, покажет, что уровень мотивированности работников составляет 50%, следовательно, они работают в полсилы и вполовину меньше, чем могли бы приносят доходность организации. Работодателю срочно нужно принимать меры для локализации ситуации и разработки эффективных мер стимулирования труда персонала.

Список источников

1. Воронина А.В., Абазиева К.Г. Изменение уровня компетентности руководителя и развитие управленческих навыков во взаимосвязи с командной эффективностью // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 3 (142). С. 63-67.

2. Михайлов Д. Мотивация персонала: основные виды и методы. Система мотивации персонала // URL: https://sravnizajm.ru/upravlenie-motivatsiey-personala-v-organizatsii (дата обращения 02.07.2022).

3. Воронина А.В. Компаративный анализ подходов к управлению персоналом организации // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Шестой Международной научно-практической конференции. Редколлегия: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]. Ростов-на-Дону, 2021. С. 172-176.

4. Дмитриева М.А., Воронина А.В. Управление уровнем субъективного контроля персонала с позиции имиджа руководителя // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 3 (142). С. 68-72.

5. Как рассчитать индекс вовлеченности сотрудников // Деловой мир. URL: https://delovoymir.biz/kak-rasschitat-indeks-vovlechennosti-sotrudnikov.html (дата обращения 05.07.2022).

6. Кузьминов А.Н., Воронина А.В. Организационная креативность в структурной конфигурации системы мотивации персонала // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 4 (131). С. 40-43.

7. Щербак С. Как рассчитать уровень мотивации персонала. Медиапортал Русской школы управления // URL: https://uprav.ru/blog/kak-rasschitat-uroven-motivatsii-personala/

8. Kuzminov A., Voronina A., Bezuglova M., Medvedskaya T. The cenological paradigm in the designing of the digital twin of the human capital structure // E3S Web of Conferences. Сер. "Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region", UESF 2021" 2021. С. 07035.

References

1. Voronina A.V., Abazieva K.G. Changing the level of competence of a manager and the development of managerial skills in relation to team efficiency. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No. 3 (142): 63-67. (In Russ.)

2. Mikhailov D. Personnel motivation: main types and methods. Staff motivation system. URL: https://sravnizajm.ru/upravlenie-motivatsiey-personala-v-organizatsii (accessed 02.07.2022). (In Russ.)

3. Voronina A.V. Comparative analysis of approaches to personnel management of the organization. S*tate, municipal and corporate management: theory and best practices*: materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference. Editorial board: A.N. Guda (pred.) [et al.]. Rostov-on-Don, 2021

4. Dmitrieva M.A., Voronina A.V. Management of the level of subjective control of personnel from the position of the image of the head. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No. 3 (142): 68-72. (In Russ.)

5. How to calculate the employee engagement index. *Business World*. URL: https://delovoymir.biz/kak-rasschitat-indeks-vovlechennosti-sotrudnikov.html (accessed 05.07.2022). (In Russ.)

6. Kuzminov A.N., Voronina A.V. Organizational creativity in the structural configuration of the personnel motivation system. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2021. No. 4 (131): 40-43. (In Russ.)

7. Shcherbak S. How to calculate the level of staff motivation. Media portal of the Russian School of Management. URL: https://uprav.ru/blog/kak-rasschitat-uroven-motivatsii-personala /

8. Kuzminov A., Voronina A., Bezuglova M., Medvedskaya T. The cenological paradigm in the designing of the digital twin of the human capital structure // E3S Web of Conferences. "Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region", UESF 2021" 2021: 07035.

Информация об авторах

И.К. Логвинова – кандидат географических наук, доцент
К.Ф. Айдинян – старший преподаватель

Information about the authors

I.K. Logvinova – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor
K.F. Aydinyan – senior lecturer

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 26.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 26.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Менеджмент

Научная статья
УДК 339.137.24

К вопросу об оценке конкурентоспособности сырокопченых колбас

© Жуков Р.Б., 2022

Роман Борисович Жуков
Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская область, Россия. guk412@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается конкурентоспособность сырокопченых колбас на примере ассортимента АО « Тандер» магазина «Магнит». Конкурентоспособность продукции и услуг оценивают различные субъекты рынка – производственные и сервисные компании, организации-потребители. Однако в конечном итоге оценка конкурентоспособности является прерогативой потребителя. Он выбирает из нескольких аналогов товар (услугу), который лучше соответствует его потребностям. Поэтому можно согласиться с определением, что "конкурентоспособность товара указывает на степень его привлекательности для потребителей, которые его фактически покупают".

Для того чтобы приведенное выше определение конкурентоспособности с точки зрения хозяйствующего субъекта было универсальным, оно должно включать атрибут, который не интересует потребителей, но имеет решающее значение для производителей (поставщиков услуг, продавцов) - коммерческий успех продукта на рынке.

Речь идет о таком критерии, как доход (издержки). Коммерческий рост происходит, когда доходы превышают затраты, т.е. когда генерируется прибыль; как говорится, "Прибыль – это приз для конкурирующей организации".

Ключевые слова: конкурентоспособность, интегральный показатель, сметана, широта, коэффициент, комплексный метод оценки качества, комплексный показатель качества продукции

Для цитирования: Жуков Р.Б. К вопросу об оценке конкурентоспособности сырокопченых колбас // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 36-40

Management

Original article

On competitiveness assessment of raw smoked sausages

© Zhukov R.B., 2022

Roman B. Zhukov
Don State Agrarian University, Persianovsky, Rostov region, Russia. guk412@yandex.ru

Abstract. The assessment of the competitiveness of goods and services is carried out by various market entities - manufacturers, service companies, consumer organizations. But, ultimately, the assessment of competitiveness is the prerogative of the consumer. From a number of analogues, he chooses a product (service) that best suits his needs. Therefore, we can agree with this definition: "The competitiveness of a product shows the degree of attractiveness for a consumer making a real purchase."

For the universality of the above definition of competitiveness from the position of an economic entity, it should include a feature that does not interest the consumer, but is crucial for the manufacturer (service provider, seller) – the commercial success of products on the market. We are talking about such criteria as income (costs). Commercial success takes place when revenues exceed costs, i.e. when making a profit; as they say: "Profit is a prize for the organization participating in the competition."

Keywords: competitiveness, integral indicator, sour cream, breadth, coefficient, complex method of quality assessment, Complex indicator of product quality.

For citation: Zhukov R.B. On competitiveness assessment of raw smoked sausages. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 36-40 (In Russ.)

«Конкуренция» в переводе с латинского означает «соперничество». Конкуренция – это форма взаимного соперничества между субъектами рыночной экономики. Конкуренция обязывает фирмы создавать конкурентоспособную продукцию или предоставлять конкурентоспособные услуги [2,5,7].

Существует диалектическая связь конкуренции и конкурентоспособности – одно вытекает из иного. Конкурентоспособность продукции – способность отвечать требованиям данного рынка в рассматриваемый период. Конкурентоспособность, прежде всего нами рассматривается как свойство

продукции [5,7].

Ее количественной чертой является показатель конкурентной способности продукции. Основным наиболее распространенным показателем является интегральный показатель свойства (качества). Интегральный показатель свойства продукции есть отношение суммарного положительного эффекта от использования продукции по назначению к суммарным затратам на выпуск и эксплуатацию продукции:[1,3,6]

$$I = Пэ / Зп + Зэ \quad (1)$$

где I - интегральный показатель качества продукции;

Пэ - суммарного полезного эффекта от использования продукции по назначению, руб.;

Зп - суммарным затратам на создание, руб.;

Зэ - суммарным затратам эксплуатацию продукции, руб.

В дальнейшем интегральному показателю придается более широкий смысл, понимая под ним относительную характеристику, основанную на сравнении комплексного показателя качества (U), определяющего полезность продукции, и цены потребления (C_Σ), складывающейся из продажной цены и затрат потребителя при эксплуатации:[3]

$$I = U / C_\Sigma \quad (2)$$

где, U - комплексного показателя качества, ед.

C_Σ - цена потребления, руб./кг.

Конкретно этими мерками управляет рядовой потребитель, избирая нужный ему продукт из комплекта продуктов-аналогов. Конкретно соотношением качество/стоимость широко оперируют потребительские организации нашей страны и за рубежом, определяя рейтинг продуктов, исходя из их конкурентной способности. Конкурентоспособность – это совокупность качественных и стоимостных черт продукции, обеспечивающая удовлетворение определенной потребности покупателя. Конкурентоспособным является тот товар, у которого сложный комплекс потребительских и стоимостных характеристик обеспечивает ему коммерческий успех. Оценка конкурентоспособности товара складывается при сравнительном анализе его совокупных черт с продуктами - соперниками по степени удовлетворения конкретных потребителей и по стоимости употребления. На рынке продуктов конкурентоспособность рассматривается исходя из точки зрения конечного потребителя [2,4].

Покупателя прежде всего интересует эффект употребления, определяемый как отношение суммарного положительного эффекта, другими словами, суммарных качественных характеристик продукта, к полным затратам на приобретение и использование продукта. Потребитель из двух однородных продуктов обычно выберет тот, который дешевле, а при схожей стоимости – тот, чьи потребительские характеристики выше.

Главными факторами, формирующими конкурентоспособность колбасных изделий, являются их довольно высокие потребительские свойства и малая стоимость. Полный способ оценки свойства основан на применении обобщенного показателя свойства товара. Полный обобщенный показатель (далее – обобщенный показатель) возможно выразить: [2,6]

- основным показателем, отражающим основное предназначение товара;
- интегральным показателем свойства продукта;
- средним взвешенным показателем качества.

Применение перечисленных характеристик определяется специфичностью продукта. Более обширно при всеобщем способе оценки уровня положительных свойств применяется средний взвешенный показатель качества. Установление уровня свойства продуктов состоит из последующих шагов [2,5]:

- установление номенклатуры характеристик свойства товара;
- определение численных значений характеристик свойства товара;
- установление значимости показателя качества товара;
- расчет комплексного обобщенного показателя свойства товара;
- определение уровня качества расцениваемого товара.

Расчет комплексного обобщенного показателя свойства товара [2,6]. Средние взвешенные характеристики при всеобщем способе оценки уровня свойства товара применяют тогда, когда затруднительны определения головного показателя и установление его многофункциональной зависимости без помощи единичных характеристик свойства. Средний взвешенный арифметический показатель (U) вычисляют по формуле:

$$U = \sum_{i=1}^{n} m_i \cdot q_i \quad (3)$$

Где, q_i - относительный i-й показатель качества товара;

m_i - коэффициент весомости i-го показателя;

n - число показателей.

Для оценки конкурентоспособности колбасных изделий используем полученные ранее значения комплексного показателя качества и цену реализации (табл. 1).

Таблица 1. Комплексный показатель качества и цены колбасных изделий, реализуемых магазином АО « Тандер» магазин «Магнит» г. Новочеркасск

№ пп	Наименование товара и изготовителя	Комплексный показатель качества (*U*)	Цена за 1 кг (*C*), руб
1.	***Казачья*** высшего сорта ОАО «Ростовский колбасный завод – Тавр» (Ростовская область)	9,20	910
2.	***Деликатесная*** первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край)	9,20	917
3.	***Солями Финская*** первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край)	7,84	860
4.	*Московская* первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край)	9,36	850
5.	***Посольская*** высшего сорта ОАО «Черкизовский мясоперерабатывающий завод» (Москва)	9,36	925
6.	***Суджук армянский с коньяком*** высшего сорта ОАО «Черкизовский мясоперерабатывающий завод» (Москва)	9,24	970
7.	***Богородская*** высшего сорта ОАО «Черкизовский мясоперерабатывающий завод» (Москва)	8,88	840
8.	***Заказная*** высшего сорта ОАО «Ростовский колбасный завод – Тавр» (Ростовская область)	9,52	900

Оценку конкурентоспособности товара можно описать следующей формулой (см. табл. 1 и рис. 1) [2]:

$$К = К_у\, t_у + К_э\, t_э \qquad (4)$$

Где К – конкурентоспособность;
$К_у$ – конкурентоспособность по уровню качества;
$К_э$ - конкурентоспособность по экономическим показателям;
$t_у$, $t_э$ – коэффициенты весомости уровня качества и цены

Таблица 2. Показатели конкурентоспособности (*К*), комплексного показателя качества (*U*) и цены (*C*) исследуемых образцов колбасных изделий

№	Наименование товара и изготовителя	Комплексный показатель качества (U)	Цена за 1 кг (C), руб	Кэ	Ку	Тэ	Ту	Конкурентоспособность (К)
1	***Суджук армянский с коньяком*** высшего сорта ОАО "Черкизовский мясоперерабатывающий завод" (Москва)	9,24	970	1,316	0,971	0,279	0,721	1,067
2	***Богородская*** высшего сорта ОАО «Черкизовский мясоперерабатывающий завод» (Москва)	8,88	840	1,111	0,933			0,983
3	***Заказная*** высшего сорта ОАО «Ростовский колбасный завод – Тавр» (Ростовская область)	**9,52**	**900**	**1,000**	**1,00**			**1,000**
4	***Казачья*** высшего сорта ОАО «Ростовский колбасный завод – Тавр» (Ростовская область)	9,2	910	0,962	0,966			0,965
5	***Деликатесная*** первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край)	9,2	917	0,952	0,966			0,962
6	***Солями Финская*** первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край)	*7,84*	*860*	*1,020*	*0,824*			*0,879*
7	**Московская** первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край)	**9,36**	**850**	**1,042**	**0,983**			**1,000**
8	***Посольская*** высшего сорта ОАО «Черкизовский мясоперерабатывающий завод» (Москва)	9,36	952	0,847	0,983			0,945

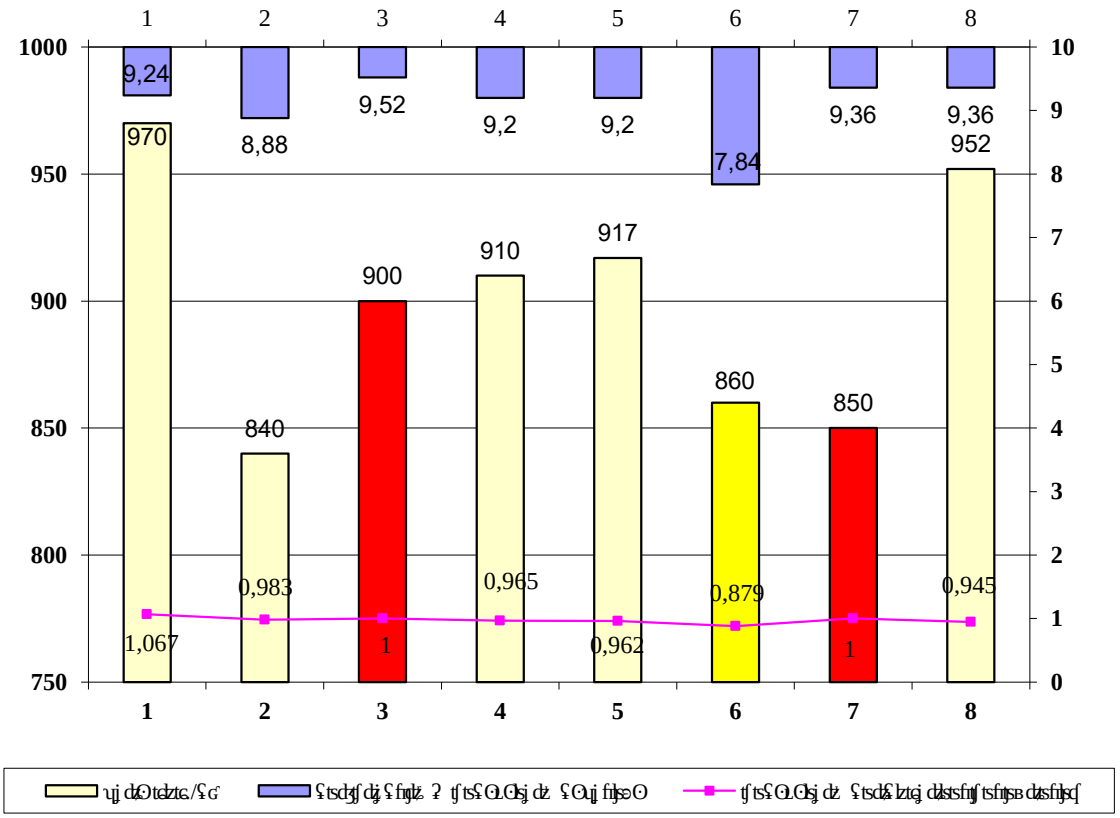


Рисунок 1. Показатели конкурентоспособности (*К*), комплексного показателя качества (*U*) и цены (*С*) исследуемых образцов колбасных изделий

Таким образом, наиболее конкурентоспособными (К = 1,000) оказались 3 и 7 образцы – *Заказная* высшего сорта ОАО «Ростовский колбасный завод – Тавр» (Ростовская область) и *Московская* первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край), которые имеют высокий комплексный показатель качества – 9,52 и 9,36, и цена их относительно не высока – 900 и 850 руб. за 1 кг, соответственно

Наименее конкурентоспособным оказался 6 образец - Солями Финская первого сорта ОАО «Сочинский мясокомбинат» (Краснодарский край) - 0,879.

Конкурентоспособность колбасных изделий необходимо постоянно повышать и добиваться от поставщиков продукции максимального соответствия потребительских и стоимостных характеристик существующим и прогнозируемым запросам покупателей.

К сожалению, проблемы развития экономики позволяют производителю диктовать цены на продукцию без учёта комплексной оценки качества, хотя качество даже однородной продукции может существенно различаться.

Таким образом, фактические данные реализации продукции подтверждают расчёт её конкурентоспособности с учётом ценового фактора.

Список источников

1. Егорченкова, Л.А. Товароведение и экспертиза однородных групп товаров. Мясо и мясные продукты: лабораторный практикум. Кемерово, 2006. 124 с.
2. Квасникова В. В., Жучкевич О. Н. Конкурентоспособность товаров и организаций. Практикум; Инфра-М, Новое знание. М., 2013. 192 с.
3. Криштафович В.И. Физико-химические методы исследования товаров: учебник для бакалавров / В.И. Криштафович, Д.В. Криштафович, Н.В. Еремеева. М. : Дашков и К, 2015. 208 с.
4. Крылова, Г.Д. Основы стандартизации, сертификации, метрологии: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2015. 671 с.
5. Кузнецова Е. И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства; Юнити-Дана. М., 2012. 240 с.
6. Мезенова О.Я., Ким И. Н. Технология, экология и оценка качества копченых продуктов: учебное пособие. СПб.: ГИОРД, 2009. 488 с.
7. Моргунов В.И., Моргунов Г.В. Конкурентоспособность менеджмента на основе современных форм и

методов управления предприятиями: монография. М.: Дашков и К, 2014. 160 с.

References

1. Egorchenkova L.A. Commodity science and expertise of monocotyledonous groups of goods. Meat and meat products: laboratory workshop. Kemerovo, 2006. (In Russ.)
2. Kvasnikova V.V., Dzhuchevich O.N. Competitiveness of goods and organizations. Workshop. Moscow, 2013. (In Russ.)
3. Krishtafovich, V.I. Physico-chemical methods of goods research. M., 2015. (In Russ.)
4. Krylova G.D. Basic standards, certificates, metrology. the 3rd ed., Moscow, 2015. (In Russ.)
5. Kuznetsova E. I. Economic security and competitiveness. Formation of the economic strategy of the state. Moscow, 2012. (In Russ.)
6. Mezenova O.Ya. Technology, ecology and quality assessment of smoked products: textbooks. St. Petersburg, 2009. (In Russ.)
7. Morgunov V.I. Competitiveness of management on the basis of modern forms and methods of management of organizations: monograph. M., 2014. (In Russ.)

Информация об авторе

Р.Б. Жуков – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры пищевых технологий и товароведения

Information about the author

R.B. Zhukov – Candidate of Agriculture Science, Associate Professor of the Department of Food technologies and Goods Management

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 336.67

Специфика аналитической работы финансового менеджера в экономических реалиях 2022 года

© М.А.Чирская, 2022

Марина Александровна Чирская
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия. shurshara@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены требования к построению эффективной системы финансового анализа организаций в экономической среде 2022 года: обосновано применение точных индикаторов, закрепленных в стратегии организации, усиление регламентации деятельности сотрудников на основе единой корпоративной культуры и должностных обязанностей, повышение регулируемости документооборота, в том числе и на основе цифровых технологий. Указаны приоритеты в действиях руководителей и менеджмента, которые приведут к запланированному результату: согласованность подходов к оценке риска и доходности процессов инвестирования и финансирования, высокая адаптационная направленность всего применяемого финансового инструментария, учет передового опыта отечественного предпринимательства.

Ключевые слова: коммерческая организация, финансовый анализ, финансовый менеджмент, финансовая стратегия, инвестирование, финансирование

Для цитирования: Чирская М.А. Специфика аналитической работы финансового менеджера в экономических реалиях 2022 года // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С.41-45

Original article

Specificity of analytical work of a financial manager under the economic realities of 2022

© M.A.Chirskaya, 2022

Marina A. Chirskaya
Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. shurshara@yandex.ru

Abstract. The article presents the requirements for setting up an effective system of financial analysis of organizations in the economic environment of 2022: the use of accurate indicators enshrined in the organization's strategy is justified, strengthening the regulation of employees' activities based on a unified corporate culture and job responsibilities, increasing the controllability of document flow, including based on digital technologies. The priorities in the actions of managers and management that will lead to the planned result are indicated: consistency of approaches to assessing the risk and profitability of investment and financing processes, high adaptive orientation of all financial instruments used, taking into account the best practices of domestic entrepreneurship.

Keywords: commercial organization, financial analysis, financial management, financial strategy, investment, financing

For citation: Chirskaya M.A. Specificity of analytical work of a financial manager under the economic realities of 2022. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No 9(148): 41-45 (In Russ.)

Вопросы постановки и обеспечения рациональной аналитической работы финансовой службы в коммерческой организации были и остаются актуальными на протяжении всего времени становления рыночных отношений в отечественной экономике. Уникальность каждого этапа в совокупности с высокой трансформацией законодательного поля диктуют необходимость внесения постоянных изменений в применяемые ранее формы работы финансовых структур, даже если они в течение длительного времени приводили к успешному решению текущих и перспективных задач коммерческой организации. Это касается не только содержательной части документооборота в отношении методическо-инструктивной базы. Адаптация затрагивает все стороны работы финансового менеджера: меняются не только внешние и внутренние обстоятельства работы, которые априори являются нестабильными ввиду фактора времени. Также корректируются и постоянно уточняются формы и методы, которые могут приводить к нужным результатам, при одновременном изменении самих этих результатов.

Если еще несколько лет назад критерии рациональности работы финансовой службы оперировали ростом прибыли или рыночной доли на соответствующем сегменте рынка, то в 2022 году простое сохранение своей деятельности, факт наличия производственно-сбытового комплекса – уже суще-

ственное достижение для отечественного предпринимательства. Поэтому выбранное направление исследования имеет выраженное практическое значение, оно направлено на выделение тех приоритетных зон аналитической работы коммерческих организаций, которые представляют собой сосредоточение основных тенденций и способов их использования в текущей работе финансовой службы.

Современная предпринимательская среда в стране и мире не имеет прецедентов: такого количества разнонаправленных тенденций, прогнозов и мнений аналитиков не было в истории становления глобальной экономической системы. Экономическая ситуация в 2022 году позволяет выделить ряд специфических черт, определяющих работу аналитической службы коммерческой организации. Цель всех проводимых аналитических процедур – обоснование применения и последующее использование инструментария сохранения финансовой безопасности, которая выступает одним из элементов экономической безопасности.

«Экономическая безопасность коммерческой организации представляет собой равновесное состояние ее экономической системы в условиях нестабильной внешней среды. Ее обеспечение может рассматриваться как система действий по управлению финансами через систему финансовых показателей посредством регулярно проводимого анализа и контроля» [5, с. 211]. Тесная взаимосвязь финансовой и экономической безопасности имеет единую платформу для применяемого инструментария ввиду органического единства этих характеристик на фоне усиления фактора риска ведения предпринимательской деятельности.

Повышенная рискованность экономической среды стала практически повсеместной. «Неопределенность будущего в отношении общества, климата, макроэкономики, цепочек поставок и соответствующих рисков - это, скорее всего, новая норма существования компаний» [11, с. 59]. Соответственно, ждать более стабильной обстановки – значит заведомо обрекать свой бизнес на бессмысленное простаивание. Нужно выстраивать всю систему финансовых взаимоотношений именно на базе постоянной готовности немедленного реагирования на новые вызовы рыночной среды. Повышенная адаптационная направленность финансового механизма должна опираться на соответствующее отношение сотрудников финансовой службы. Речь в данном случае не о возрастном цензе для аналитиков: все еще распространено предубеждение, что только молодые сотрудники обладают подлинным пониманием текущих требований и актуальных задач экономической среды. Гораздо важнее в этом направлении – готовность искать новые формы работы, пробовать нетипичные решения, изучать передовой опыт отечественного предпринимательства, повышать свою квалификацию, действовать оперативно, а зачастую и предельно решительно.

При этом аналитик не может функционировать только на основе своего узконаправленного сегмента работы. Невозможно принимать финансовые решения без учета конъюнктурных индикаторов, а инвестиционные решения – без оперирования характеристиками потребительских предпочтений. «Круг задач, которые необходимо решить в бизнес-анализе, намного шире, чем в финансовом анализе, поэтому состав источников информации в контексте управленческого анализа очень разнообразен» [10, с. 54]. Умение оценить эту информацию в стоимостных показателях – это целое искусство финансового аналитика. Очень часто не все тенденции рыночной среды легко переводятся в обоснованные денежные измерители, особенно в условиях высокой инфляции или существенных колебаний платежеспособного спроса.

Принятие решений по инвестированию и финансированию предполагает приведение денежных потоков к сопоставимому виду, однако традиционного инструментария дисконтирования может оказаться недостаточно, поскольку применение обоснованной дисконтной ставки для приведения денежных потоков отягощено большим перечнем факторов, повышающих ее: учет даже очевидных рисков 2022 года в такой ставке увеличивает ее, как минимум, вдвое. Что касается долгосрочного планирования, то спектр возможных рисков трудно предсказать даже опытному аналитику.

Такое дисконтирование выступает основополагающей платформой системы финансового планирования и прогнозирования в организации. Финансовый аналитик должен представлять, какие именно поступления с высокой степенью вероятности следует ожидать от оперативной, инвестиционной и финансовой деятельности. Однако сложность таких операций не ограничивается вопросами математического обоснования денежных потоков. Расчетные операции – наименее проблемный элемент работы финансовой службы, особенно в современных условиях практически бесконечного перечня программного обеспечения для инвестиционных целей. Все прогнозирование в экономике страны в 2022 году представляет собой крайне подвижную платформу для принятия каких-либо решений. Помимо обычных вопросов, которые решает финансовый менеджер в отношении источников финансирования и инвестирования (выбор наименее затратных финансовых ресурсов, определение наиболее прибыльных форм их вложения), сам процесс сохранения производственно-сбытовой деятельности может остановиться ввиду объективных причин. Установившиеся снабженческо-сбытовые связи, в том числе и с зарубежными партнерами, могут быть прерваны, что сделает все аналитические процедуры бесполезными.

В такой ситуации нужно проводить не только расчеты по оценке эффективности вложений, но и определение потерь от возможной реализации сценария сокращения деятельности, закрытия производств, его секторов или отдельных направлений. Даже сохранение производственной базы в форме консервации – в надежде на улучшение экономической ситуации – потребует дополнительных расходов, что означает с позиции финансового менеджмента отвлечение средств и упущенную выгоду от неиспользования альтернативного применения денежных средств.

Еще один вопрос, который связан с аналитической работой в организации, – регламентация деятельности, распределение обязанностей и характеристика полномочий по предоставлению и использованию финансовой информации. Очень часто в организации эти аспекты не закреплены во внутренних документах. Руководители признают, что «проблемой в организации аналитической работы может стать отсутствие ее регламентации. Отсутствие четкой программы и порядка анализа может замедлить процесс аналитической работы, исказить результаты анализа по причине отсутствия системности и нерационального порядка проведения анализа» [1, с. 1267]. Фрагментарные элементы по делегированию аналитической работы в должностных инструкциях сотрудников могут лишь ухудшить ситуацию, особенно в условиях быстрой смены персонала, что в настоящее время весьма распространенное явление.

Ситуация 2022 года предопределяет новый взгляд на этот компонент согласованных действий в финансовой службе. Руководитель организации, который хочет иметь четкое исполнение своих заданий, должен точно знать, у какого специалиста он может запросить нужную информацию, кто способен ее адекватно интерпретировать, кто будет ответственен за нарушения в платежном обороте – не только на уровне выговора или замечания, но и в стоимостном отношении. Качественная проработка таких вопросов может снять заведомо предполагаемый конфликт интересов, при этом сотрудники должны не просто быть уведомлены о возможных последствиях своих действий или бездействия, они должны иметь выраженные стимулы для недопущения таких оппортунистических действий в отношении коммерческой организации.

Последние два года функционирования предпринимательских структур в нашей стране выделили ранее не столь распространенный формат работы – удаленный. Применительно к организации работы финансовой службы это включает как выраженные преимущества, так и некоторые недостатки. Оперативность предоставления аналитических данных может быть нарушена по техническим причинам или ввиду человеческого фактора.

Для того чтобы дистанционный режим не внес деструктивный элемент в весь финансовый механизм, важно четко регламентировать все процессы, которые влияют на выработку и принятие финансовых решений. «Несмотря на интенсивное развитие практики удаленных рабочих мест, имеется множество сложностей и проблем в их организации, например, в оснащении удаленных рабочих мест, в ненормированном графике работы и стирании границ между работой и личной жизнью, в отсутствии эффективных коммуникаций и социальной изолированности сотрудников, в непонимании сотрудниками перспектив своей карьеры» [2, с. 61]. Если заранее не определить все эти важные аспекты – начиная от технической оснащенности и заканчивая системой штрафов или иных санкций ввиду несвоевременного исполнения своих обязанностей – рано или поздно эти проблемы проявятся, особенно на фоне продолжающегося давления со стороны зарубежных производителей программного обеспечения.

Реалии экономической ситуации 2022 года определяют актуальные требования и к документообороту организации. Прежде всего, необходимые документы должны быть сформированы и предоставлены вовремя. Время – ведущий ресурс в рыночной экономике, особенно при наличии ненулевой вероятности использования выгодных конъюнктурных обстоятельств. Необходимо закрепить ответственность за все формируемые сведения, особенно если их получение связано с оплатой. Но нельзя допустить и всеобщей доступности всей внутренней и внешней документации организации абсолютно всем сотрудникам: каждый специалист должен знать, как часто он будет получать необходимые данные и какой итог их использования от него ожидают.

Еще одна проблема, которая приобрела выраженную актуальность в условиях современной экономики, – обеспечение единства стратегических установок всей организации и ее финансовой службы при выполнении различных действий в соответствии с должностными инструкциями и функциональными обязанностями. «Аналитическая работа входит в служебные обязанности каждого менеджера, принимающего управленческие решения и должна проводиться с соблюдением важного принципа ее организации – четкого распределения обязанностей по проведению анализа между отдельными исполнителями» [8, с. 40]. Но на разных уровнях управления организацией представление о стратегии может существенно варьировать. Единственный вариант обеспечения единства – формализованное закрепление стратегии организации на определенный временной интервал. Как правило, многие сотрудники фрагментарно знают о стратегических установках, но, если они будут видеть четко выде-

ленную и наглядно представленную стратегию, это будет даже интуитивно корректировать их действия на постижение указанных стратегических индикаторов.

Многие могут усмотреть в этом возвращение к декларативным планам и установкам, распространенным в жестко регулируемой системе государственного управления экономикой. Однако практика использования такого опыта во всем мире показывает: сотрудники, которые ясно представляют измеримые намерения собственника развиваться дальше, склонны прилагать большие усилия для того, чтобы «остаться в команде».

Еще одно существенное направление при обеспечении согласованности действий сотрудников экономических служб – это оперирование едиными подходами в аналитической работе. В настоящее время уровень профессиональной подготовки крайне дифференцирован, а в финансовой аналитике создано практически бесконечное разнообразие методик комплексной оценки финансового состояния организации. «Сложно представить унифицировано описание алгоритмов аналитических расчетов при исследовании доходов и расходов организации, ориентируясь на возможную учетную информацию» [7, с. 94], тем не менее, такие единообразные алгоритмы в рамках одной организации дадут возможность согласовать выводы о текущем финансовом состоянии и определить требования при принятии перспективных решений. Руководитель организации может не знать некоторые особенности аналитического инструментария, тем более что «общепризнанного списка коэффициентов или методов для анализа не существует. Специалист в своей деятельности способен использовать их по-другому или в иной последовательности» [9, с. 110]. Однако у руководителя и аналитиков, занятых оценкой текущего финансового состояния, должна быть сходная позиция в отношении ключевого индикатора всех финансовых вложений – соотношения риска и доходности.

Доверие к тому заключению, которое выступает основой управленческих решений, опирается на использованные методы проведения анализа. Руководитель должен быть уверен, что сотрудники проявили максимум профессионализма и учли все значимые стороны деятельности организации и экономической среды ее функционирования. «На выбор конкретных методов в значительной степени влияют такие факторы, как цели, информационная поддержка, профессиональный опыт аналитиков, а также требования пользователей» [6, с. 86]. Главным из этого перечня выступает именно целевое ориентирование аналитических процедур, постановка такой точной цели – приоритетная задача руководителя, соответственно, аналитик должен представить расчетное обоснование для всех последующих действий на различных уровнях управления организации.

Поскольку финансовые менеджеры являются специалистами в своей сфере, их виденье экономического положения может существенно отличаться от того, как это представляется руководителям высшего звена, так как для некоторых данных характерна условность, которая связана с невозможностью точно оценить результаты некоторых сделок, которые не были завершены на момент проведения анализа. Оценка многих экономических событий и связанных с ними сделок осложняется неопределенностью инструментария реагирования прочих экономических субъектов, с которыми связана деятельность организации.

Особенно важны в данном направлении прогностические навыки аналитика. При всей многомерности рыночной среды, необходимо определить, какие именно стороны финансирования и инвестирования могут быть трансформированы ввиду усиления действия, прежде всего, внешних факторов. «На современном этапе развития финансового анализа следует выделить и анализ чувствительности (sensitivity analysis), заключающийся в изучении влияния изменения исходных данных проекта на конечные характеристики» [3, с. 3]. Анализ может включать экономико-математическое моделирование, в том числе и при использовании соответствующего программного обеспечения.

Такое согласование действий сотрудников финансовой службы опирается на актуальное понимание значения и содержания корпоративной культуры. «Эффективное развитие корпоративной культуры способствует внедрению и использованию новых систем и методов управления, повышению конкурентоспособности продукции и становится фактором эффективной организации труда» [4, с. 172]. При этом реальное, практическое содержание такой культуры в текущей работе всех сотрудников должно точно отвечать стратегическим установкам организации. Поддержание высокой репутации в рыночной среде – это целое искусство, включающее грамотное позиционирование и высокую требовательность к сотрудникам всех уровней: деловая репутация – принципиальный ресурс, который может быть очень быстро потерян ввиду обилия каналов распространения информации.

Таким образом, специфика аналитической работы финансового менеджера в экономических реалиях 2022 года определяется единством понимания стратегических и тактических установок организации со стороны сотрудников всех уровней, высокой трансформацией финансового механизма на основе адаптации к новым условиям финансирования и инвестирования, при полноценном использовании всех преимуществ ведения бизнеса в цифровой среде.

Список источников

1. Антропова А.О., Жуковская С.Л. Проблемы организации аналитической деятельности фирмы // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 12.
2. Апенько С.Н., Малышев А.А. Исследование организации удаленных рабочих мест на предприятиях России // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2020. Т. 18. № 4.
3. Кипчатов А. Р. Методики и направления анализа финансового состояния и финансовых результатов организации: сравнение российского и зарубежного опыта // Вектор экономики. 2021. № 1(55).
4. Коломыц О. Н., Савеленко В.М., Загнитко С.Н. Влияние корпоративной культуры на экономическую и социальную эффективность предприятий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4(33).
5. Кондрашова Н.Г. Экономическая безопасность и ее обеспечение в коммерческой организации // Modern Economy Success. 2021. № 1.
6. Лескова К.А., Андреева О.О. Анализ финансового состояния организации: методические вопросы // Вестник науки. 2021. Т. 3.№ 4(37).
7. Полухина И. В. Информационно-аналитическое обеспечение управления финансовыми результатами экономического субъекта // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2020. № 2.
8. Попова Н.И., Булатова А. Д. Организация аналитической работы на предприятии // Современные аспекты учета, анализа и аудита: материалы Региональной научно-практической конференции, Красноярск, 10 ноября 2021 года. Красноярск, 2021.
9. Сайын-Оол С. С. Финансовое состояние коммерческой организации и методы его анализа // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3-2(85).
10. Синькова Ю.Н., Куприянова Л. М. Управленческий анализ как инструмент формирования ассортиментной и ценовой политики // Прогрессивная экономика. 2021. № 5.
11. Смирнов В.Д. Изменения в финансовой функции компаний // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 3.

References

1. Antropova A. O,. Zhukovskaya S. L. Problems of the organization of the analytical activity of the company. *Actual issues of modern economics*. 2021. No. 12. (In Russ).
2. Apenko S. N., Malyshev A. A. Study of the organization of remote jobs at Russian enterprises. Bulletin of the Omsk University. Series: Economy. 2020. T. 18. No. 4. (In Russ).
3. Kipchatov A. R., Methods and directions for analyzing the financial condition and financial results of an organization: comparison of Russian and foreign experience. *Vector of the economy*. 2021. No. 1 (55).
4. Kolomyts, O.N., Savelenko, V.M., Zagnitko, S.N. Influence of corporate culture on the economic and social efficiency of enterprises. *Azimut of Scientific Research: Economics and Management*. 2020. V. 9. No. 4 (33). (In Russ).
5. Kondrashova N. G. Economic security and its provision in a commercial organization. Modern Economy Success. 2021. No. 1. (In Russ).
6. Leskova K. A., Andreeva O. O. Analysis of the financial condition of the organization: methodological issues. Bulletin of science. 2021. V. 3. No. 4 (37). (In Russ).
7. Polukhina I. V. Information and analytical support for managing the financial results of an economic entity. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2020. No.2. (In Russ).
8. Popova N. I., Bulatova A. D. Organization of analytical work at the enterprise. Modern aspects of accounting, analysis and audit: materials of the Regional scientific and practical conference, Krasnoyarsk, 2021. (In Russ).
9. Sayyn-Ool S. S. Financial state of a commercial organization and methods of its analysis. *Economics and business: theory and practice.* 2022. No. 3-2 (85). (In Russ).
10. Sinkova Yu. N., Kupriyanova L. M. Management analysis as a tool for the formation of assortment and pricing policy. Progressive Economy. 2021. No. 5. (In Russ).
11. Smirnov V. D. Changes in the financial function of companies. The world of the new economy. 2021. V. 15. No. 3. (In Russ).

Информация об авторе

М.А.Чирская – кандидат экономических наук, доцент

Information about the author

M.A.Chirskaya - Candidate of Economics, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Конституционное право

Научная статья
УДК 342.736

Защита Конституционным Судом Российской Федерации института брака

© С.Н. Дегтярев, 2022

Сергей Николаевич Дегтярев
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия. gppmp@law.kubsu.ru

Аннотация. Институт брака является актуальной темой в отраслях публичного и частного права. Статистические материалы любого хронологического периода также свидетельствуют о необходимости постоянного внимания ученых и практиков к совершенствованию гарантий этого важнейшего социального и юридического института.

В этой связи в статье на основе анализа прикладных и доктринальных источников представлены авторские аргументы в пользу рассмотрения права на судебную защиту в качестве юридической гарантии института брака в России. На примере осуществления конкретного нормоконтроля Конституционным Судом Российской Федерации по жалобам граждан (решения с 1995 по 2020 гг.) установлена его положительная роль в гарантировании института брака.

Ключевые слова: судебная защиты, правовые гарантии, конкретный нормоконтроль, Конституционный Суд Российской Федерации, брак, решение

Для цитирования: Дегтярев С.Н. Защита Конституционным Судом Российской Федерации института брака // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 46- 52

Constitutional law

Original article

Protection of the institution of marriage by the Constitutional Court of the Russian Federation

© Sergey N. Degtyarev, 2022

Sergey N. Degtyarev
Kuban State University, Krasnodar, Russia. gppmp@law.kubsu.ru

Abstract. The institution of marriage is a topical issue in the branches of public and private law. Statistical materials of any chronological period also indicate the need for constant attention of scientists and practitioners to improve the guarantees of this most important social and legal institution.

In this regard, based on the analysis of applied and doctrinal sources, the article presents the author's arguments in favor of considering the right to judicial protection as a legal guarantee of the institution of marriage in Russia. Studying the example of the implementation of a specific norm control by the Constitutional Court of the Russian Federation on citizens' complaints (decisions from 1995 to 2020), its positive role in guaranteeing the institution of marriage has been established.

Keywords: judicial protection, legal guarantees, specific regulatory control, the Constitutional Court of the Russian Federation, marriage, decision

For citation: Degtyarev S.N. Protection of the institution of marriage by the Constitutional Court of the Russian Federation. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2022. No 9(148): 46-52 (In Russ.)

Формализованное в ст. 46 Конституции России [1] право каждого на судебную защиту прав и свобод доктринально интерпретируется не только в качестве института конституционного права, общественного отношения, государственной функции [2, с. 225], субъективного права, но также как принцип и гарантия [3, с. 73; 4].

Для достижения цели статьи будем опираться и развивать тезис о судебной защите, выступающей конституционной гарантией брака в конституционной интерпретации как союза мужчины и женщины, которые обладают всей полнотой прав и свобод личности.

Позиция о том, что право каждого на судебную защиту прав и свобод является гарантией, последовательно проводится Конституционным Судом Российской Федерации, отмечающим, что такое субъективное право «относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, выступает гарантией всех других прав и свобод» [5]; «будучи универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод» [6] и «пред-

полагает эффективное восстановление в правах независимым судом путем справедливого судебного разбирательства на основе состязательности и равноправия сторон с предоставлением им достаточных процессуальных правомочий для защиты своих интересов при осуществлении всех процессуальных действий, результат которых имеет существенное значение для определения их прав и обязанностей» [7].

В доктринальном аспекте также не единичны мнения, соответствующие позиции органа высшего конституционного контроля. Так, А.К. Гагиев считает, что «право на судебную защиту предоставляет гражданам возможность реализовать все другие права, предусмотренные как Конституцией России, так и иными законодательными актами, а также позволяет в случае нарушения субъективных прав и свобод восстановить эти права» [8, с. 5-7].

В более широком смысле «судебная защита прав, свобод и законных интересов – это гарантия реализации прав и иных форм дозволений в политической, экономической, культурной, социальной и других сферах, причем как индивида, так и неограниченного субъектного состава участников правоотношений» [9].

Действительно, «суд, исторически сформировавшийся как институт, предназначенный для разрешения социальных конфликтов посредством осуществления правосудия, является универсальным органом по защите прав и свобод человека и гражданина» [10, с. 131-141].

Право на судебную защиту в системе конституционных гарантий, полагаем, справедливо занимает ведущее место по следующим причинам:

– конституционной легализации, что предопределяет высшую юридическую силу нормы, ее прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации;

– реализации специально предназначенным органом – судом. «Судебная власть есть одна из основных ветвей государственной власти, которая осуществляется самостоятельно, являясь при этом независимой от других форм и отраслей государственной власти, функционирующая посредством специально созданных органов этой власти – судов, обладающая исключительной монополией на эту власть» [11].

В соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» «в Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации» [12].

– императивности для всех выносимых судом решений. К примеру, в ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» сказано, что его решения «обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» [13].

Судебная защита, будучи государственной и юридической, является наиболее эффективным из всех выработанных мировой практикой способом обеспечения прав личности. Институт брака и семьи, исходя из процессуального законодательства, защищают мировые судьи [14] и федеральные суды [15], поэтому уместно представить статистику федеральной судебной инстанции, позволяющую убедится в ее востребованности для рассматриваемого института. Так, в 2021 г. в суды общей юрисдикции поступило 23 476 133 гражданских дела с приростом по сравнению с 2020 г. (21 545 254 дела). При этом с сохраняющимся приростом по делам, возникающим из семейных отношений, поступило в 2021 г. 844 538 исков, а в 2020 г. – 735 284 [16].

Ввиду специальности исследования наше внимание в рамках судебной защиты института брака посвящено выявлению роли Конституционного Суда Российской Федерации, занимающего одно из ключевых мест в системе судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в России (ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ).

Право гражданина на обращение в высший судебный орган конституционного контроля остается востребованным и варьируется следующим образом: 14 809 в 2019 г., 12 864 в 2020 г. и 11 828 в 2021 г. [17] Наблюдаемое снижение числа жалоб мы связываем с конституционным установлением об исчерпанности всех других внутригосударственные средства судебной защиты для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации (п. «а» ч. 4 ст. 125).

Права и свободы человека и гражданина защищаются Конституционным Судом Российской Федерации в порядке осуществления конкретного и абстрактного нормоконтроля.

Разделяем мнение Р.Е. Карасева, что «в наибольшей степени защита прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации осуществляется в порядке конкретного конституционного контроля, то есть при рассмотрении конституционных жалоб и запросов судов по конкретному делу» [18, с. 61-65].

Однако даже при осуществлении Конституционным Судом Российской Федерации конкретного конституционного контроля одновременно с правами заявителя защищаются права и неопределенного круга лиц: «судебную защиту получают не только заявители конституционных жалоб, но и другие граждане, права которых были нарушены законом, признанным Конституционным Судом Российской Федерации неконституционным. Поэтому конституционное судопроизводство воспринимается как средство защиты публичных интересов» [19].

Порядок конкретного нормоконтроля опосредован ст.ст. 3 и 96 Федерального конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, устанавливающими право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации граждан, а также иных лиц, чьи права и свободы нарушаются законом, применимым в конкретном деле.

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 10, ч. 1 ст. 11, ст. 18, ст. 118 и 125) «в системе разделения государственной власти конституционное судопроизводство наряду с другими видами судопроизводства является средством (способом) осуществления судебной власти, реализуемой Конституционным Судом как органом правосудия посредством разрешения отнесенных к его ведению дел в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина» [20, с. 23-27].

Несмотря на законодательную последовательность целей конституционного судопроизводства («защита основ конституционного строя», «защита основных прав и свобод человека и гражданина», «обеспечение верховенства и прямого действия Конституции» в ст. 3 Федерального конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ), мы солидарны во мнении с Г.А. Жилиным, что «приоритетной в этом перечне целей является именно защита основных прав и свобод человека и гражданина. Тем более что согласно основам конституционного строя Российской Федерации (ст. 2), подлежащим защите посредством конституционного судопроизводства, именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Следовательно, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации в соответствии с основами конституционного строя также должно служить в конечном счете защите прав и свобод человека и гражданина» [21, с. 1-5] с учетом их различных статусов.

Исходя из всех представленных доктринальных и прикладных аргументов, далее нами отражены результаты анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации (1995-2020 гг.) на предмет выявления в них роли высшего судебного органа конституционного контроля в гарантировании института брака.

Итак, в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации подтверждал соответствие международным стандартам гарантированных российским законодательством равных прав и возможностей мужчины и женщины для вступления в брак.

Например, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2007 г. № 851-О-О по этому поводу отмечалось, что «п. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, гарантируя тем самым как мужчине, так и женщине равные права и возможности для вступления в брак, корреспондирует ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах, признающих за мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права, что не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав граждан» [22].

Конституционный Суд Российской Федерации утверждает корреляцию брачного союза со светским характером Российского государства, исключая религиозные установления и правила, допускающие полигамию брачных союзов.

Данный тезис представлен в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2007 г. № 851-О-О по жалобе гражданина Н.Г. Рязапова, фактически настаивающего на законодательном регулировании, которое предусматривало бы заключение брака между мужчиной и несколькими женщинами. При этом гражданин ссылался на ч. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации.

Отвечая на данную претензию, Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание, что Россия «является светским государством (ч. 1 ст. 14 Конституции Российской Федерации), а потому те или иные религиозные установления и правила, допускающие полигамию брачных союзов, иной подход к решению этого вопроса в ряде других государств, не могут оказывать влияния на государственную политику в области семейных отношений, основные начала которой характеризуются, в частности, принципом единобрачия (моногамией), исходящим из отношения к браку как биологическому союзу только одного мужчины и одной женщины, что не допускает одновременного нахождения в нескольких браках» [22].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации для однозначности интерпретации брака в России вводит его основной принцип – единобрачия (моногамии). Позднее в Определении от 23 июня 2015 г. № 1388-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что принцип единобрачия (моногамии) относится к основным началам государственной политики Российской Федерации в области семейных отношений [23].

В 1995 г. Конституционный Суд Российской Федерации акцентировал внимание на правовом регулировании брачных отношений только государством, отметив, что в действующем законодательстве отсутствует институт «фактического брака», его понятие и меры правовой охраны. Данная позиция сохранялась Конституционным Судом Российской Федерации [24] вплоть до 2019 г., когда были легализованы фактические брачные отношения. Однако этим же Определением установлено, что закон не признает незарегистрированный брак и не считает браком сожительство мужчины и женщины. Данный тезис актуален и в настоящее время.

Обращаясь непосредственно к тексту Определения от 17 мая 1995 г. № 26-О, видно: «Правовое регулирование брачных отношений в Российской Федерации осуществляется только государством. В настоящее время закон не признает незарегистрированный брак и не считает браком сожительство мужчины и женщины. Оно не порождает правовых последствий и поэтому не устанавливается судами в качестве факта, имеющего юридическое значение. Исключение сделано лишь для лиц, вступивших в фактические брачные отношения до 8 июля 1944 г., поскольку действовавшие в то время законы признавали равноправными два вида брака – зарегистрированный в органах ЗАГСа и фактический брак» [7].

В Определении от 22 марта 2012 г. № 457-О-О аналогичное пояснение было дано по требованиям заявителя, по существу, сводившимся к тому, чтобы браку, совершенному в соответствии с религиозным обрядом, придавалось такое же правовое значение, какое имеет брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния [25].

Анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации позволил сделать вывод об однозначности отсутствия в России обязанности государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 496-О гражданин Э. Мурзин, «формально оспаривая конституционность п. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации, фактически требовал государственного признания своих взаимоотношений с другим мужчиной путем их регистрации в виде особого защищаемого государством союза [26]». Вместе с тем, «ни из Конституции Российской Федерации, ни из принятых на себя Российской Федерацией международно-правовых обязательств не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола, при том что само по себе отсутствие такой регистрации никак не влияет на уровень признания и гарантий в Российской Федерации прав и свобод заявителя как человека и гражданина» [26].

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации, поясняя ответ на полученную жалобу, процитировал и нормы международного права. В частности, «не свидетельствует о нарушении конституционных прав заявителя наличие в ряде государств Европы иного подхода к решению вопросов демографического и социального характера, тем более что в силу ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах право на вступление в брак и право основывать семью признается именно за мужчинами и женщинами, а ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод прямо предусматривает возможность создания семьи в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права» [26].

Учитывая изложенное, а также национальные традиции отношения к браку как биологическому союзу мужчины и женщины, Семейный кодекс Российской Федерации указывает, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии, в частности, с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (ст. 1).

Таким образом, решением Конституционного Суда Российской Федерации еще в 2006 г. была сформирована позиция, которая в 2020 г. получила конституционную легализацию (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72).

Конституционный Суд Российской Федерации сопоставляет процессуальные аспекты брака и его принципы. В частности, в определении от 20 октября 2011 г. № 1352-О-О указано, что на реализацию семейно-правового принципа добровольности брачного союза мужчины и женщины направлены отсутствие согласия одного из супругов на расторжение брака в качестве основания расторжения брака в судебном порядке, а также установление судом факта невозможности сохранения семьи и дальнейшей совместной жизни супругов в качестве необходимого условия для расторжения брака [27].

Позднее этот тезис был неоднократно воспроизведен в решениях Конституционного Суда Российской Федерации [28].

Нами выявлен ряд решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые сопоставляют процессуальные аспекты брака с конституционным правом на судебную защиту. Так, в Определении от 29 сентября 2016 г. № 2081-О сказано, что «Семейный кодекс Российской Федерации является одним из тех федеральных законов, которыми исходя из Конституции Российской Федерации предусматриваются применительно к такой категории дел, как дела о признании брака недействительным, особенности соответствующей процедуры судебной защиты, в частности определяются субъекты обращения в суд с иском – в целях защиты своих прав, а также прав иных лиц, если они ущемляются заключением брака с нарушением законных требований – о признании брака недействительным» [29, 30, 31].

Подводя итоги проведенного исследования, представим его основные положения. Осуществлённый анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации (1995-2020 гг.) на предмет выявления в них роли высшего судебного органа конституционного контроля в гарантировании института брака позволил сделать положительные выводы. Так, деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в рамках конкретного нормоконтроля в аспекте гарантий института брака выразилась в следующем:

– подтверждение соответствия международным стандартам гарантированных российским законодательствам равных прав и возможностей мужчины и женщины для вступления в брак;

– корреляция брачного союза со светским характером Российского государства, исключая религиозные установления и правила, допускающие полигамию брачных союзов;

– использование для однозначности интерпретации брака в России его основного принципа – единобрачия (моногамии) как одного из начал государственной политики Российской Федерации в области семейных отношений;

– утверждение правового регулирования брачных отношений только государством, из чего следует законодательное отсутствие фактического брака и сожительства, их понятий и мер правовой охраны;

– однозначность отсутствия в России обязанности государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2005.

3. Колосова Н.М. О конституционном праве каждого на международную судебную защиту в России // Журнал российского права. 2012. № 4.

4. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д, 2005. 199 с.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 г. № 578-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 15-П // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3647.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 г. № 26-О // СЗ РФ. 2005. № 17. Ст. 1626.

8. Гагиев А.К. Право на судебную защиту как конституционная гарантия // Российская юстиция. 2013. № 12.

9. Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М., 2010. 190 с.

10. Жилин Г.А. Судопроизводство в механизме обеспечения правового статуса личности // Закон. 2016. № 1.

11. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830 с.

12. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2022. № 16. Ст. 2592.

13. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ. РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5045.

14. Ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1998. № 51.Ст. 6270; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5112.

15. Ст. 24 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2022. № 24. Ст. 3943.

16. В 2021 г. в суды поступило почти на 2 млн гражданских дел больше, чем годом ранее // https://www.advgazeta.ru/novosti/v-2021-g-v-sudy-postupilo-pochti-na-2-mln-grazhdanskikh-del-bolshe-chem-godom-ranee/ (дата обращения 11.06.2022 г.).

17. http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticNew.aspx (дата обращения 11.06.2022 г.).

18. Карасев Р.Е. Конституционный Суд РФ в системе судебной защиты прав и свобод человека и гражданина: тенденции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 9.

19. Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 351 с.

20. Ливеровский А.А., Петров М.В. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3(15).

21. Жилин Г.А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 г. № 851-О-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

23. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 1388-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

24. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. № 1300-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

25. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 г. № 457-О-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

26.Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 г. № 496-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

27. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2011 г. № 1352-О-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

[2]8. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 г. № 407-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

29. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1086-О-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

30. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2013 г. № 1024-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

31. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 г. № 2081-О // Документ опубликован не был; http://www.consultant.ru (дата обращения 11.05.2022 г.).

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of 30.12.2008, No. 7-FKZ of 30.12.2008, No. 2-FKZ of 05.02.2014, No. 11-FKZ of 21.07.2014; with amendments approved by during the all-Russian vote on 01.07.2020). *Rossiyskaya Gazeta*. 1993, December 25; 2020, July 4. (In Russ.)

2. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. M., 2005. (In Russ.)

3. Kolosova N.M. On the constitutional right of everyone to international judicial protection in Russia. *Journal of Russian Law*. 2012. No 4. (In Russ.)

4. Markhgeym M.V. Protection of human and civil rights and freedoms in modern Russia: systemic constitutional model, problems of its functioning and improvement. Rostov on/D, 2005. 199 p. (In Russ.)

5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 578-O dated 12.03.2019. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2019. No. 3. (In Russ.)

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2013 No. 15-P. SZ RF. 2013. No. 27.Art. 3647. (In Russ.)

7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.01.2005 No. 26-O. SZ RF. 2005. No. 17. Art. 1626. (In Russ.)

8. Gagiev A.K. The right to judicial protection as a constitutional guarantee. *Russian justice*. 2013. No. 12 (In Russ.)

9. Malko A.V., Subochev V.V., Sheriev A.M. Rights, freedoms and legitimate interests: problems of legal support. M., 2010. 190 p. (In Russ.)

10. Zhilin G.A. Legal proceedings in the mechanism of ensuring the legal status of an individual. *Law*. 2016. No. 1 (In Russ.)

11. International and domestic protection of human rights: textbook / edited by R.M. Valeev. M.: Statute, 2011. 830 p. (In Russ.)

12. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 31.12.1996 "On the Judicial System of the Russian Federation" (ed. of 16.04.2022). SZ RF. 1997. No. 1. Article 1; 2022. No. 16. Article 2592. (In Russ.)
13. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 21.07.1994 "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (ed. from 01.07.2021). SZ. RF. 1994. No. 13. Article 1447; 2021. No. 27 (Part I). Article 5045. (In Russ.)
14. Part 1 of Article 3 of the Federal Law of 17.12.1998 No. 188-FZ "On Magistrates in the Russian Federation" (ed. from 01.07.2021). SZ RF. 1998. No. 51.St. 6270; 2021. No. 27 (part I). St. 5112. (In Russ.)
15. Article 24 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (ed. of 11.06.2022). SZ RF. 2002. No. 46. Article 4532; 2022. No. 24. Article 3943. (In Russ.)
16. In 2021, the courts received almost 2 million civil cases more than a year earlier // https://www.advgazeta.ru/novosti/ (accessed 11.06.2022). (In Russ.)
17. http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticNew.aspx (accessed 11.06.2022).
18. Karasev R.E. The Constitutional Court of the Russian Federation in the system of judicial protection of human and civil rights and freedoms: trends and prospects. *Constitutional and municipal law*. 2014. No. 9 (In Russ.)
19. Narutto S.V. Citizens' appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation: a scientific and practical guide. M.: Norm, Infra-M, 2011. 351 p. (In Russ.)
20. Liverovsky A.A., Petrov M.V. Bodies of constitutional norm control as "quasi-courts". Journal of Constitutional Justice. 2010. No. 3(15) (In Russ.)
21. Zhilin G.A. Constitutional legal proceedings in the mechanism of judicial protection of rights. *Journal of Constitutional Justice*. 2011. No. 4
22. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.12.2007 No. 851-O-O. The document was not published; http://www.consultant.ru (date of appeal 11.05.2022).
23. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 No. 1388-O. The document was not published; http://www.consultant.ru (accessed 11.05.2022).
24. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 23.06.2016 No. 1300-O. The document was not published; http://www.consultant.ru (date of appeal 11.05.2022).
25. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 22.03.2012 No. 457-O-O. The document was not published; http://www.consultant.ru (accessed 11.05.2022).
26.Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.11.2006 No. 496-O. The document was not published; http://www.consultant.ru (accessed 11.05.2022).
27. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.10.2011 No. 1352-O-O. The document was not published; http://www.consultant.ru (date of appeal 11.05.2022).
28. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.02.2020 No. 407-O . http://www.consultant.ru (accessed 11.05.2022).
29. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.09.2011 No. 1086-O-O. http://www.consultant.ru (accessed 11.05.2022).
30. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.06.2013 No. 1024-O. http://www.consultant.ru (date of appeal 11.05.2022).
31. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.09.2016 No. 2081-O. http://www.consultant.ru (accessed 11.05.2022).

Информация об авторе

С.Н. Дегтярев – преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права

Information about the author

S.N. Degtyarev – Lecturer of the Department of Civil Procedure and International Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Научная статья
УДК 342

Правовые меры управления рисками в сфере обращения с пестицидами и агрохимикатами

© А.П. Лиманская, 2022

Анна Петровна Лиманская
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия. limanskayaa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования правовых мер управления рисками в сфере обращения с пестицидами и агрохимикатами. Автор анализирует изменения законодательства, направленные на обеспечение наиболее полного учета особенностей ситуации риск при применении мер государственного регулирования деятельности, связанной с применением названных веществ. На основе исследования законодательства и практики его применения сформулирован вывод о необходимости правовой конкретизации критериев оценки допустимого риска при применении агрохимикатов и пестицидов.

Ключевые слова: регламент, агрохимикаты, пестициды, риск, химический, окружающая, земля, почвы

Для цитирования: Лиманская А.П. Правовые меры управления рисками в сфере обращения с пестицидами и агрохимикатами // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9 (148). С.53-57

Original article

Legal measures of risk management in the field of handling pesticides and agrochemicals

© A.P. Limanskaya, 2022

Anna P. Limanskaya
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia. limanskayaa@mail.ru

Abstract. The article considers issues of improving legal measures of risk management in the field of handling pesticides and agrochemicals. The author analyzes the changes in legislation aimed at ensuring the most complete consideration of the characteristics of the risk situation when applying measures of state regulation of activities related to the use of these substances. Based on the study of legislation and practice of its application, a conclusion is formulated about the need for legal specification of the criteria for assessing the permissible risk in the use of agrochemicals and pesticides

Keywords: regulations, agrochemicals, pesticides, risk, chemical, surrounding, land, soils

For citation: Limanskaya A.P. Legal measures of risk management in the field of handling pesticides and agrochemicals. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148):53-57 (In Russ.)

Проблема обеспечения химической безопасности при производстве сельскохозяйственной продукции имеет глобальный характер. Под воздействием названного фактора загрязнения происходят процессы деградации земель, загрязнение водных объектов, нарушение биологического разнообразия окружающей среды и причинение вреда здоровью человека как в местах производства, хранения и применения удобрений, так и на удаленных территориях. Учеными доказано значительное превышение допустимой химической нагрузки на состояние почв в результате использования пестицидов в различных регионах страны и в мире. В то же время признано, что строгое соблюдение технологии применения агрохимикатов с учетом почвенно-климатических условий полностью предотвращает загрязнение продукции и почв [1].

Требование учета системы управления рисками при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами предусмотрено статьей 21.1 Закона от 19 июля 1997г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» (далее – Закон №109). При этом понятие и содержание системы управления рисками в данной сфере законом не раскрывается.

Общее определение понятия «управление рисками» закреплено в части 4 статьи 22 Федерального закона от 31 июля 2020г. №248 «О федеральном государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2]. В соответствии с данной статьей управление рисками – это проведение профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий с целью обеспечить допустимый уровень риска в определенной сфере деятельности. Допустимый уровень риска устанавливается органами контроля (надзора) на основе ключевых показателей вида контроля.

Ключевые показателя контроля в рассматриваемой сфере отношений находят отражение в системе правил обращения с опасными веществами (ч.2 ст.22 Закона №109), которые предусматривают, во-первых, требования к качеству (безопасности) пестицидов и агрохимикатов; во-вторых, требований к применению данных веществ. Организационно-правовой мерой обеспечения реализации данных требований является государственных контроль (надзор) в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами, осуществление которого регламентировано Положением о государственном контроле (надзоре) в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами, утвержденным постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 года №1067 [3].

В целях совершенствования государственного контроля (надзора) в названной сфере деятельности в Закон №109 были внесены изменения, предусматривающие исключение отношений в сфере обращения с пестицидами и агрохимикатами из числа объектов технического регулирования. В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 30.12.2020 № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» утратила силу статья 14 названного закона, предусматривавшая применение обязательных требований к пестицидам и агрохимикатам в соответствии с законодательством о техническом регулировании. С момента прекращения действия данной нормы (с 29 июня 2021 года) не применяются технические регламенты безопасности названных веществ, а качество данных веществ обеспечивается такой мерой государственного регулирования как государственная регистрация пестицидов и агрохимикатов, в рамках которой осуществляется оценка безопасности исследуемого объекта и деятельности в сфере обращения с данными веществами.

Бесспорно, государственный учет опасных веществ имеет важное значение для достижения цели обеспечения безопасности рассматриваемой деятельности. Однако в законодательстве содержится пробел, который препятствует эффективному применению данного института. С отменой технического регулирования названной деятельности были исключены нормативные критерии оценки риска и вопрос данной оценки передан на усмотрение экспертных организаций.

В связи с отменой технического регулирования введены новые требованиями к применению указанных веществ. С 11 августа 2020 года действует правило, предусматривающее проведение обследования состояния почв в целях регламентации порядка применения пестицидов и агрохимикатов (ч.1 ст.22 Закона №109), что, по сути, предполагает оценку риска применения данных веществ как основания установления регламентов обращения с пестицидами и агрохимикатами с учетом особенностей экологического состояния соответствующей территории.

С введением нового порядка оценки риска применения пестицидов и агрохимикатов законодательства изменен подход к определению соотношения методов правового регулирования рассматриваемых отношений. Если ранее основным являлся метод нормативных предписаний, что находило отражение в установлении единых требований безопасности в техническом регламенте (ст.2 Федерального закона от 27 декабря 2002 года №184-ФЗ «О техническом регулировании» [4]), то действующие положения законодательства отражают признание в качестве основного метода правового регулирования рассматриваемых отношений метода индивидуальных властных предписаний.

Применение метода индивидуальных предписаний реализует содержание основных принципов охраны окружающей среды, состоящих в учете природных и социально-экономических особенностей территорий при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также обеспечении сочетания общего и индивидуального подходов к установлению мер государственного регулирования в области охраны окружающей среды (ст.3 Федерального закона об охране окружающей среды»). В то же время нельзя не отметить наличие коррупциогенного характера правовых норм, содержащих правила об индивидуальном регулировании оценки безопасности применения рассматриваемых веществ. Данные нормы предусматривают дискреционные полномочий государственных органов, принимающих названные решения.

Представляется, что для обеспечения безопасности рассматриваемых объектов необходимо закрепление в законодательстве правовых критериев оценки риска и методик их применения. Отсутствие в законодательстве единых правовых критериев безопасности веществ и порядка их применения позволяет говорить о существовании в законодательстве неопределенности в части установления оснований юридической ответственности за нарушение правил обращения с агрохимикатами и пестицидами.

Так, Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2019 N 15АП-18531/2019 по делу № А53-25851/2019 оставлено в силе решение Арбитражного суда Ростовской области о возмещении вреда, причиненного почве вследствие нарушения правил обращения с агрохимикатами. Материалами дела установлено, что организация осуществляла ненадлежащее обращение с агрохимикатом (размещение навоза), что привело к порче земель. Ответчик обосновывал свои возражения ссылкой на существующие фоновые концентрации вредных веществ, которые не были учте-

ны при исчислении вреда. Верховный Суд РФ отказал в передаче кассационной жалобы, признав установленным факт причинения вреда почвам.

В данном случае вопрос о подтверждении безопасности данных веществ и регламента их применения судами не рассматривался. Между тем, в соответствии со статьей 8 Федерального закона «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» организацию регистрационных испытаний и государственную регистрацию пестицидов и агрохимикатов осуществляет специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти.

Существование названной правовой неопределенности, как представляется, диктует необходимость отражения в законодательстве сложившегося в науке экологического права подхода к определению системы правовых средств управления экологическим риском. По мнению О.Л. Дубовик, система правовых средств управления риском должна включать правовые меры общего характера, такие как экологическая экспертиза, страхование риска и другие меры. Установление данных мер может осуществлять разными нормативными актами с разной степенью детализации [5].

Однако, учитывая направленность законодательного регулирования на усиление дифференцированного подхода в обеспечении безопасности веществ на основе учета фонового загрязнения окружающей среды в данной местности и индивидуальных особенностей конкретной ситуации воздействия на окружающую среду (объем производственной деятельности, виды используемых веществ, степень их опасности, климатические особенности местности), представляется целесообразным применение специальных правовых средств управления рисками, обеспечивающими учет особенностей ситуации риска.

В науке экологического права предложено несколько правовых моделей управления рисками: 1) основанная на оценке явлений деградации природных объектов, вреда здоровью человека, затрат на предотвращение и ликвидацию вреда как основания для допущения деятельности. Согласно данному подходу, в законодательстве должны быть установлены точные критерии признания риска допустимым (размер возможного вреда здоровью человека и окружающей среде). Этот подход получил признание в зарубежной практике [6]; 2) модель минимизации экологических последствий, связанных с осуществлением деятельности. При таком подходе риск считает допустимым при условии выполнения обязательных мероприятий, позволяющих минимизировать риск. Применение общего регулирования в рамках данной модели обеспечивает в случае отсутствия специального метода регулирования и невозможности его определения аналитическим путем [7].

Реализация индивидуального подхода может быть обеспечена на основе установления в законодательстве критериев оценки риска, к которым следует отнести: наличие достоверной и полной информации о степени воздействия агрохимикатов и пестицидов на состояние земель; достаточность мер, направленных на предотвращение вреда; финансовая обеспеченность мероприятий по предотвращению вреда.

В системе правовых мер управления, обеспечивающих безопасное обращение с агрохимикатами и пестицидами, наиболее эффективными правовыми средствами следует рассматривать гарантии получения достоверной информации, необходимой для проведения регистрационных испытаний, а также организационно-правовые меры по обеспечению государственного надзора в сфере обращения агрохимикатов и пестицидов.

Применение метода властных предписаний при установлении критериев оценки риска обращения с удобрениями является также необоснованными в связи с существованием пробела в законодательстве, устанавливающем соотношение санитарных и экологических норм и правил в части регулирования рассматриваемых отношений. Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 года №2398 утверждены Критерии отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам 1, 2, 3 и 4 категории. В соответствии с названным постановлением к объектам негативного воздействия в сфере обращения с удобрениями отнесены объекты производства пестицидов и минеральных удобрения (п.11) и объекты складирования и хранения пестицидов с проектной вместимостью 50 тонн и более (п.22). Не отнесены к объектам негативного воздействия объекты, предназначенные для проведения испытаний, перевозки, реализации, применения, обезвреживания и утилизации данных веществ. Между тем, правовое регулирование данных отношений основано на признании опасности данных объектов. Так, Санитарными правилами СП 2.2. 3670-20, утвержденными постановлением Главного санитарного врача РФ от 2 декабря 2020 года №40 [8] предусмотрены требования к технологическим процессам производства, хранения, транспортировки и применения пестицидов и агрохимикатов, направленные на обеспечение безопасности данных объектов. Оценка риска водопользования населения, проживающего в районе регистрационных испытаний пестицидных препаратов, предусмотрена также Методическими указаниями МУ 2.1.5.693-98, утвержденных Минздравом РФ 2 апреля 1998 года [9].

Названные нормативно-технические документы регламентируют порядок обеспечения санитарной безопасности объектов, предназначенных не только для производства, складирования и хранения

пестицидов и агрохимикатов, но также транспортировки и применения. Между тем, экологическое законодательство не относит к категории объектов негативного воздействия на окружающую среду объекты, предназначенные для таких видов обращения с пестицидами и агрохимикатами как транспортировка, применение данных веществ, их испытания, обезвреживание и утилизация. Исключение данных объектов из числа объектов негативного воздействия на окружающую среду исключает применение к соответствующей деятельности требований экологического законодательства, включая экологическое нормирование и разрешительное регулирование. Представляется, что оценка данной деятельности только лишь позиций риска для здоровья человека в отсутствие оценки воздействия на окружающую среду может привести к значительным по своим масштабам разрушительным экологическим последствиям. Бесспорно, названная деятельность представляет собой значительный риск для окружающей среды и нуждается в регулировании на основании системы экологических требований.

Как отмечают Г.В. Выпханова и Н.Г. Жаворонкова, в условиях Арктики и других экологически уязвимых регионов экологические требования к данной деятельности должны отражать природные особенности региона. Отмечается, что для названных регионов должен быть установлен специальный перечень критериев отнесения объектов к категориям опасности [10]. Следует признать обоснованными предложения по расширению перечня критериев отнесения объектов к категориям опасности. При уточнении названных критериев следует учесть также и неполноту критериев по видам деятельности, которые следует признать объектами негативного воздействия на окружающую среду. К таким видам деятельности следует отнести наряду с производством, складированием и хранением, также применение, утилизацию, обезвреживание и транспортировку пестицидов и агрохимикатов.

Заслуживает поддержки высказанное в литературе мнение о том, что для эффективного применения критериев категорирования объектов следует исключить «подвижность границ негативного влияния» [11]. Существующие критерии допускают неоднозначное толкование при принятии административных решений, что создает риск коррупционных нарушений.

Таким образом, предусмотренная действующим законодательством система правовых мер управления риском в сфере обращения с пестицидами и агрохимикатами не позволяет обеспечить контроль над ситуацией риска и предотвращение вреда, вызванного нарушением законодательства в данной сфере деятельности. Необходимо внесение изменений в Федеральный закон «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» в части закрепления правовых критериев оценки допустимого риска и достаточности мероприятий для предотвращения вреда, вызванного применением агрохимикатов и пестицидов.

Список источников

1. Сатаров Г.А. Экологические аспекты применения агрохимикатов// Ульяновский медико-биологический журнал. 2013. №1. С. 139
2. СЗ РФ. 2020. №31
3. СЗ РФ. 2021. №27
4. СЗ РФ. 2002. №52. Ст.5140
5. Дубовик О.Л. Экологическое право. Учебник. М.: Проспект. 2014. С.472
6. Dzuray E.J, Maranto A.R. Assessing the Status of Risk-Based Approaches for the Prioritization of Federal Environmental Spending. Цит. по Ваганов П.А. Экогеологический риск: оценка, прогнозирование и картирование // Вестник СПбГУ. Серия 7. 2003. Вып.1. №7
7. Бушев А.Ю. Основы управления рисками в праве // Арбитражные споры. 2008. №3
8. URL: http://pravo.gov.ru, 29.12.2020
9. Документ включен в Перечень основных действующих нормативных и методических документов по коммунальной гигиене (Письмо Роспотребнадзора от 10.04.2007 № 0100/3637-07-32)
10. Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Правовые проблемы управления рисками экологических катастроф в Арктике // Экологическое право. 2020. № 5
11. Гафаров Н.Р. Выявление и критерии оценки объектов накопленного вреда окружающей среде // Актуальные проблемы российского права. 2022. №1

References

1. Satarov G.A. Ecological aspects of the use of agrochemicals. *Ulyanovsk biomedical journal.* 2013. No. 1: 139 (In Russ.)
2. SZ RF. 2020. No. 31 (In Russ.)
3. SZ RF. 2021. No. 27 (In Russ.)
4. SZ RF. 2002. No. 52. Art.5140 (In Russ.)
5. Dubovik O.L. Environmental law. Textbook. M.: Prospect. 2014:472 (In Russ.)
6. Dzuray E.J, Maranto A.R. Assessing the Status of Risk-Based Approaches for the Prioritization of Federal Environmental Spending. Cit. according to Vaganov P.A. Ecogeological risk: assessment, forecasting and mapping. *Bulletin of St. Petersburg State University*. Series 7. 2003. Issue 1. #7 (In Russ.)

7. Bushev A.Yu. Fundamentals of risk management in law. *Arbitration disputes.* 2008. No3 (In Russ.)
8. http://pravo.gov.ru, 29.12.2020 (In Russ.)
9. The document is included in the List of the main current regulatory and methodological documents on communal hygiene (Letter of Rospotrebnadzor dated 10.04.2007 No. 0100/3637-07-32) (In Russ.)
10. Vypkhanova G.V., Zhavoronkova N.G. Legal problems of risk management of environmental disasters in the Arctic. *Ecological Law*. 2020. No. 5 (In Russ.)
11. Gafarov N.R. Identification and criteria for assessing objects of accumulated harm to the environment. *Actual problems of Russian law*. 2022. No1 (In Russ.)

Информация об авторе: Лиманская А.П. – доцент кафедры экологического и природоресурсного права
Information about the author: Limanskaya A.P. – Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 342.41

Конституционно-правовые основы правового порядка и уголовной политики РФ

© Н.В. Нестерова, Т.В. Куликова, 2022

Надежда Владимировна Нестерова [1], Татьяна Викторовна Куликова [2]
[1,2] Ростовский институт защиты предпринимателя, г. Ростов-на-Дону, Россия.
[1] nadinalladin@mail.ru
[2] tana.72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса конституционного обеспечения правового порядка во взаимосвязи с уголовной политикой Российской Федерации. На основе сравнительно-правового анализа положений Конституции РФ и уголовного законодательства авторами выявляются основные направления формирования уголовной, в частности уголовно-правовой политики, обозначены причины проблем при ее реализации. Авторы резюмируют, что работа государственных органов и институтов гражданского общества обеспечивает более качественную уголовную политику, способствуя установлению правового порядка как показателя стабильной социальной жизни.

Ключевые слова: конституция, уголовная политика, правовая политика, правопорядок, правовой порядок, конституционализация

Для цитирования: Нестерова Н.В., Куликова Т.В. Конституционно-правовые основы правового порядка и уголовной политики РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С. 57-60

Original article

Constitutional-law foundations of the legal order and criminal policy of the Russian Federation

© N.V. Nesterova, T.V. Kulikova, 2022

Nadezhda V. Nesterova[1], Tatyana V. Kulikova[2]
[1,2] Rostov Institute of Entrepreneur Protection, Rostov-on-Don, Russia.
[1] nadinalladin@mail.ru
[2] tana.72@mail.ru

Abstract. The article studies issue of constitutional provision of the legal order in conjunction with the criminal policy of the Russian Federation. On the basis of a comparative legal analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and criminal legislation, the authors identify the main directions of the formation of criminal, in particular, criminal law policy, the causes of problems in its implementation. The authors summarize that the work of state bodies and civic society institutions provides more quality, thus enhancing maintenance of legal order as a criterion of a stable social life.

Keywords: constitution, criminal policy, legal policy, law and order, legal order, constitutionalization.

For citation: Nesterova N.V., Kulikova T.V. Constitutional-law foundations of the legal order and criminal policy of the Russian Federation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. №9(148): 57-60 (In Russ.)

Говоря о правовом порядке (правопорядке), следует отметить его значимость в любом государственно-организованном обществе, что и обуславливает актуальность выбранной темы. Многие отечественные авторы уделяли внимание сущности и признакам правового порядка, развивали в своих работах идею о его тесной взаимосвязи с общественным порядком и правовой политикой государства.

Эта взаимосвязь, в первую очередь, выражается при анализе Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), согласно которой Россия является правовым государством, что закреплено в ч. 1 ст. 1 [1]. При этом стоит уточнить, что для правового государства характерно развитие гражданского общества, которое функционирует при должном правовом порядке.

Конституция РФ как Основной закон страны, обладающий высшей юридической силой, является фундаментом и гарантом, обеспечивающим как правовой, так и общественный порядок. Во-первых, в Конституции РФ закреплены основные направления внутренней и внешней политики страны. Отраслевое же законодательство развивает эти направления. Во-вторых, Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, пронизывает этим положением политическую, экономическую, духовную и иные аспекты жизнедеятельности гражданского общества [1]. Этот фактор определяет сущностные особенности общественного порядка, поскольку затрагивает приоритетные интересы, потребности, права и свободы каждой личности во всех сферах общественной жизни [6, с. 13]. В-третьих, идеологическое и политическое многообразие, светскость, наличие множества общественных объединений, что также гарантируется Конституцией РФ, позволяет каждому члену российского гражданского общества принимать участие во всех сферах общественной и частной жизни. Это также способствует обеспечению не только общественного, но и правового порядка, поскольку люди применяют закрепленные в Основном законе страны положения с целью удовлетворения личностных стремлений и потребностей.

Резюмируя вышеуказанное, можно прийти к выводу о том, что общественные отношения в России пронизаны реальной конституционностью, что, в свою очередь, способствует обеспечению правового порядка.

Так что же такое правовой порядок? Ученые-исследователи определяют правовой порядок и правопорядок как синонимы. Однако стоит уточнить, что данные понятия все же несколько различны. Правопорядок отражает правовую структуру общества, в которую входят субъекты права, их правовое положение, принадлежащие им субъективные права и юридические обязанности, компетенция, установленная органом власти, управления и учреждения, негосударственные организации под соответствующим правовым статусом [7, с. 194]. Правовой порядок же является более широким понятием, поскольку он упорядочивает при помощи права отношения, принадлежащие к различным сферам жизни общества (экономической, политической, этической и др.), т.е., по сути, способствует обеспечению стабильной социальной жизни.

Государство создает соответствующие условия, обеспечивает защиту от реальных и потенциальных угроз, гарантируя законность при регулировании и охране тех или иных общественных отношений. Все это государство обеспечивает в том числе посредством проведения правовой политики, целью которой является направление правовой жизни в то русло, которое необходимо для государства на данном этапе его развития. Одним из основных направлений правовой политики Российской Федерации является уголовно-правовая политика. Она призвана обеспечивать защиту личности, общества и государства в целом от преступных посягательств. Основой данной политики являются конституционные положения, на которые было обращено внимание ранее: это приоритет прав и свобод человека и гражданина, основы конституционного строя, территориальная целостность России, право собственности и др. Соответственно, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства страны отражают и конкретизируют данные положения.

Появление новых (или изменение уже существующих) направлений уголовной политики влечет за собой соответственно внесение изменений в УК РФ [2], УПК РФ [3] и УИК РФ [4]. Причинами неактуальности действующего законодательства являются различные факторы, которые влияют на развитие общества в целом: сложное социально-экономическое устройство России, противоречия между производительными силами и производственными отношениями, различные виды социальных отношений (например, морально-этические и идеологические), общественное сознание, правосознание и др. Таким образом, уголовно-правовая политика направляет применение закона в новое русло, блокирует его либо обосновывает включение в уголовный закон новых норм [5, с. 13].

Как ученые-теоретики, так и практики утверждают, что уголовно-правовая политика претерпевает кризис, о котором свидетельствуют многочисленные поправки в уголовном законодательстве. При этом стоит отметить, что истинные причины данного кризиса все же заключаются в несостояв-

шейся стабильности самого российского общества. Кардинальные изменения, произошедшие в стране в 90-х годах XX века, породили состояние неуправляемости и дезориентации. До сих пор нельзя с уверенностью утверждать, что Россия является демократическим правовым государством, хоть это и закреплено в Конституции РФ. Ввиду этого недостатки государственно-правовой, в частности уголовно-правовой, политики, являются следствием сегодняшней ситуации в стране, где реформационные процессы еще далеко не завершены [8, с. 82]. Данный факт лишь усиливает роль государства в обеспечении безопасности граждан, посредством проведения соответствующей политики по профилактике и предупреждению преступлений, а также своевременному реагированию на них.

Подводя итоги о проделанной работе, следует акцентировать внимание на взаимосвязи правового порядка и уголовно-правовой политики. Как уже было отмечено ранее, Конституция Российской Федерации является базисом, на основе которого существует все российское законодательство. Уголовный кодекс РФ, определяя основные направления уголовной политики, детализирует, раскрывает суть направлений, обозначенных в Конституции. Так, ст. 2 УК РФ закрепляет положение о том, что под его охраной находятся права и свободы человека и гражданина, собственность общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества от преступных посягательств [2]. Статья 1 УПК РФ закрепляет, что порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ, основанном на Конституции РФ [3]. Статья 3 УИК РФ закрепляет положение о том, что уголовно-исполнительное законодательство РФ и практика его применения основываются на Конституции РФ [4]. Таким образом, конституционные установки, которыми пронизано отраслевое законодательство, формирует конституционные основы государственной политики, в том числе уголовно-правовой. А грамотная и планомерная работа государственного аппарата при поддержке институтов гражданского общества будет способствовать обеспечению правового порядка и осуществлении уголовной политики, поскольку именно организационно оформленная и упорядоченная деятельность общественных формирований при их конструктивном сотрудничестве с органами публичной власти ощутимо способствует укреплению конституционного правопорядка и реализации основных направлений уголовной политики.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 №1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2, ст. 198.
5. Кузнецов А.П. Принципы уголовной политики // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 13–17.
6. Макеев В.В., Шепелев В.И., Воронова И.В. Общественный и правовой порядок в условиях становления гражданского общества и правовой государственности // Юристъ-Правовед. 2016. №4 (77). С. 12-16.
7. Мирошниченко М.О., Тарасенко Г.В. Правовой порядок: понятие и структура // Наука и современность. 2016. № 44. С. 192-201.
8. Хоменко С.М. Принципы уголовной политики в российской политико-правовой традиции // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. №2. С. 81-83.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No 6-FKZ, of 30.12.2008 No 7-FKZ, of 05.02.2014 No 2-FKZ, of 21.07.2014 No 11-FKZ) / Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 25.03.2022) / Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954. (In Russ.)
3. Criminal Procedural Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No 174-FZ (as amended on 28.06.2022) / Rossiyskaya Gazeta, No 249, 22.12.2001. (In Russ.)
4. Penitentiary Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (red. from 11.06.2022) / Sobranie lyaturniya RF. 13.01.1997. No 2, Art. 198. (In Russ.)
5. Kuznetsov A.P. Principles of criminal policy. *Society and law*. 2017. № 1 (59): 13–17.

6. Makeev V.V., Shepelev V.I., Voronova I.V. Public and legal order in the conditions of formation of civil society and legal statehood. 2016. No4 (77): 12-16. (In Russ.)

7. Miroshnichenko M.O., Tarasenko G.V. Legal order: concept and structure. *Science and modernity*. 2016. No44:192-201. (In Russ.)

8. Homenko S.M. Principy criminal'noi politik v rossiyskogo politsicheskoi traditiona stridatsiona. 2020. No2: 81-83. (In Russ.)

Информация об авторах

Н.В. Нестерова – кандидат юридических наук, доцент
Т.В. Куликова – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

N.V. Nesterova – Candidate of Law, Associate Professor
T.V. Kulikova – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 26.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 342.56

Конституционная формализация судебного контроля: восточноевропейский опыт

© А.П. Петербургский, 2022

Андрей Павлович Петербургский
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия. 625753@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье приставлены результаты сравнительно-правового анализа текстов конституций стран Восточной Европы на предмет выявления в них норм, формализующих судебный контроль. Установлено, что данная разновидность функции суда на конституционном уровне адресована преимущественно органам судебного конституционного контроля. Однако распространен судебный контроль и иных разновидностей органов судебной власти. В числе таких указаны суды общей юрисдикции, административные суды и специальные счетные трибуналы.

Выявленные полномочия, в рамках которых реализуется зарубежный судебный конституционный контроль, подтвердили доктринальный подход, интерпретирующий в широком содержательном смысле судебный контроль в качестве особой процессуальной деятельности суда, в ходе которой проверяется соответствие нормативного правового акта, деятельности субъекта публичной власти Конституции, законам и подзаконным актам.

Ключевые слова: судебный контроль, судебный конституционный контроль, Конституционный суд, запрос, конституция

Для цитирования: Петербургский А.П. Конституционная формализация судебного контроля: восточноевропейский опыт // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С. 61-65

Original article

Constitutional formalization of judicial control: Eastern European experience

© A.P. Peterburgsky, 2022

Andrey P. Peterburgsky
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. 625753@bsu.edu.ru

Abstract: The article presents the results of a comparative legal analysis of the texts of the constitutions of Eastern European countries in order to identify the norms formalizing judicial control in them. It has been established that this type of court function at the constitutional level is addressed primarily to judicial constitutional control bodies. However, judicial control of other types of judicial authorities is also widespread. These include courts of general jurisdiction, administrative courts and special accounting tribunals.

The revealed powers, within the framework of which foreign judicial constitutional control is implemented, confirmed the doctrinal approach, interpreting judicial control in a broad meaningful sense as a special procedural activity of the court, during which the compliance of a normative legal act, the activities of a subject of public authority with the Constitution, laws and by-laws is checked.

Keywords: judicial control, judicial constitutional control, Constitutional Court, inquiry, constitution

For citation: Peterburgsky A.P. Constitutional formalization of judicial control: Eastern European experience. Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management. 2022. No 9(148): 61-65 (In Russ.)

Исходя из содержания конституционно-правовых норм, а также доктринальных позиций, судебный контроль является одной из функций судебной власти [1; 2; 3, с. 311-325].

Мы разделяем мнение М.А. Бучаковой в части оценки судебного контроля в качестве сложной и неоднозначно понимаемой правовой категории. «Общепринятой является позиция, согласно которой судебный контроль за соблюдением законов со стороны законодательных и исполнительных органов является неотъемлемой составляющей деятельности судов» [4, с. 156-161].

В юридической науке в широком содержательном смысле судебный контроль трактуют как особую процессуальную деятельность суда, в ходе которой проверяется соответствие нормативного правового акта, деятельности субъекта публичной власти Конституции, законам и подзаконным актам [5, с. 67-74; 6]. С учетом приведенной интерпретации судебного контроля, опираясь на базовые принципы реализации судебной власти [7; 8], а также правовой статус типичных органов судебного контроля

[9, с. 722-728; 10, с. 847-850; 11], «данное исследование направлено на раскрытие основ конституционного регулирования судебного контроля в странах Восточной Европы» [12, с. 561-568].

Во всех проанализированных конституциях заявленный функционал судебного контроля закреплен, но в разных композиционных частях: в главах об основных свободах, правах человека и гражданина (Хорватия), конституционности и законности (Словения), судебной власти (Болгария, Венгрия, Чехия), судах (Словакия) и трибуналах (Польша), суде (Латвия, Литва, Эстония), Конституционном суде (Албания, Босния и Герцеговина, Венгрия, Македония, Румыния, Словения, Хорватия), экономике и публичных финансах (Румыния, Словения).

Исходя из осуществленного правового сравнения, установлено, что в конституциях стран Восточной Европы функция судебного контроля преимущественно адресована Конституционному суду. Однако распространен судебный контроль и иных разновидностей органов судебной власти. В числе таких указаны суды общей юрисдикции и административные суды.

Так, в ч. 1 ст. 120 Конституции Болгарии формализовано положение об осуществлении судами контроля за законностью актов и действий административных органов.

Несмотря на то, что слово «контроль» непосредственно не используется в ч. 2 ст. 125 Конституции Болгарии, тем не менее, из ее содержания следует именно контрольный функционал Верховного административного суда, разрешающего споры о законности актов Совета министров и министров, а также других актов, предусмотренных законом.

Подобного рода подходы содержатся в конституциях Венгрии, Словакии и Хорватии: суды … принимают решение о законности указов государственного управления (ч. 2 ст. 25) / решений органов публичного управления и законности решений, актов либо иного вмешательства органов публичной власти, если это устанавливает закон (ч. 1 ст. 142) / отдельных актов административной власти и органов, наделенных публичными полномочиями (ст. 19). Обратим внимание, что в Конституции Хорватии, в отличие от типичного размещения подобного рода нормы в главах о судебной власти и судах, ст. 19 включена в главу III об основных свободах, правах человека и гражданина.

В части структурирования оригинальна и ст. 157 «Административный спор» в главе VII Конституции Словении «Конституционность и законность», установившая, что «по административному спору о законности окончательных актов индивидуального характера, посредством которых государственные органы, органы местных сообществ и носители публично-властных полномочий принимают решения, касающиеся прав, обязанностей и законных интересов физических и юридических лиц и организаций, решение принимается компетентным судом, если для данной категории дел законом не предусмотрен иной порядок судебной защиты» [13].

Подобно обозначенной разновидности судебного контроля в Венгрии, Словакии и Хорватии, ст. 184 Конституции Польши легализовала контроль за деятельностью публичной администрации, адресовав его Главному Административному суду, а также иным административным судам с конкретизацией, что «контроль распространяется также на вынесение судебных постановлений о соответствии законам постановлений органов территориального самоуправления и нормативных актов местных органов правительственной администрации» [13].

В указанной ч. 2 ст. 25 Конституции Венгрии за Курией, являющейся высшим судебным органом, в дополнение к изложенным закреплены следующие контрольные полномочия:

«– по инициативе муниципальных или окружных Правительственных учреждений выносит постановление о конфликте декретов местного органа власти с другими законами, за исключением конфликта с Конституцией; отменяет декреты местного органа власти, конфликтующие с другими законами;

– по инициативе судьи выносят постановление о конфликте декретов местного органа власти с другими законами, если они должны быть применены в отдельном случае, за исключением конфликта с Конституцией; отменяет декреты местного органа власти, конфликтующие с другими законами» [13].

Исходя из ст. 110 Конституции Литвы и ст. 152 Конституции Эстонии, формализован ограниченный контрольный функционал, обусловленный запретом судье применять закон, противоречащий Конституции.

«В тех случаях, если есть основание предполагать, что закон или иной правовой акт, который должен быть применен по конкретному делу, противоречит Конституции Литвы, судья приостанавливает рассмотрение этого дела и обращается в Конституционный суд с просьбой вынести решение о соответствии этого закона или другого правового акта Конституции» [13].

Аналогичны по содержанию ст. 156 Конституции Словении, а также ч. 2 ст. 114 Конституции Словакии, за исключением указания на обращение судьи в Конституционный суд.

Еще одной разновидностью органов судебной власти, реализующих контроль, являются счетные суды. Положения о них обнаружены в конституциях Румынии и Словении.

В соответствии со ст. 139 Конституции Румынии «Счетный суд осуществляет контроль за образованием финансовых ресурсов государства и публичного сектора, управлением ими и их использованием, в том числе, по требованию Палаты Депутатов или Сената» [13].

Более лаконична формулировка, определившая предназначение Счетного суда в Конституции Словении: «является высшим органом, осуществляющим контроль государственных счетов, государственного бюджета и в целом публичного потребления (ст. 150)» [13].

Уточним, что конституционно разграничивается содержание функционала судебного контроля и судебного надзора. К примеру, в ст.ст. 124 и 125 Конституции Болгарии легализован «судебный надзор Верховного кассационного суда и Верховного административного суда за точным и единообразным применением законов всеми судами, а также точным и единообразным применением законов в административном судопроизводстве» [13] соответственно.

Согласно ст. 183 Конституции Польши «Верховный Суд осуществляет надзор за деятельностью общих и военных судов в отношении выносимых ими постановлений» [13].

На основании ст. 149 Конституции Эстонии Государственный суд одновременно является судом конституционного надзора.

Далее перейдем к рассмотрению более многочисленных конституционных норм, формализующих конституционный судебный контроль.

Как правило, судебный конституционный контроль реализуется на основе обращения. В этой связи объективен конституционно формализованный перечень субъектов, имеющих право обратиться (с запросом) в орган конституционного контроля. В числе таких субъектов:

- Президент (Албания, Польша, Румыния, Словения) / член Президиума (Босния и Герцеговина);
- Премьер-министр (Албания) / Председатель Совета Министров (Босния и Герцеговина) / Председатель Правительства (Румыния);
- Правительство (Венгрия, Словения);
- Председатель или заместитель Председателя той или другой палаты Парламентской ассамблеи (Босния и Герцеговина) / Маршал Сейма, Маршал Сената (Польша) / председатель одной из палат парламента (Румыния);
- не менее одной пятой депутатов (Албания) / одна четверть членов той или другой палаты Парламентской ассамблеи или одна четверть членов той или другой палаты законодательного органа Образования (Босния и Герцеговина) / одна четверть членов парламента (Венгрия) / 50 депутатов, 30 сенаторов (Польша) / парламентская группа либо не менее 50 депутатов или не менее 25 сенаторов (Румыния) / одна треть депутатов Государственного собрания (Словения);
- любой суд (Албания, Польша);
- судья (Венгрия, Литва) / Первый Председатель Верховного суда, Председатель Главного Административного суда (Польша) / председатель Верховного Суда Правосудия (Румыния);
- Генеральный прокурор (Польша);
- Председатель Высшего государственного контроля (Албания, Польша);
- Общепольский Совет Юстиции (Польша);
- Народный Адвокат (Албания) / Защитник гражданских прав (Польша);
- органы местного управления (Албания) / муниципальные или окружные Правительственные учреждения (Венгрия) / постановляющие органы единиц территориального самоуправления (Польша);
- политические партии и другие организации (Албания);
- общепольские органы профессиональных союзов, а также общепольские руководящие органы организаций работодателей и профессиональных организаций (Польша);
- органы религиозных объединений (Албания);
- церкви и иные вероисповедные союзы (Польша);
- частные лица (Албания, Словения).

Субъекты, заявленные в конституциях Албании и Польши, имеют право подать ходатайство только по вопросам, связанным с их интересами (ч. 2 ст. 134), / обратиться с предложением, если нормативный акт касается вопросов, находящихся в пределах их сферы деятельности (ст. 191).

Уточним, что представленный перечень не является исчерпывающим, он составлен на основе норм конституций стран Восточной Европы, но не все из них содержат подобного рода список субъектов обращения в орган конституционного контроля. К примеру, согласно ч. 1 ст. 88 Конституции Чехии, «законом устанавливается, кто и при каких условиях правомочен внести предложение о возбуждении производства, а также иные правила производства в Конституционном суде» [13]. Аналогичны установления ст. 162 Конституции Словении.

Исходя из осуществленного анализа, в каталог контрольных полномочий органов конституционного контроля стран Восточной Европы включено разрешение вопросов о соответствии Конституции / (и международным соглашениям) законов (Албания, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Македо-

ния, Польша, Словения, Хорватия) / принятых, но еще не опубликованных законов (Венгрия) / до их промульгации (Румыния), законодательства, которое будет применено в отдельном случае (Венгрия), законодательства или судебного решения, примененного в отдельном случае (Венгрия), международных соглашений (Польша) до их ратификации (Албания), подзаконных актов (Словения, Хорватия), актов общего характера, изданных в целях осуществления публичных полномочий (Словения), регламентов Парламента (Румыния), коллективных договоров и других актов (Македония), нормативных актов центральных и местных органов (Албания), программ и уставов политических партий и союзов граждан (Македония, Польша, Словения).

Кроме того, судебный конституционный контроль реализуется в рамках следующих полномочий, разрешающих, например вопросы:

- соблюдения Конституции (Босния и Герцеговина);
- разделения полномочий представителей законодательной, исполнительной и судебной власти (Македония, Польша, Словения, Хорватия);
- противоречия между правами властей, а также между центральной властью и местным управлением (Албания, Македония, Словения, Чехия) / споры между Образованиями или между Боснией и Герцеговиной и Образованием или Образованиями, или между учреждениями Боснии и Герцеговины;
- освобождения от обязанностей Президента и подтверждения / установления обстоятельств невозможности исполнения им своих функций (Албания, Румыния) / ответственности Президента (Македония, Хорватия) / конституционности обвинению Сената, выдвинутому против президента республики (Чехия);
- протестов, предметом которых является конституционность политической партии (Словения, Чехия) и др.

Результатом контрольной деятельности суда является принятие окончательного (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Польша) решения, имеющего всеобщую обязательную силу (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Польша, Румыния, Словакия, Чехия), вступающего в силу после опубликования (Албания, Польша, Румыния, Чехия).

Кроме того, последствиями осуществленного судебного контроля выступают:

– отмена закона и прочих правовых норм, судебных решений, которые явились неконституционными (ч. 1 ст. 132 Конституции Албании, ч. 3 ст. 124 Конституции Венгрии, ст. 112 Конституции Македонии, ст. 85 Конституции Латвии, ст. 161 Конституции Словении, ст. 126 Конституции Хорватии, ч. 1 ст. 87 Конституции Чехии ст. 152 Конституции Эстонии);

– отмена законов или правовых норм, которые считаются конфликтующими с международными соглашениями (ч. 1 ст. 87 Конституции Чехии), а также решение других вопросов, сформулированных в законах квалифицированного большинства (ч. 3 ст. 124 Конституции Венгрии).

Интересно, что ч. 2 ст. 87 Конституции Чехии легализовала положение о том, что «законом может быть установлено, что вместо Конституционного суда Высший административный суд принимает решения:

a) об отмене правовых актов или их отдельных положений, если они противоречат закону;

b) по спорам о компетенции государственных органов и органов территориального самоуправления, если законом разрешение данных споров не отнесено к компетенции иного органа» [13].

В конституциях стран Восточной Европы функция судебного конституционного контроля преимущественно адресована конституционным судам. Выявленные полномочия, в рамках которых реализуется судебный конституционный контроль, подтвердили доктринальный подход, интерпретирующий в «широком содержательном смысле судебный контроль в качестве особой процессуальной деятельности суда, в ходе которой проверяется соответствие нормативного правового акта, деятельности субъекта публичной власти Конституции, законам и подзаконным актам» [12, с. 561-568]. Именно данный подход использован автором в разработке конституционно-правовой институт судебного контроля в России.

Список источников

1. Bebr G. Development of Judicial Control of the European Communities. Boston, London, 1981.
2. Hinarejos A. Judicial Control in the European Union: Reforming Jurisdiction in the Intergovernmental Pillars. Oxford University Press, 2009.
3. Woehrling Jean-Marie Judicial Control of Public Authorities in Europe: Progressive Construction of a Common Model. Judicial Review, 2005. № 10:4
4. Бучакова М.А. Судебный контроль: некоторые теоретические подходы // Вестник омского университета. Серия «Право», 2017. № 1 (50). С. 156-161.
5. Брежнев О.В. Обязательный судебный конституционный контроль в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права, 2019. №3.
6. Nazarov A.D. Vliyanie sledstvennyh oshibok na oshibki suda. SPb, 2003. (In Russian)

7. Treskov A. P., Losilkina L.O., Mamisheva Z.A., Peterburgskiy A.P., Timofeev I.V. Constitutional legalization of judiciary principles // Gênero & Direito, 2020. №9 (04).

8. Zakharov S., Chemshit A., Novikova A., Stus N., Zajceva T. Justice independence: foreign constitutional experiences // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación Política y Valores. 2019. Año: VI. Número: 3. Artículo no.: 81. Período: 1ro de mayo al 31de Agosto.

9. Makogon B., Markhgeym M., Novikova A., Nikonova L., & Stus, N. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research, 2018. 7(2)

10. Markhgeym M.V., Novikova A.E., Rosenko M.I., Katorgina N.P., Tonkov E.E. Constitutional Court in public administration system in Moldova and Russia // Humanities & Social Sciences Reviews, 2019. №7(5).

11. Tonkov E.E., Kosolapova N.A., Lebedinskaya V.P., Mutsalov S.Sh., Stulnikova O.V. The Legal Nature of Decisions of Constitutional Courts of Russia and Foreign Countries and Investigating its Psychological Consequences // Propósitos y Representaciones, 2020. №8(2).

12. Петербургский А.П. Формализация судебного контроля: зарубежный конституционный опыт // Nomothetika: Философия. Социология. Право, 2021. №46 (3).

13. URL: https://worldconstitutions.ru/

References

1. Bebr G. Development of Judicial Control of the European Communities. Boston, London, 1981.

2. Hinarejos A. Judicial Control in the European Union: Reforming Jurisdiction in the Intergovernmental Pillars. Oxford University Press, 2009.

3. Woehrling Jean-Marie Judicial Control of Public Authorities in Europe: Progressive Construction of a Common Model. Judicial Review, 2005. No 10:4

4. Buchakova M.A. Judicial control: some theoretical approaches // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo», 2017. No1 (50). (In Russ.)

5. Brezhnev O.V. Mandatory judicial constitutional control in Russia: problems of theory and practice // Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2019. No3. (In Russ.)

6. Nazarov A.D. Vliyanie sledstvennyh oshibok na oshibki suda. SPb, 2003. (In Russ.)

7. Treskov A. P., Losilkina L.O., Mamisheva Z.A., Peterburgskiy A.P., Timofeev I.V. Constitutional legalization of judiciary principles. Gênero & Direito, 2020. No 9 (04).

8. Zakharov S., Chemshit A., Novikova A., Stus N., Zajceva T. Justice independence: foreign constitutional experiences. Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. Año: VI. Número: 3. Artículo no.: 81. Período: 1ro de mayo al 31de Agosto.

9. Makogon B., Markhgeym M., Novikova A., Nikonova L., & Stus, N. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits. Journal of History Culture and Art Research, 2018. No7(2)

10. Markhgeym M.V., Novikova A.E., Rosenko M.I., Katorgina N.P., Tonkov E.E. Constitutional Court in public administration system in Moldova and Russia. Humanities & Social Sciences Reviews, 2019. No7(5).

11. Tonkov E.E., Kosolapova N.A., Lebedinskaya V.P., Mutsalov S.Sh., Stulnikova O.V. The Legal Nature of Decisions of Constitutional Courts of Russia and Foreign Countries and Investigating its Psychological Consequences. Propósitos y Representaciones, 2020. No 8(2).

12. Peterburgskiy A.P. Formalization of judicial control: Foreign constitutional experience. Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 2021. No46 (3).

13. https://worldconstitutions.ru/ (date accessed 22 March 2021).

Информация об авторе

А.П. Петербургский – аспирант кафедры конституционного и международного права

Information about the author

A.P. Peterburgsky – Post-graduate Student of the Department of Constitutional and International Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Административное право

Научная статья
УДК 342.9

Влияние цифровизации на правовые аспекты Минюста России в сфере противодействия экстремистским проявлениям

© Бушманов Р. В., Мазовка А. С., 2022

Родион Викторович Бушманов[1], Артем Сергеевич Мазовка[2]
[1] Главное управление Минюста России по Ростовской области; Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Ростов-на-Дону, Россия. rodionbush@mail.ru
[2] Главное управление Минюста России по Ростовской области; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. yagart@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются полномочия Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов в сфере противодействия экстремистской деятельности, так как одним из направлений профилактики экстремизма является контроль за деятельностью некоммерческих организаций. Проводится мониторинг контрольных мероприятий на предмет экстремистской направленности в отношении некоммерческих организаций, осуществляемый территориальными органами Министерства юстиции Российской Федерации, до регистрации организации в качестве юридического лица. Вносятся предложения, необходимые для повышения эффективности деятельности в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности в ходе контроля за деятельностью некоммерческих организаций, включающего в себя административные процедуры, осуществляемые территориальными органами Министерства юстиции Российской Федерации, в отношении общественных объединений, подразделений политических партий и религиозных организаций. Предлагается на законодательном уровне отрегулировать вопросы противодействия экстремизму, поскольку правовое пространство не статично, меняется и формируется в ходе развития общественных отношений. В качестве повышения контроля при проверке достоверности сведений, представляемых некоммерческими организациями, видится возможным внесение изменений в действующее законодательство в рамках нормы процессуального законодательства, в частности Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

Ключевые слова: противодействие экстремистской деятельности, некоммерческие организации, законодательство, административные процедуры, территориальные органы Минюста России.

Для цитирования: Бушманов Р.В., Мазовка А.С. Влияние цифровизации на правовые аспекты Минюста России в сфере противодействия экстремистским проявлениям // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С.66-71

Administrative law

Original article

The impact of digitalization on the legal aspects of the Ministry of Justice of Russia in the field of countering extremist manifestations

Rodion V. Bushmanov[1], Artyom S. Mazovka[2]
[1] the Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Rostov Region; Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. rodionbush@mail.ru
[2] the Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia in the Rostov Region; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. yagart@yandex.ru

Abstract. The article examines the authorities of the Ministry of Justice of the Russian Federation and its territorial bodies in the field of countering extremist activity, since one of the directions of preventing extremism is monitoring the activities of non-profit organizations, monitoring of control measures for extremist orientation in relation to non-profit organizations is carried out by the territorial bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation, prior to registration of the organization as a legal entity. Makes proposals necessary to increase the effectiveness of activities within the framework of countering extremist crimes in the course of monitoring the activities of non-profit organizations, including administrative procedures carried out by the territorial bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation, in relation to public associations, divisions of political parties and religious organizations. Proposes to regulate the issues of countering extremism at the legislative level, since the legal space does not change statically and is formed during the development of public relations. As an increase in control when verifying the reliability of information

provided by non-profit organizations, it seems possible to amend the current legislation within the norms of procedural legislation, in particular the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: countering extremist activity, non-profit organizations, legislation, administrative procedures, territorial bodies of the Ministry of Justice of Russia

For citation: Bushmanov R.V., Mazovka A.S. The impact of digitalization on the legal aspects of the Ministry of Justice of Russia in the field of countering extremist manifestations. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 66-71 (In Russ.)

Проблема развития экстремизма не нова, однако с каждым годом она становится всё острее, и последствия развития экстремистских движений ощущаются во всех сферах общественной жизни. С развитием информационных технологий угроза развития экстремизма становится всё опасней, охватывая больший круг людей, делая популярней экстремистские идеи, разрушая социокультурную общность людей и создавая условия для новых конфликтов и развития дискриминации, поддерживая шовинистические настроения. Формы проявления экстремизма тоже развиваются и проявляются не только в виде публикации идей в виде текста, но также графических и аудио и видео материалов. Социальные сети и иные ресурсы сети Интернет позволяют массово транслировать в общество конкретные идеи, порой даже призывы, которые охватывают различные группы общества, в том числе несовершеннолетних.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ от 2021 года [1], одной из главных угроз развития международных отношений в нашей стране является деятельность экстремистских организаций, сконцентрированная в смене конституционного строя, деструктивной работе органов государственной власти и общественных организаций, в рамках которой разрушаются традиционные духовные ценности. Это проявляется как в виде конкретных экстремистских проявлений, которые мы можем видеть, например, на территории Украины, так и в сети Интернет. Наибольшую опасность таит в себе именно деятельность обыкновенных организаций, например средств массовой информации, которые, делая безосновательные выводы в своих публикациях, выставляют определённую группу людей как агрессоров, пренебрегающих правами человека.

В этой связи борьба с экстремизмом, в том числе по отмыванию доходов, полученных противозаконным способом, и финансированию терроризма – это одно из основных направлений деятельности нашего государства. Не менее важную роль играет профилактика радикализма, прежде всего среди молодёжи. Новым направлением профилактики экстремизма является контроль деятельности некоммерческих организаций (далее – НКО). Потребность в подобного рода контроле обусловлена социальным значением НКО, цели и задачи которых прописаны в уставе организаций. Последствия деятельности НКО, социально ориентированных организаций, выражаются в публично-правовых правоотношениях с обществом и касаются в первую очередь тех общественных благ, которыми руководствуется организация. Уже на этапе регистрации можно, а возможно даже нужно установить истинных бенефициаров НКО, что позволит более точно определить степень общественной полезности результатов деятельности организации и истинные мотивы её учредителей. Очевидно, что сопоставить прописанные на бумаге цели с реальной деятельностью и окончательно прийти к каким-то выводам можно только после проверки уже учреждённой НКО.

С целью осуществления противодействия экстремизму Указом Президента РФ утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [2]. Основными задачами данной стратегии являются: создание целостной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму; улучшения законодательства; работа со СМИ, включая сеть Интернет сконцентрированная на противодействии экстремизму; обнаружение и предотвращение преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности. В данном ракурсе НКО следует рассматривать как общность людей, нацеленных на формирование определённых идей в обществе. Безусловно, данные идеи должны исключать распространение дискриминации по какому-либо признаку, а также нивелировать распространение неприязни к социальным группам. Особое внимание заслуживают материалы, распространяемые и публикуемые в открытых источниках информации. Таким образом, мы снова приходим к назревшему вопросу о формировании системы мониторинга деятельности НКО.

В рамках действующего законодательства [3] признание организации экстремистской поручено органам судебной системы, а Минюсту России вменены функции опубликования в сети Интернет списка экстремистских материалов, в рамках законодательства об экстремистской деятельности. Вопрос о расширении полномочий территориальных органов Минюста России в сфере признания организации экстремистской пока не поднимался, что затрудняет оперативность в изучении деятельности НКО, создаёт фиктивный образ гарантии прав НКО, говорит о скупости и скованности механизма определения экстремистского объекта в работе НКО.

По нашему мнению, именно оперативность принятия решения в совокупности с отлаженным механизмом признания деятельности организации экстремистской является самой надёжной гарантией защиты интересов как общества, так и НКО.

На основании положений о главных управлениях [4] и территориальных управлениях Минюста России [5], территориальные органы Минюста России предоставляют услугу по регистрации НКО и исполняют государственную функцию по контролю за их деятельностью и соблюдением ими законодательства РФ.

На данный момент полномочия территориальных органов Минюста России в области профилактики и противодействия экстремизму осуществляются по двум векторам:

1. Профилактика, сконцентрированная на предупреждении экстремистской деятельности, в раках недопущения к участию в работе НКО лиц, на которых наложены ограничительные меры.

2. Предупредительные мероприятия, направленные на выявление экстремистских аспектов в работе НКО, а также вопросов иностранного финансирования.

Контрольные мероприятия на предмет экстремистской направленности, относящейся к НКО, реализуются территориальными органами Минюста России до регистрации организации в качестве юридического лица. В основном это выражено в анализе учредительных документов, представленных для регистрации организации. Кроме того, в анализ НКО входят данные Росфинмониторинга об организациях, имеющих сведения о причастности к экстремистской деятельности, информация Интернет-ресурсов Минюста России по внесенным в экстремистский список организациям, информация ФСБ России, данных ЕГРЮЛ, в том числе содержащиеся в базе журнала «Вестник государственной регистрации», данные Главного управления по вопросам миграции МВД России о действительности паспортов, а также информация с ФНС России о дисквалифицированных лицах. Также запрашивается информация о законном нахождении лиц на территории России в территориальных органах МВД России по вопросам миграции с целью проведения проверки требований к учредителям.

Контроль за деятельностью НКО, осуществляемый терорганами Минюста России в отношении общественных объединений, подразделений политических партий и религиозных организаций, включает в себя административные процедуры. Безусловно, остаётся открытым вопрос о развитии полномочий Минюста России в связи с развитием информационных технологий.

В рамках одних процедур осуществляются проверки НКО в соответствии с Положением о федеральном государственном надзоре за деятельностью НКО [6] и Административным регламентом Минюста России [7], по следующим направлениям:

- соответствие деятельности общественных организаций уставным целям, в том числе по расходованию денежных средств;
- соблюдение отделениями политических партий законодательства и соответствие их деятельности положениям, целям и задачам, предусмотренным уставом;
- соблюдение религиозными организациями законодательства РФ о свободе совести, свободе вероисповедания, а также целей, предусмотренных их уставами.

В рамках других процедур проверяется информация причастности к деятельности НКО экстремистских элементов при ежегодном анализе отчетов и уведомлений о продолжении деятельности, которые НКО обязаны размещать на информационных ресурсах Минюста России в сети Интернет. Доступ к таким сведениям происходит через официальный сайт Минюста России и его территориальных органов в сети Интернет.

Доступность данных сведений позволяет повысить открытость финансирования НКО и снижает вероятные риски использования НКО в финансировании экстремизма.

Регулярно проводится мониторинг сайтов НКО, получающих иностранное финансирование, в том числе религиозных и общественных организаций.

Проверка участников и учредителей позволит собрать более полную информацию деятельности организации, однако не должна выходить за рамки контроля деятельности НКО и не может осуществляться безосновательно.

В ходе профилактики экстремистских проявлений в деятельности НКО регулярно проводятся профилактические беседы с их представителями по разъяснению законодательства, регламентирующего аспекты противодействия экстремизму (раздаются печатные материалы).

Реализация полномочий, возложенных на территориальные органы Минюста России, в том числе по профилактике экстремизма, осуществляется во взаимодействии с органами прокуратуры, государственной и муниципальной власти, правоохранительными органами на основании заключенных соглашений, в рамках проводимых заседаний рабочих групп, межведомственных комиссий. Такое межведомственное сотрудничество позволяет оперативно обмениваться информацией и служит основой реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму, особенно на этапе превентивного пресечения угроз. Нормативно-правовой основой взаимодействия является приказ Минюста России об утверждении Научно-консультативного совета при Минюсте России по изучению ре-

лигиозных материалов, содержащих признаки экстремизма, и приказ Минюста России, МВД России и ФСБ России от 25.11.2010 № 362/810/584 [8].

Однако эффективность межведомственного взаимодействия зачастую зависит от понимания и толкования норм права, применяемых подходов, регулирующих правоотношения, а также конструктивного информационного обмена.

Поэтому не простым является вопрос «иностранных агентов» в ходе межведомственного взаимодействия по противодействию экстремистской деятельности ввиду отсутствия единого подхода к оценке деятельности таких НКО.

Имеют место проблемные вопросы, возникающие с незарегистрированными НКО, в части наличия у территориальных органов Минюста России фактических механизмов контроля, распространяющихся на деятельность только зарегистрированных общественных организаций.

Также следует отметить, что согласно закону об организации местного самоуправления в РФ [9] участие в профилактике терроризма, экстремизма и межнациональных конфликтов касается вопросов местного значения и является компетенцией органов местного самоуправления.

Процесс противодействия экстремизму не статичен и постоянно меняется на законодательном уровне, в ходе формирования общественных отношений. Повышение качества контроля достоверности информации, представляемой НКО, возможно при изменении действующего законодательства.

Административное правонарушение, предусмотренное ст. 19.7 КоАП РФ [10] (непредставление сведений включает в себя три совершенно различных действия (бездействия), одно из которых (несвоевременное представление) носит в соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ длящийся характер, а два других (непредставление и представление в неполном объеме или в искаженном виде), хотя и не длящиеся, но, тем не менее, имеют различный момент их совершения. Данные обстоятельства складываются при непредставлении информации НКО в момент наступления срока для предоставления сведений (15 апреля), а предоставление неточных сведений – в момент выявления искажения данных и является совершенным в момент обнаружения неточных данных.

Складывающаяся ситуация затрудняет вменение мер административного воздействия НКО, допускающим нарушения, что дает уйти от ответственности при искажении либо непредставлении сведений о наличии иностранного финансирования или представлении таких сведений с нарушением установленных сроков. Особым аспектом в разрезе противодействия экстремизма является контроль общественных объединений, осуществляющих свою деятельность без организации юридического лица. Отследить работу таких организаций значительно сложнее, однако даже они имеют свою материально-техническую базу осуществления деятельности, а значит и своих бенефициаров. На данном этапе развития законодательства контроль деятельности подобных объединений не может быть осуществлен силами только лишь Минюста России, однако отлично вписывается в механизм профилактики и противодействия экстремизму. Отдельное внимание следует уделить механике профилактики экстремизма, а именно формированию общества, направленного на недопущение дискриминации, а ещё лучше, нацеленное на уважение интересов других граждан и групп, изучение чужой истории, осознание важности участия всех членов общества в жизни государства, в том числе политической. И именно вектор на сплоченность поможет справиться со всеми современными социальными вызовами и угрозами.

Профилактика и противодействие преступлениям экстремистской направленности постоянно требуют принятия новых решений, в том числе на законодательном уровне. В качестве одного из направлений совершенствования методов противодействия экстремистской деятельности следует рассмотреть возложение на Минюст России полномочий по сбору сведений о деятельности НКО в сети Интернет, их сайтах и профилях в социальных сетях. С учётом развития полномочий Минюста России в данном направлении, совершенствование системы обмена информацией между территориальными органами Минюста России, федеральными органами государственной власти, государственной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, правоохранительными и органами прокуратуры будет эффективнее способствовать оптимизации работы по противодействию этому негативному явлению.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru
2. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // URL: www.pravo.gov.ru
3. Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // URL: www.pravo.gov.ru
4. Приказ Минюста России от 03.03.2014 № 25 «Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской

Федерации и перечня Главных управлений Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации» // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

5. Приказ Минюста России от 03.03.2014 № 26 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации и перечня Управлений Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации» // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.07.2012 № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

7. Приказ Минюста России от 30.12.2011 № 456 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по осуществлению контроля за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации» // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

8. Приказ Минюста России, МВД России и ФСБ России от 25.11.2010 № 362/810/584 «О взаимодействии Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации в целях повышения эффективности деятельности учреждений (подразделений), осуществляющих проведение исследований и экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма» // URL: https://base.garant.ru/12180917/

9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/186367/

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // URL: https://base.garant.ru/12125267/

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // URL: www.pravo.gov.ru

2. Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 No. 344 "On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025" // URL: www.pravo.gov.ru

3. Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1313 "Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation" // URL: www.pravo.gov.ru

4. Order of the Ministry of Justice of Russia dated 03.03.2014 No. 25 "On approval of the Regulations on the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the subject (subjects) of the Russian Federation and the list of Main Directorates of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the subjects of the Russian Federation" // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

5. Order of the Ministry of Justice of Russia dated 03.03.2014 No. 26 "On approval of the Regulations on the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the subject (subjects) of the Russian Federation and the list of Departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the subjects of the Russian Federation" // URL: https://minjust. gov.ru/ru/documents/

6. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 11, 2012 No. 705 "On Approval of the Regulation on Federal State Supervision of the Activities of Non-Commercial Organizations" // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

7. Order of the Ministry of Justice of Russia dated December 30, 2011 No. 456 "On Approval of the Administrative Regulations for the Implementation by the Ministry of Justice of the Russian Federation of the State Function of Monitoring the Compliance of the Activities of Non-Commercial Organizations with the Statutory Goals and Tasks, Branches and Representative Offices of International Organizations, Foreign Non-Commercial Non-Governmental Organizations with the stated goals and objectives , as well as for their compliance with the legislation of the Russian Federation" // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/

8. Order of the Ministry of Justice of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Security Service of Russia dated November 25, 2010 No. 362/810/584 "On the interaction of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Security Service of the Russian Federation in order to increase the efficiency of the activities of institutions (divisions) conducting research and expertise in cases related to the manifestation of extremism" // URL: https://base.garant.ru/12180917/

9. Federal Law No. 131-FZ of 06.10.2003 "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // URL: https://base.garant.ru/186367/

10. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // URL: https://base.garant.ru/12125267/

Информация об авторах
Р. В. Бушманов – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
А. С. Мазовка – аспирант юридического факультета
Information about the authors
R.V. Bushmanov – Senior Lecturer of the Department of State-Law Disciplines
A.S. Mazovka – Postgraduate student of the Law Faculty

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 27.07.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 27.07.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 342.9

Проблемы обеспечения прав человека в санитарно-эпидемиологической сфере

© Позднышов А.Н., Голобородько Ю.С., 2022

Алексей Николаевич Позднышов [1], Юлия Сергеевна Голобородько[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.
[1] naf1978@rambler.ru
[2] kfiap@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы государственного регулирования санитарно-эпидемиологических отношений, анализируются административные акты и процедуры отдельных государств в области защиты здоровья граждан в условиях пандемии.

Ключевые слова: государственное управление, санитарно-эпидемиологическое благополучие, пандемия, права человека

Для цитирования: Позднышов А.Н., Голобородько Ю.С. Проблемы обеспечения прав человека в санитарно-эпидемиологической сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 71-74

Original article

Issues of ensuring human rights in a sanitary and epidemiological sphere

Alexey N. Pozdnyshov[1], Yulia S. Goloborodko[2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.
[1] naf1978@rambler.ru
[2] kfiap@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of state regulation of sanitary and epidemiological relations, analyzes administrative acts and procedures of individual states in the field of protecting the health of citizens in a pandemic.

Keywords: public administration, sanitary and epidemiological welfare, pandemic, human rights

For citation: Pozdnyshov A.N., Goloborodko Yu.S. Issues of ensuring human rights in a sanitary and epidemiological sphere. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 71-74 (In Russ.)

Последние несколько лет основной проблемой, возникшей перед большинством стран, является борьба с неконтролируемым распространением опасных вирусных заболеваний, выработка эффективных мер противодействия им и соответствующие корректировки функционирования социальных и государственных институтов, а также их правовое обеспечение. С точки зрения права, главной пробле-

мой в этой сфере видится отставание правового регулирования в условиях принятия неотложных, срочных мер, направленных на защиту общества от болезней. Кроме этого, можно констатировать факт преобладания таких мер над традиционными, отработанными, нормативно закрепленными механизмами управления, сформированными в обществе и государстве, что нередко приводит к возникновению крайне спорных и противоречивых способов чрезвычайного регулирования, а также вызывает ряд вопросов, связанных с обеспечением реализации конституционных прав и свобод.

Среди таких институтов можно отметить значительные ограничения личных, политических, социальных и культурных прав человека (свобода передвижения [1], личная неприкосновенность, образование, трудовая деятельность), введение специальных режимов функционирования коммерческих и некоммерческих организаций, приостановление оказания государственных услуг, введение новых составов правонарушений и преступлений, а также большое количество иных запретов и обязанностей.

Иными словами, система государственного управления переводится в режим чрезвычайного функционирования, с вытекающими из этого последствиями в виде усиления исполнительной власти, ослабления парламентского, судебного, общественного контроля. Ключевым вопросом в данной ситуации является определение пределов вмешательства государства в общественные процессы, когда они действительно необходимы и направлены на защиту жизни и здоровья граждан либо когда такие меры лишь представляют собой предлог для достижения иных целей, что может перерасти в возникновение на постоянной основе институтов, противоречащих интересам развития государства на основе принципов, закрепленных в Конституции РФ. Следует признать, что принятие жестких ограничительных мер в короткой перспективе чрезвычайной ситуации зачастую представляет собой единственный способ быстро переломить положение дел, в том числе спасти жизни людей, но в некоторых случаях отдаленные последствия таких решений могут наносить не меньший вред иным общественным отношениям, поскольку нарушается баланс сформировавшихся механизмов функционирования общественно-государственной системы.

В качестве основных угроз принципу верховенства закона, ключевого для формирования правового государства, можно отметить следующие практики, применяемые отдельными странами для борьбы с пандемией, но по сути угрожающими более длительными негативными последствиями для общества в дальнейшем в случае распространения их на более продолжительные периоды, или даже бессрочно. К ним можно отнести:

- расширение полномочий органов исполнительной власти, зачастую сопровождающееся перераспределением мест и субъектов принятия решений и снижением до минимума надзорных процедур (например, правоохранительные меры принимаются органами здравоохранения, создаются временные коллегиальные органы, оперативные штабы и т.д. не всегда предусмотренные законодательно, а следовательно, деятельность которых не регулируется нормативно, отсутствуют процедурные и надзорные механизмы);
- снятие временных ограничений для чрезвычайных мер, принятие решения по их отмене по достижении тех или иных условий, статистических параметров, формирование которых в некоторых случаях непрозрачно, может быть «откорректировано», искажено, отнесено к компетенции непрофильных органов власти или даже негосударственных организаций;
- отмена или приостановление действия тех или иных прав человека, прекращение возможности их фактического осуществления, невозможность реализации жизненно важных потребностей;
- правотворчество и законотворчество становятся уязвимыми для злоупотреблений, ключевые решения могут оформляться подзаконными актами, декретами, рекомендациями и т.д., обосновывая это соображениями неотложности, экстренности и экономии времени с целью защиты жизни и здоровья;
- правоприменительная практика и принудительные меры, принимаемые для обеспечения режима чрезвычайных обстоятельств, приобретают крайние, жесткие формы, ограничивается передвижение, личная неприкосновенность, вводятся новые формы контроля, закрытие и изоляция зданий и сооружений, отдельных территорий, вводятся дополнительные разрешительные документы для тех или иных видов деятельности граждан и организаций, законодательно вводятся новые составы преступлений и правонарушений, которые затем могут сохраняться на постоянной основе после необходимости чрезвычайного регулирования;
- отдельно следует отметить широкое использование цифровых и иных технологий для отслеживания и сбора информации о людях, в том с привлечением коммерческих организаций, функционирующих в данной сфере, использования имеющихся в их распоряжении данных о клиентах, пользователях, зачастую без соответствующего контроля и надзора, а также четких правовых оснований.

Правовое регулирование такого рода ограничений в большинстве конституций мира достаточно абстрактно и оставляет пространство для злоупотреблений в ограничении прав человека либо, как минимум, применении избыточных чрезвычайных мер. Попытка регламентации таких ограничений дается в так называемых Сиракузских принципах [2], в п.11 которых говорится, что при применении

ограничения государство не должно применять меры, приводящее к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение. Однако этим же документом опасность для здоровья населения признается основанием для чрезвычайного положения, при котором государство-участник Пакта о гражданских и политических правах вправе принимать меры в отступление от своих обязательств.

Таким образом, создается юридическое основание для частичного приостановления действия основополагающих документов, регламентирующих самые основные, принципиальные основы современного общества. П.51 данного документа указывает, что любые исключительные меры, применяемые в государстве в условиях особых обстоятельств, должны применяться только в пределах, необходимых для устранения существующей реальной угрозы населению в пределах территории, где это обоснованно. Для оценки объема таких мер предлагается категория «соразмерности с природой и масштабами угрозы для жизни нации», определять которую должны компетентные государственные органы. На наш взгляд, данная формулировка достаточно расплывчата и в совокупности со снижением уровня общественного, политического внутреннего и межведомственного контроля и надзора, обусловленного чрезвычайными условиями функционирования государственного аппарата, приостановлением действия общественных институтов, традиционных форм взаимодействия между ветвями власти, позволяет использовать ситуацию в субъективных интересах отдельных должностных лиц, групп, органов. Единственным цивилизованным выходом из данной правовой ситуации является максимально четкая, детализированная, нормативно закрепленная регламентация оснований введения ограничений, пограничных количественных и качественных параметров и данных, наступивших негативных последствиях, в сочетании с повышенной юридической ответственностью должностных лиц за решения, признанные впоследствии необоснованными.

Данным вопросам был посвящен специальный обзор, подготовленный ООН «COVID-19 и права человека. Это наше общее дело» [3]. В нем, например, указывается на прямую связь наиболее часто применяемых государствами мер по ограничению передвижения граждан и взаимодействия друг с другом, с серьезными последствиями в виде проблем с занятостью и экономикой в целом, доступа к необходимым ресурсам (продуктам питания, воде, государственным и социальным услугам, образованию, здравоохранению и т.д.), семейными отношениями и т.д. Таким образом, ограничивая по объективным причинам одно право, мы фактически лишаем человека возможности реализовывать большинство иных, нанося тем самым вред его интересам.

Особенно ярко проявляются указанные проблемы в информационной сфере. С одной стороны, прямой угрозы передачи инфекции без прямого контакта людей нет, однако косвенный вред от распространения непроверенной, ложной, основанной на слухах и предрассудках информации, подстегивании панических настроений и т.д. налицо. В мире по данным исследований международных организаций в области прав человека [4] наблюдались два отличающихся подхода в области информационного обеспечения борьбы с пандемией. Так, некоторые страны достаточно жёстко фильтровали и цензурировали информацию, связанную с пандемией, скрывали статистику заболеваемости, подвергали ответственности журналистов и СМИ, медицинских работников за раскрытие информации и распространение паники, слухов и т.д. Например, в Китае достаточно долго официально отвергали возможность передачи вируса от человека к человеку, занижали количество заболевших, пресекали распространение и обсуждение информации о болезни, подвергали цензуре онлайн обсуждения проблемы. В Таиланде осуществляли судебное преследование журналистов и врачей за критику государственных противоэпидемиологических мероприятий, системы здравоохранения и ее обеспеченности. В некоторых других странах власти, напротив, попытались максимально открыть данные о ситуации, например, в Южной Корее ежедневно публиковалась статистика, а представители государственных органов проводили по два брифинга в день о динамике заболеваемости. Однако имелись и примеры негативных последствий открытости информации, например в Италии некоторые чиновники давали противоречащую друг другу информацию, руководствуясь своими политическими интересами, что в конечном итоге снизило эффективность информационно-пропагандистской работы в области борьбы с пандемией. Следует отметить, что с точки зрения прав человека власти, несомненно, должны обеспечивать достоверность и оперативность информирования общества, уважать право на свободное выражение мнений и право на доступ к информации, но в то же время следует препятствовать дезинформации, использованию ложных, некорректных сведений, попыткам манипулирования общественным сознанием для политических, экономических, личных и иных интересов.

Однако, на наш взгляд, преимущественно для этих целей следует использовать не принуждение и запреты, а авторитет официальной власти и научное обоснование решений, применяя принуждение лишь в крайних ситуациях, когда общественный вред от распространения заведомо ложной информации очевиден и противоправен, избегая внеправового воздействия в виде «профилактических бесед», сопряженных с задержанием, угрозами, использованием административного ресурса государственных

органов, привлечением работодателей в качестве субъекта принудительного воздействия и других форм, выходящих за пределы нормативного регулирования.

Список литературы

1. Потемкина О.Ю. Европейский союз: ограничение передвижения граждан как средство борьбы с COVID-19 // Аналитическая записка Института Европы РАН, 2020. № 14 (№ 197). С.1-7.
2. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах Организация Объединенных Наций. Экономический и социальный совет. Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/O8500000001#z0
3. COVID-19 и права человека. Это наше общее дело. // URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf
4. COVID-19 и права человека // https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654

References

1. Potemkina O.Y. The European Union: restriction of citizens' movement as a means of combating COVID-19. *Analytical Note of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.* 2020. No. 14 (No. 197):1-7 (In Russ.)
2. Syracuse Principles for the Interpretation of Limitations and Derogations from the Provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights United Nations. Economic and Social Council. UN document E/CN.4/1985/4, Annex (1985) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/O8500000001#z0
3. COVID-19 and human rights. This is our common cause. // https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf
4. COVID-19 and human rights // https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654 (accessed: 12.08.2022).

Информация об авторах

А.Н. Позднышов – доктор юридических наук, профессор
Ю.С. Голобородько – аспирант

Information about the authors

A.N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor
Yu.S.Goloborodko – Post-Graduate Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Гражданское право

Научная статья
УДК 347

Генезис правового института «заработная плата» в российском трудовом законодательстве

© Г.С. Кожухова, 2022

Галина Станиславовна Кожухова
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия. galina210867@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятия «заработная плата» в российском трудовом праве, начиная с Русской Правды до современного действующего трудового законодательства.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовой договор, заработная плата, трудовое законодательство

Для цитирования: Кожухова Г.С. Генезис правового института «заработная плата» в российском трудовом законодательстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.75-78

Civil law

Original article

The genesis of the legal institution of «wages» in the Russian labor legislation

© G. S. Kozhukhova, 2022

Galina S. Kozhukhova
Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. galina210867@yandex.ru

Abstract. The article examines the evolution of the concept of «wages» in Russian labor law, starting from the Russian Truth to the current labor legislation.

Keywords: labor relations, labor contract, wages, labor legislation

For citation: Kozhukhova G.S. The genesis of the legal institution of «wages» in the Russian labor legislation. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 75-78 (In Russ.)

Одним из факторов производства является труд, а его факторным доходом выступает заработная плата. В экономике существует множество подходов к определению понятия «заработная плата». В юриспруденции же до сих пор отсутствует единый подход к пониманию и определению данного понятия, несмотря на закрепление дефиниции «заработная плата» в ст. 129 Трудового кодекса РФ (далее по тексту – ТК РФ) [1]. Для определения сущности термина «заработная плата» следует рассмотреть генезис указанного понятия.

В «Русской правде» для оплаты труда чиновников-управленцев местного уровня была закреплена система кормления, т.е. чиновник, представляющий интересы князя, а позднее и царя, из собираемых им местных налогов имел право оставлять часть собранных средств для содержания себя и своей семьи. Специальных правовых норм, которые бы регулировали размер самого «кормления» чиновника-наместника, не было, что, в конечном итоге, привело к злоупотреблениям последних, которые использовали данное им право для получения личной выгоды и наживы, а также к бесконечным жалобам местного населения на произвол сборщиков налогов. В 1556 году в результате земской реформы Ивана Грозного такая система оплаты труда была отменена.

Система, пришедшая на смену ранее отмененной, была достаточно интересной и имела название «жалования». Суть такой формы оплаты труда сводилась к тому, что за службу (т.е. речь шла тоже о государственных и муниципальных управленцах, к которым добавляются еще и лица, осуществляющие судопроизводство) выплачивалась заработная плата как в денежной форме, а также в натуральной форме и корма. Следовательно, система кормлений продолжает существовать в очень измененном виде, т.к. содержание указанных нами выше лиц осуществляется уже за счет государственной казны. По словарю В. Даля [2] «жалование – это действие того, кого чем жалует, дарит и награждает…, определенная плата за службу деньгами, съестными или другими припасами». Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон [3] термин «жалование» объясняли как «милость, дар или льгота», т.е. нечто, прямо не относящееся к трудовой деятельности и оплате за нее.

Начало XIX века для России характеризуется практическим отсутствием легального рынка работников, т.к. в промышленности использовался труд так называемых «крестьян-отходников», кото-

рые являлись крепостными крестьянами. Размер оплаты их труда напрямую зависел от размера оброка. Другие крестьяне, которые именовались «приписные», работали исключительно на государственных предприятиях, и размер их вознаграждения за труд зависел от размера государственной подати. Существенные изменения в структуре и содержании оплаты труда происходят также в XIX веке, но несколько позже: появляется новая дефиниция «содержание», которое включает в себя и жалование. Под содержанием уже понимается совокупность абсолютно всех выплат, как в денежной, так и в натуральной форме. В структуру содержания входят: жалование, квартирные и столовые деньги либо предоставление квартир или домовладений в натуре. Интересным представляет еще и тот факт, что примерно в этот же период появляется понятие «оклад» как часть содержания, в состав которого входят те самые столовые, квартирные и другие деньги, а также услуги в натуральной форме.

Отметим, что структура содержания четко делится на две части: во-первых, жалование, т.е. денежные выплаты, которые позднее станут именоваться «заработная плата»; во-вторых, оклад, выплаты в денежной и натуральной форме. Кроме того, одновременно с формированием и развитием в России капиталистических отношений постепенно начинает создаваться рыночный механизм оплаты труда, учитывающий такие факторы, как сложность труда, качество работы, условия ее выполнения и т.д.

В ходе проведенной систематизации российского законодательства за период с середины XVII века по первую четверть XIX века, которая проходила, в том числе, и под руководством М.М. Сперанского, появился Свод законов Российской империи. Новеллой указанного нормативного акта являлся тот факт, что правовые нормы, регулировавшие трудовые отношения в промышленной сфере, объединялись в самостоятельный кодифицированный нормативный акт – Устав о промышленном труде (далее по тексту – УПТ) [4], в который впервые был введен термин «заработная плата». Однако понятие «трудовой договор» отсутствовало, использовался гражданско-правовой термин «договор личного найма», который рассматривался как возмездная сделка. Письменной формой указанного договора являлась расчетная книжка, в которой кроме непосредственного закрепления таких условий трудовых отношений как, например, трудовая функция записывались и суммы начислений в денежной форме за выполнение определенной работы.

Кодекс законов о труде РСФСР 1918 года (далее по тексту – КзоТ РСФСР 1918 г.) [5] закреплял принцип «всеобщая трудовая повинность». В законе имелся VI раздел «Вознаграждение за труд», который не содержал определение понятия «заработная плата», но в ст. 10 было закреплено: «все трудоспособные граждане имеют право на применение труда по специальности и за вознаграждение, установленное для этого рода работы». Оплата труда рассчитывалась специальными расценочными комиссиями в тарифных положениях для каждой категории и группы работников, на которые они разделялись в зависимости от рода своей деятельности. Критериями определения размера оплаты труда являлись: сложность труда, степень самостоятельности и ответственности при его выполнении, степень обученности и опытность, т.е. уровень квалификации, а также характеристика условий труда.

Следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, указанный КЗоТ закреплял положение о том, что размер вознаграждение не мог быть менее прожиточного минимума для каждой территории, а с другой стороны – запрещал работнику получать какие-либо вознаграждения за выполняемую им работу, кроме оплаты сверхурочной работы, т.е. был закреплен максимальный размер оплаты труда.

Принятый в 1922 году следующий Кодекс законов о труде РСФСР (далее – КзоТ РСФСР 1922 г.) [6] также не содержит определения «заработная плата», но закрепляет положение о возможности определения размера вознаграждения за труд уже в коллективных и трудовых договорах. Кроме того, законодательно были разграничены такие понятия, как: «вознаграждение за труд» и «гарантии и компенсации». Запрещалось устанавливать размер оплаты труда меньше, чем установленный законодателем региональный государственный минимум.

По утверждению С.Л. Рабиновича-Захарина [7], следовало различать два вида коллективных договоров: во-первых, коллективный договор, который непосредственно закреплял условия труда и заработную плату как одно из его условий; во-вторых, тарифное соглашение, в котором и устанавливался тариф заработной платы.

Необходимо отметить, что основным видом коллективного договора являлся генеральный коллективный договор, который действовал в пределах одной отрасли промышленности либо народного хозяйства, что указывает на централизованное управление таким институтом трудового права как «заработная плата».

В дальнейшем, в период с 1925 года по 1929 год, в системе оплаты труда начинают происходить следующие изменения: во-первых, работники государственных учреждений, т.е. государственные служащие, переводятся вместо оплаты по коллективным тарифам на твердые оклады; во-вторых, восстанавливается максимальный размер заработной платы. После 1931 года отменяется порядок определения тарифных ставок через коллективные договоры, а условия оплаты труда стали устанав-

ливаться в соответствии с централизованными плановыми заданиями. В 50-е – 60-е годы XX века происходят незначительные изменения в нормировании заработной платы, которые носят, по утверждению современников [8], [9], «косметический характер», сохраняя при этом принцип ее централизованного регулирования.

Общим для указанных выше законов является следующее: во-первых, в обоих случаях для характеристики платы за труд законодатель использует термин «вознаграждение»; во-вторых, не содержится дефиниция «заработная плата»; в-третьих, размер вознаграждения не мог быть ниже минимального размера, который был установлен государством; в-четвертых, законодательно были установлены критерии, с помощью которых определялся непосредственно размер вознаграждения; в-пятых, вознаграждение за труд выплачивалось два раза в месяц; в-шестых, выплаты могли осуществляться как в денежной, так и в натуральной форме.

Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года (далее – КзоТ РСФСР 1971 г.) [10] опирался на нормы ранее действовавшего законодательства, но и содержал существенные отличительные черты. Так, например, глава VI указанного акта именовалась «Заработная плата» и включала 24 статьи. В КзоТе РСФСР 1971 г. законодателем были закреплены такие принципы регулирования оплаты труда как: дифференциация размера заработной платы от уровня квалификации работника, результативности и условий его труда; гарантированность заработной платы; равная оплата равного труда и т.д., однако определения понятия «заработная плата» и этот нормативный акт не содержал, тем не менее, законодатель использовал такие термины как: «заработок», «оплата труда», «заработная плата».

Следует обратить внимание на тот факт, что в законе кроме заработной платы были закреплены такие понятия, как «гарантийные выплаты» и «компенсационные выплаты». Так же, как и в предыдущем трудовом законодательстве, нормирование системы оплаты труда носило исключительно централизованный характер, так, например, оплата труда как рабочих, так и служащих осуществлялась на основе тарифных окладов (ставок), которые утверждались в централизованной порядке.

В конце 70-х годов начале 80-х годов в ходе проводимых различных экономических реформ наметилась, а затем и расширилась тенденция децентрализации регулирования правового института «заработная плата», а также значительное увеличение доли локального регулирования, указанного выше института. В 1992 году законодатель значительно расширяет возможности договорного регулирования оплаты труда, устанавливает ее минимальный размер и закрепляет положения об индексации заработной платы.

Изменения политических и социально-экономических условий привели к необходимости принятия нового трудового законодательства. В соответствии со ст. 129 «Основные понятия и определения» ТК РФ понятия «заработная плата» и «оплата труда» являются синонимичными. Ключевым словом, определяющим смысл понятия «заработная плата», приведенным в определении является «вознаграждение». Законодатель формулирует определение следующим образом: «заработная плата (оплата труда работника) – вознаграждение за труд в зависимости…», далее в определении перечислены критерии, которые лежат в основе расчета размера оплаты труда. Термин «заработная плата» является международным, а определение указанного термина содержится в Конвенции МОТ № 95 «Об охране заработной платы» [11] (далее – Конвенция) «… независимо от названия и метода исчисления всякое вознаграждение или заработок, могущие быть исчисленные в деньгах и установленные соглашением или национальным законодательством, которые предприниматель должен уплатить в силу письменного или устного договора о найме услуг трудящемуся за труд, который выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые либо оказаны, либо должны быть оказаны». Следовательно, определение в ст. 129 ТК РФ несколько не соответствует определению в Конвенции, которая под оплатой труда понимает систему правоотношений между работником и работодателем на основе корреспондирующих прав и обязанностей, а под заработной платой – вознаграждение за труд.

Подведем некоторые итоги: во-первых, до середины XIX века правовое регулирование института «заработная плата» не относилось к приоритетным государственным проблемам, т.к. легальный рынок рабочей силы был незначительный; во-вторых, в период с середины XIX в. – начала XX в. законодатель принимает нормы, которые устанавливают периодичность выплат, ограничивают размер удержаний и т.д.; в-третьих, в советский период развития трудового права были приняты три законодательных акта, которые не содержали определения «заработная плата», но законодатель использовал такие термины как: «заработная плата», «заработок», «оплата труда», а позднее и «гарантийные и компенсационные выплаты», регулирование заработной платы носило длительное время исключительно централизованный характер; в-четвертых, в ТК РФ впервые законодатель вводит определение «заработная плата», закрепляет централизованный и договорной характер нормирования указанного правового института.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4- х т. Т. 4. М.: Русский язык, 2001. 683 с.

3. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1900 // URL: http://cyberleninka.ru.

4. Устав о промышленном труде. (Свод Законов Российской империи. Т. XI. ч. 2.) // URL: http://cyberleninka.ru.

5. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 87/88. Ст. 905

6. Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г.» (вместе с «Кодексом Законов о Труде РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

7. Рабинович-Захарин С.Л. Русский коллективный и германский тарифный договор / Гюк А. Тарифный (коллективный) договор по германскому праву– М.: Pik, 1924. // URL: http:\\cyberleninka.ru.

8. Каринский С.С. Правовое регулирование заработной платы. М.: Юридическая литература, 1963 // URL: http:\\cyberleninka.ru.

9. Лившиц Р.З Заработная плата в СССР. Правовое исследование. М.: Наука, 1972. 271 с.

10. Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г. (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.

11. Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (принята 01.07.1949 г.) // URL: http:// www.consultant.ru.

References

1. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of 30.12.2001 (as amended). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No 1 (Part 1). Article 3. (In Russ).

2. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. 4. Moscow: Russian language, 2001. (In Russ).

3. Brockhaus and Efron. Encyclopedia. St. Petersburg: Typo-Lithography of I.A. Efron, 1900. URL: http:\\cyberleninka.ru

4. The Statute of Industrial Labor. (Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. part 2.). URL: http:\\cyberleninka.ru

5. The Code of Labor Laws of the RSFSR 1918. *Collection of Legalizations and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR*. 1918. No 87/88. Art. 905. (In Russ).

6. The Resolution of the Central Executive Committee of 09.11.1922 «On the enactment of the Code of Laws on Labor of the R.S.F.S.R. ed. 1922» (together with the «Code of Laws on Labor of the RSFSR»). SU RSFSR. 1922. No 70. Art. 903. (In Russ).

7. Rabinovich-Zakharin S.L. Russian collective and German tariff agreement// Gyuk A. Tariff (collective) agreement under German law. Moscow: Pik, 1924. URL: http:\\cyberleninka.ru

8. Karinsky S.S. Legal regulation of wages. M.: Legal literature, 1963. URL: http:\\cyberleninka.ru

9. Livshits R.Z. Wages in the USSR. Legal research. M.: Nauka, 1972. (In Russ).

10. The Labor Code of the RSFSR of 1971 (approved by the Supreme Council of the RSFSR 09.12.1971). *Vedomosti VS RSFSR*. 1971. No 50. Art. 1007. (In Russ).

11. Convention No. 95 of the International Labour Organization «Concerning the protection of wages» (adopted 01.07.1949). URL: http:\\ www.consultant.ru.

Информация об авторе

Г.С. Кожухова – старший преподаватель кафедры гражданского права

Information about the author

G.S. Kozhukhova – Senior Lecturer of the Department of Civil Law

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 347.4

Контракт на поставку товаров для публичных нужд как разновидность договора поставки

© Т.А. Скворцова, Е.И. Чёрная, 2022

Татьяна Александровна Скворцова[1], Екатерина Ивановна Чёрная[2]
[1]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия. tas242@yandex.ru
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия. katerina.161@mail.ru

Аннотация: В рамках данной статьи авторами анализируется правовая сущность контракта на поставку товаров для публичных (государственных и муниципальных) нужд как разновидности договора поставки. В процессе исследования показана гражданско-правовая природа контракта на поставку товаров для публичных нужд. Предложено определение понятий «государственный (муниципальный) контракт для публичных нужд» и «государственный (муниципальный) контракт на поставку товаров для публичных нужд».

Ключевые слова: договор поставки, поставочные отношения, публичные нужды, государственный (муниципальный) контракт, контракт на поставку товаров для публичных нужд

Для цитирования: Скворцова Т.А., Чёрная Е.И. Контракт на поставку товаров для публичных нужд как разновидность договора поставки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С.79-82

Original article

A contract for the supply of goods for public needs as a type of supply contract

© T.A. Skvortsova, E.I. Chernaya, 2022

Tatyana A. Skvortsova[1], Ekaterina I. Chernaya[2]
[1] Rostov State University of Economics; Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia. tas242@yandex.ru
[2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia. katerina.161@mail.ru

Abstract. The authors analyze the legal essence of the contract for the supply of goods for public (state and municipal) needs as a type of supply contract. In the course of the study, the civil nature of the contract for the supply of goods for public needs is shown. The definition of the concepts "state (municipal) contract for public needs" and "state (municipal) contract for the supply of goods for public needs" is proposed.

Keywords: supply contract, supply relations, public needs, state (municipal) contract, contract for the supply of goods for public needs.

For citation: Skvortsova T.A., Chernaya E.I. A contract for the supply of goods for public needs as a type of supply contract. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No9(148): 79-82 (In Russ.)

В России на современном этапе развития общества идет процесс формирования развитой рыночной экономики и правового государства. Сегодня зависимость экономических процессов от эффективности норм гражданского законодательства стала неизбежной. Это значительно повысило роль обязательственного права, в том числе договорных обязательств, которые регулируют отношения по реализации товаров, в том числе договоров поставки, включая его разновидности.

В современных условиях хозяйствования регулирование взаимоотношений между организациями происходит в рамках договорных условий. Договор поставки – один из самых распространенных видов договоров, применяющихся в современной коммерческой деятельности. Как справедливо отмечается в научной литературе, «в сфере торговли самым распространенным гражданско-правовым договором является договор поставки» [1].

По договору поставки поставщик - продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования их в предпринимательской деятельности или в иных целях, несвязанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Следовательно, при выделении поставки в качестве особого вида договора в первую очередь учитывается цель приобретения товара. Если товар приобретается с коммерческой целью, то будет иметь место поставка. Другими существенными отличиями договора поставки являются следующие:

– поставщик (сторона, продающая товары) – предприниматель, осуществляющий деятельность, направленную на производство или закупку поставляемых товаров;

– товары передаются покупателю в обусловленный срок поставки или в сроки поставки отдельных партий товара;

– сложная система договорных отношений по поставке, так как поставщик может быть как собственником (изготовителем) поставляемого имущества, так и посредником;

– отделение во времени срока заключения договора и срока поставки товара (срока исполнения договора);

– долгосрочные отношения сторон по договору;

– в сферу прав и обязанностей сторон входит реализация и поставка товара;

– только письменная форма его заключения.

Назовем также следующие особенности договора поставки. Товар по договору поставки – это только определенные родовыми признаками движимые вещи. Получатель – самостоятельная фигура, которая также может принимать участие в договоре поставки. Для подробного описания поставляемого товара и его свойств используются такие элементы договора поставки как приложение, спецификация, где содержится вся необходимая информация и содержится ссылка на договор поставки. Таким образом, определяющее значение договора поставки заключается в опосредовании процессов товарного обмена, обеспечении материально-технического снабжения хозяйствующих субъектов.

Особой разновидностью договора поставки можно назвать поставку товаров для публичных (государственных, муниципальных) нужд. При этом вопросы правовой сущности государственного контакта для обеспечения государственных нужд и его нормативно-правового регулирования являются дискуссионными. Это связано с отсутствием терминологического единообразия в силу рассредоточения правовых норм о государственном контракте в разных отраслях правовой системы. Зачастую термины, которыми оперируют участники контрактной сферы, нередко не согласуются между собой, что является следствием возникновения проблем на практике. По мнению В.В. Ванина, такая проблема возникла в силу конкуренции большого количества нормативно-правовых актов [2]. Как в теории, так и на практике всё чаще появляются более новые трактовки государственного контракта, многие из которых дублируют имеющиеся и не отражают в полной мере сущность указанного понятия. Это является серьезной проблемой, так как в правовой сфере важны точные формулировки понятийного аппарата, от которого зависит результативность правовой структуры закона [3].

Одним из дискуссионных вопросов, волнующих ученых в настоящее время, является соотношение таких понятий как «государственная закупка» и «контрактная система». Многие авторы считают необходимым рассматривать эти два понятия как «целое-часть» [4]. Таким образом, государственная закупка (государственный контракт) является одной из составных частей контрактной системы. Ее задача – обеспечить согласованное нормативное регулирование всех без исключения стадий, составляющих закупочный процесс. Относительно сущности данной правовой системы высказывалась Л.В. Андреева. По ее мнению, такая сущность заключается в договорном характере взаимодействия, имеющего место между публичными образованиями и поставщиками. Цель такого взаимодействия – обеспечение государственных и муниципальных нужд [5]. Такой подход основывается на нормах российского законодательства. Действующая в настоящее время редакция Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) предусматривает легальное определение категории «контрактная система». Под ней понимают совокупность как участников контрактной системы, так и действий, которые направлены преимущественно на обеспечение государственных и муниципальных нужд, осуществляемых с использованием единой информационной системы, в соответствии с законодательством о контрактной системе.

Легальное определение контракта закреплено в п. 8 ст. 3 Закона № 44-ФЗ. Законодатель под ним понимает «гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени РФ, субъекта РФ (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд». Как видно из приведенного определения, речь идет о контракте в целом, предусматривающем не только поставку товаров в рамках государственного и муниципального заказа, а также выполнение работ, оказание услуг для публичных нужд и т.п.

В нормах Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) выделяется понятие государственного контракта на поставку товаров для публичных нужд, который подлежит заключению на основании соот-

ветствующего (государственного, муниципального) заказа (ст. ст. 526, 527 ГК РФ). В случае когда контрактом непосредственно предусматривается поставка товаров покупателю по договору поставки для публичных нужд, подлежит также заключению соответствующий договор поставки на основании прикрепления заказчиком к поставщику соответствующего покупателя (ст. 529 ГК РФ).

Рассмотренные нормы прямо указывают на гражданско-правовую природу государственного контракта, что отражено в нормах Закона № 44-ФЗ и ГК РФ, однако многие ученые не признают данный факт, в связи с чем возникают проблемы в научном определении правовой сущности контракта.

Анализ научной литературы показал, что сторонники гражданско-правового подхода (В.В. Ерина, К.И. Забоева, М.В. Мухина, М.В. Шмелева и др.) отстаивают позиции того, что такие контракты имеют частно-правовую природу.

Приверженцы административно-правого подхода (А.В. Демин, А.С. Тихомиров, А.И. Елистратова, В.С. Гладков и др.) исходят из императивного характера договорных отношений по госзакупкам. На наш взгляд, данная позиция является недостаточно обоснованной, так как административные элементы правоотношений проявляются именно в процессе формирования заказа на поставку товаров для нужд государства, а не процессе заключения и исполнения самого контракта.

Наиболее логичной представляется точка зрения тех авторов (Л.В. Горбунова, П.П. Юшкевич, М.В. Астахова), по мнению которых наличие публично-правовых элементов в договоре не позволяет сделать вывод об отнесении контракта к административным договорам. Заключают контракт юридически равноправные и самостоятельные субъекты, которые имеют на балансе обособленное имущество. Их отношения выстраиваются исключительно по горизонтали.

В противопоставление точкам зрения ученых о регулировании государственного контракта административно-правовыми нормами следует отметить следующее. Несмотря на то, что процесс государственной закупки сочетает в себе средства административного правового регулирования, а субъекты правоотношений занимают статусно неравные позиции, все это относится не к самому процессу заключения государственного контракта, а только к предшествующим процедурам. Несмотря на это, некоторая часть административных элементов все-таки присутствует в правоотношениях, касающихся государственных закупок, но это не является основанием приписывать административно-правовую природу рассматриваемым отношениям.

Некоторые авторы (например, М.С. Соловьев, В.В. Ванин), признавая гражданско-правовую сущность контракта, делают вывод о необходимости его отнесения к разновидности предпринимательского договора, выделяя его специфические черты. Действительно, подрядчиками по контракту выступают субъекты предпринимательства, в связи с чем данный контракт справедливо отнести к числу предпринимательских договоров. Вместе с тем, учитывая то, что предпринимательский договор – это частный случай гражданско-правового договора, логичным является отнесение рассматриваемого контракта и к особому типу гражданско-правового договора.

Государственный контракт на поставку товаров для публичных нужд в системе гражданско-правовых договоров поставки занимает особое место. Он является, безусловно, самостоятельным видом такого договора, которому присущи свои признаки. Выделим их:

- в договорных отношениях принимают участие специальные субъекты. К ним относят преимущественно тех, кто принимал участие в закупке и ее выиграл, а также заказчика в лице публичных образований;
- наличие особой цели – удовлетворения государственных нужд. Многие авторы в качестве одного из основных признаков государственного контракта, его главной цели рассматривают удовлетворение общественных нужд. Данная трактовка имеет место быть, так как, по сути, конечной целью государства, участвующего в государственных закупках, является удовлетворение общественных потребностей в товарах, работах и услугах;
- наличие специальных условий заключения и исполнения государственного контракта.

Итак, основываясь на анализе сущности договора поставки и государственного (муниципального) контакта, а также рассмотрев точки зрения разных авторов на его трактовку и основные его признаки, можно утверждать, что государственный (муниципальный) контракт для публичных нужд – более широкое понятие нежели такой контракт на поставку товаров и его частный случай – договор поставки для публичных нужд. Последние можно рассматривать как разновидности договора поставки. В отличие от них контракт для публичных нужд охватывает не только поставочные отношения, но и иные гражданско-правовые договорные отношения, в частности по выполнению работ и оказанию услуг. При этом все указанные категории необходимо рассматривать как гражданско-правовые соглашения.

В качестве решения понятийной проблемы предлагается определение понятия государственного (муниципального) контракта для публичных нужд как гражданско-правового договора, заключенного публично-правовым образованием с субъектом предпринимательства с целью удовлетворения публичных нужд. Контракт на поставку товаров для публичных нужд следует определить как разно-

видность договора поставки, покупателем по которому выступает публично-правовое образование (или прикрепленный им к поставщику субъект).

Список источников

1. Авдеев В.В. Торговля: возврат товара как второй договор поставки, его частичное обоснование // Налоги. 2012. № 14. С. 12-16.
2. Ванин В.В. Размещение заказа у единственного поставщика в системе способов заключения публичных контрактов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2006. № 4. С. 76-90.
3. Шмелева М.В. Проблемы понятийного наполнения сферы государственных закупок и пути их решения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1(17). С. 12-15.
4. Шмелева М.В. Разработка новой концептуальной модели государственных закупок через теоретическое познание основных категорий // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 48-51.
5. Андреева Л.В. Понятие контрактной системы и основные правила ее функционирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11. С. 3-16.

References

1. Avdeev V.V. Trade: return of goods as a second delivery contract, its partial justification. *Taxes*. 2012, No. 14: 12-16. (In Russ)
2. Vanin V.V. Placing an order with a single supplier in the system of methods for concluding public contracts. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2006, No. 4:76-90. (In Russ)
3. Shmeleva M.V. Problems of conceptual filling of the sphere of public procurement and ways to solve them. Journal of Entrepreneurial and corporate law. 2020, No. 1(17): 12-15. (In Russ)
4. Shmeleva M.V. Development of a new conceptual model of public procurement through theoretical knowledge of the main categories. *Russian Justice.* 2019, No. 6: 48-51. (In Russ)
5. Andreeva L.V. The concept of a contract system and the basic rules of its functioning. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2013, No. 11:3-16. (In Russ)

Информация об авторах

Т.А. Скворцова – кандидат юридических наук, доцент
Е.И. Чёрная – магистрант

Information about the authors

T.A. Skvortsova – Candidate of Law, Associate Professor
E.I. Chernaya – Master's student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Уголовное право и криминология

Научная статья
УДК 343.91

Преступления против собственности как угроза экономической безопасности: состояние, детерминанты, особенности личности корыстного преступника и некоторые меры профилактики

© Е.Р. Абызова, О.А.Цымлянская, 2022

Абызова Евгения Равильевна[1], Ольга Афанасьевна Цымлянская[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия. Janeer@yandex.ru
[2] Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. ipidorfii@yandex.ru

Аннотация. Авторами рассматриваются современная характеристика и статистические данные некоторых преступлений против собственности, являющихся формами хищений. В статье анализируются детерминанты ряда преступлений против собственности, в том числе и психологической составляющей, показаны отличительные особенности личности корыстного преступника, исследован его «преступный портрет». Представлено собственное видение мер предупреждения корыстных и корыстно-насильственных преступлений против собственности как угрожающих экономическому росту и развитию как граждан, так и государства.

Ключевые слова: хищение, корыстная направленность, рост хищений, экономический ущерб, личность корыстного преступника, экономическая преступность

Для цитирования: Абызова Е.Р., Цымлянская О.А. Преступления против собственности как угроза экономической безопасности: состояние, детерминанты, особенности личности корыстного преступника и некоторые меры профилактики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9 (148). С.83-89

Criminal law and criminology

Original article

Crimes against property as a threat to economic security: the condition, determinants, personality characteristics of a mercenary criminal and some preventive measures

© E.R. Abyzova, O.A.Tsymlyanskaya, 2022

Evgeniya R. Abyzova[1], Olga A. Tsymlyanskaya[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.Kikot, Moscow, Russia. Janeer@yandex.ru
[2] Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. ipidorfii@yandex.ru

Abstract. The authors consider the modern characteristics and statistical data of some crimes against property which are the forms of theft. The article analyzes the determinants of a number of crimes against property, including the psychological component, shows the distinctive features of the personality of a mercenary criminal, their "criminal portrait" is investigated. The authors present their own vision on measures to prevent violent crimes against property as the ones which threateneconomic growth and development of both citizens and the state.

Keywords: embezzlement, mercenary orientation, increase in embezzlement, economic damage, identity of a mercenary criminal, economic crime

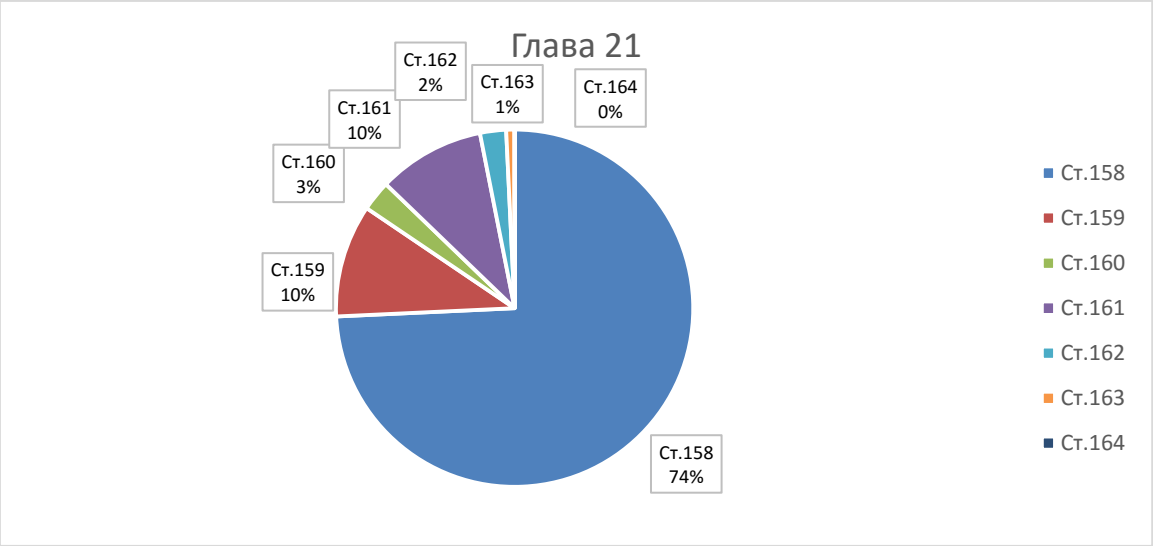
For citation: Abyzova E.R., Tsymlyanskaya O.A. Crimes against property as a threat to economic security: the condition, determinants, personality characteristics of a mercenary criminal and some preventive measures. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 83-89 (In Russ.)

Среди основных признаков любого вида преступления есть его динамика. Именно этот показатель дает наиболее реальную возможность по выявлению закономерностей становления и развития определенного вида или типа преступности, а также дальнейшего его прогнозирования.

Следует отметить, что в России сохраняется сложная криминогенная обстановка. Преступность приобретает все новые и более опасные качества.

По данным статистики, представленным на официальном сайте МВД России, за январь-февраль 2022 года хищения чужого имущества составило больше половины всех преступлений – 52,2%. Из

них: сократилось число краж – 96,7 тыс. (-3,4%), увеличилось число мошенничества – 56,3 тыс. (+8,4%), уменьшилось количество грабежей – 4,4 тыс. (-11,6%) и разбоев – 569 (-19,6%) [1]. В структуре хищений наиболее часто совершаемыми, согласно данным статистики судебного департамента, являются кражи. Они занимают 70% из общего количества осужденных за хищения чужого имущества. Второе место по числу наиболее совершаемых хищений разделяют грабеж и мошенничество – по 10% [2].

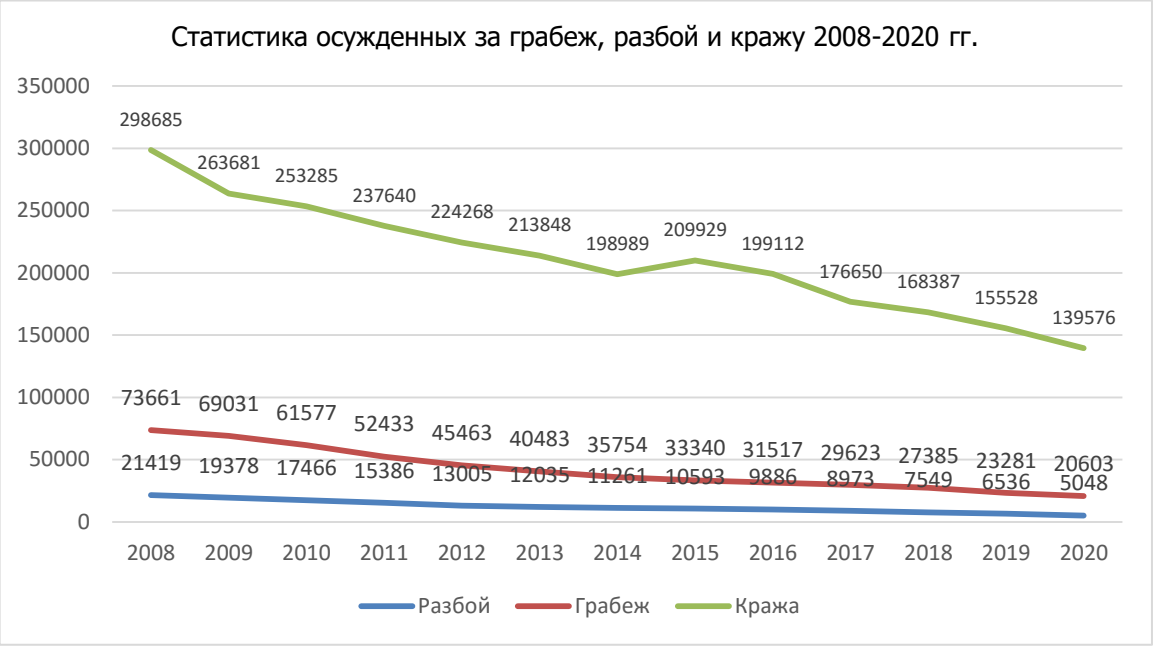


В результате анализа статистических данных за двенадцать лет (2008 - 2020 гг.) нами была получена следующая информация о совершенных на территории России хищений по данным осужденных за данные преступления.

Преступления против собственности в 2020 году составляли 38,85% от общего количества всех осужденных за преступления против собственности. В период с 2008 по 2020 годы количество преступных посягательств в целом и преступных посягательств на собственность постепенно снижается. Только в 2015 году отмечено некоторое увеличение количества преступлений против собственности[2].

По нашему мнению, значительное увеличение количества преступных посягательств в 2015 году обусловлено сложной политической, экономической и социальной ситуацией, которая сложилась в нашей стране за последние годы. В условиях изменения политического курса, кардинальных социально-экономических, политических и других преобразований количественно-качественные показатели преступности отличаются существенным ухудшением, колебаниями и нестабильностью. Проявляется негативное, отвергнутое отношение виновных к жизни, здоровью, неприкосновенности личности.

При рассмотрении криминогенных признаков грабежа очень важно понимать, какое место занимает этот вид преступления среди преступлений общеуголовной направленности. Сравнивая показатели общего количества зарегистрированных преступлений, преступлений против собственности и непосредственно грабежей, получаем информацию о взаимосвязи этих категорий и удельный вес грабежей среди указанных категорий преступлений.



Наибольшее количество хищений совершается в общественных местах, что, кроме причинения имущественного и физического вреда отдельному лицу, одновременно наносит вред всему общественному порядку, безопасным условиям межличностного взаимодействия в сфере социального обслуживания, правилам мирного сосуществования всех членов территориальной общины или общества в целом, нарушает обстановку всеобщего покоя и порождает страх перед преступностью.

Изучение процессов детерминации разного рода хищений связано прежде всего с ответом на вопросы: как, почему они существуют и развиваются, какие социальные, экономические и другие обстоятельства выступают как порождающие их причины; какие условия способствуют проявлению причин и наступлению преступных последствий.

Причины совершения хищений объективного характера нужно искать прежде всего в неблагоприятных тенденциях социально-экономического развития общества (спад производства, гиперинфляция, безработица, недостатки в управленческой и организационной сфере деятельности различных отраслей хозяйства, социальная незащищенность широких слоев населения), в недостатках и просчетах социально-культурной, духовной сфер (искаженная моральная, правовая и даже религиозное сознание, распространение и внедрение психологии материализма, накопление, корыстолюбия), в общем напряженном уголовном состоянии в стране и других явлениях. Музафаров И. А. также отмечает в качестве причин существенное увеличение цен на продовольственные товары, услуг ЖКХ, топливо, лекарств [3,с.109].

Кроме того, небывалое имущественное расслоение людей по уровню прибыли создает дополнительные стимулы преступного поведения людей. Если в прежние времена материальное благосостояние особо не афишировалось и материально обеспеченные пострадавшие от имущественных преступлений часто скрывали факт совершения в отношении них корыстного или корыстно-насильственного преступного деяния, то сейчас гордятся богатством, оно якобы выставляется напоказ.

В России «бедность приобретает массовый характер, и существует опасность, что «культура бедности», которая присуща небольшому количеству людей в развитых странах, станет в нашей стране нормой [4, с.72].

Не последнее место занимают факторы материального характера: отсутствие денег, работы и тому подобное, но трудные материальные обстоятельства создаются в большинстве случаев самим грабителем вследствие систематического пьянства, нежелания работать, ухода из дома и тому подобное. Чувство голода редко толкает человека на совершение такого тяжкого преступления как грабеж, но физическая зависимость от алкоголя – почти всегда.

Среди субъективных детерминант хищений отметим следующие явления негативного характера:

– формирование корыстно-паразитической мотивации в семейно-бытовой среде, по месту работы, учебы, проживания;

– потребительско-эгоистическая атмосфера и атмосфера насилия в микросреде;

– деформация бытовых интересов, потребностей, привычек, выражающаяся в стремлении к пьянству, наркотикам, азартным играм, и деградация личности на этой основе;

– низкий уровень культуры, сознания, нравственности преступников.

Вывод относительно субъективных факторов совершения хищений определенным лицом возможно сделать только с помощью его глубокого и многостороннего психологического изучения, уста-

новления особенностей социальной жизни. При изучении личности преступника необходимо выявлять доминантные факторы, которые на самом деле привели к совершению преступления, а не те, которые лежат на поверхности, являются изменчивыми и ложными.

Рассмотрим более подробно вышеперечисленные детерминанты хищений. Начнем с первичного института социализации – родительской семьи, которая является мощным источником социального развития и воспитания лица в целом.

Становление достаточно определенной, относительно устойчивой направленности личности наблюдается в возрасте 12-15 лет, потому что в настоящее время основные ценности общества, моральные нормы и правовые запреты уже усвоены, сформированы доминирующие мотивы. Опираясь на это положение, можно предположить, что первичное формирование корыстной направленности большинства «грабителей» происходило до достижения ими совершеннолетия в результате возможного негативного влияния неблагополучной семьи, пробелов воспитания, подражания примеру ранее судимых членов семьи, соответствующим образом ориентировали несовершеннолетних в усвоении семейных ценностей и выборе линии поведения [5,с.201].

Целесообразно отметить, что традиционной причиной совершения преступных деяний грабителями является стойкое нежелание заниматься общественно полезным трудом. Такое нежелание работать многие из них объясняли отсутствием высокооплачиваемой работы или несогласием идти на работу за мизерную плату. Многие молодые люди, окончив школу или преждевременно оставив учебу, ни дня не работали до совершения преступления [6, с.161].

Важным в анализе этиологии хищений является влияние культурно-воспитательного фактора. Грубость, цинизм, неуважение к человеку и его имущественным правам органично вписаны в жизнь большинства из тех, кто совершил преступление. Среди условий, способствующих совершению хищений, отметим следующие:

– отсутствие охраны или слабая механическая защищенность жилья или другого помещения, в котором хранится имущество;

– недостаточная освещенность общественных мест;

– отсутствие контроля за имуществом граждан в общежитиях, санаториях, гостиницах и тому подобное;

– беспечное отношение должностных материально ответственных лиц и граждан к хранению имущества, находящегося в их распоряжении или собственности;

– недостатки в деятельности правоохранительных органов в обеспечении принципа неотвратимости наказания, по раскрытию преступлений и розыску преступников, а также по осуществлению профилактических работ с лицами, состоящими на учете;

– виктимное поведение потерпевших – пребывание в опасных местах, часто в нетрезвом состоянии; доверчивость (покупка фальсифицированных товаров, игра на улице в азартные игры, впускания в квартиру незнакомых людей); демонстрация платежеспособности.

К тому же потерпевшие часто не желают по разным мотивам сотрудничать с полицией, подавать заявление о совершенном преступлении, являться на вызов в полицию и т. п.

Весьма интересна и характеристика личности корыстного преступника. Почти все обвиняемые в совершении хищений являются гражданами России (97 %); граждане СНГ и иных государств, а также лица без гражданства, составляют остальные 3% [7].

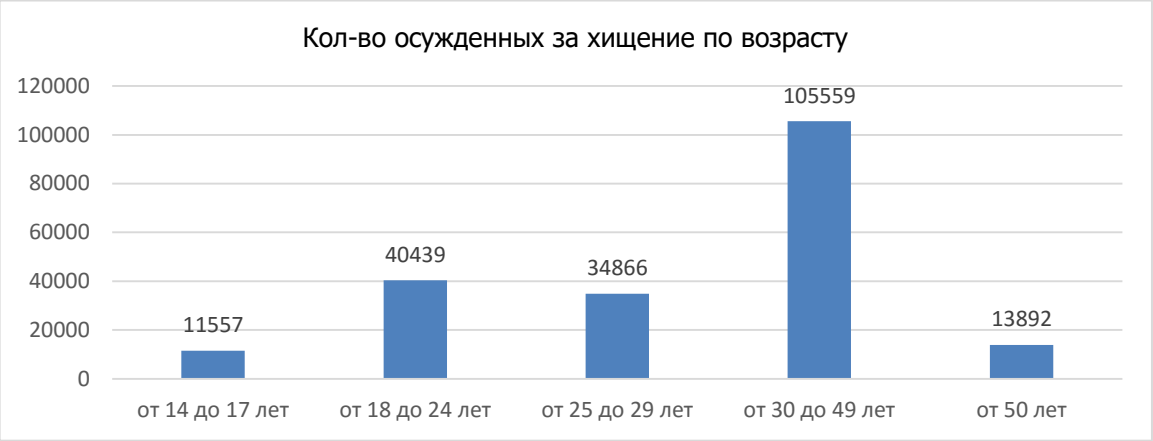
По возрастным показателям заметно выделяются следующие возрастные группы:

– большинство хищений совершаются лицами в возрасте от 30 до 49 лет – 51,16%;

– на втором месте по совершению хищений относятся лица в возрасте от 18 до 24 лет – 19,6%;

– на третьем месте лица в возрасте от 25 до 29 лет – 16,9%;

– несовершеннолетними совершается около 5,6% из общего количества хищений [7].



К числу хищений, совершаемых несовершеннолетними преступниками чаще всего, являются кражи – около 60%. Такие виды хищений как кражи, грабеж и разбой имеет ярко выраженный молодежный характер, поскольку в среднем до 90 % всех преступных проявлений данного вида преступлений совершается именно молодежью в возрасте от 18 до 29 лет. Хищения в виде мошенничества чаще всего совершаются лицами более старшего возраста и имеющих более высокий уровень образования.

Определенная связь усматривается между совершением хищений и уровнем образования преступников. Исследования показали, что 58,93 % грабителей на момент совершения преступления имели общее или полное общее среднее образование, либо без образования, 34,39 % – среднее-профессиональное. Кроме этого 5,6 % преступников имели высшее образование. Анализируя эти показатели, приходим к выводу о низком уровне образованности большинства преступников, невысоких интеллектуальных способностях, ограниченных знаниях и кругозоре, невысоком культурном уровне, отличных от общепризнанных жизненных ценностей и приоритетов [8].

Тесно связанными с уровнем образования являются показатели низкой трудовой занятости преступников. Вопреки активным возрастным возможностям, преступники занимают позицию самоустранения от общественного производства материальных благ, получили статус незанятого населения, не включенного в систему общественных отношений, которые признаются социальной нормой на данном этапе социализации [6,с.162.] Установлено, что на момент совершения преступления 68,93% преступников являются трудоспособными лицами без постоянного источника дохода.

В структуре личности преступника важное место занимают морально-психологические признаки. В частности, преступники отличаются негативным отношением к чужой собственности, неприятием незыблемости права собственности и неприкосновенности субъекта права собственности, высоким уровнем агрессивности и импульсивности, социальной отчужденностью и враждебной настроенностью к окружающим [8, с.798].

К психологическим признакам также нужно отнести такую черту характера как зависть. Зависть особенно характерна для подростков. Отсутствие престижных вещей или необходимого количества денег грабителями - подростками расценивается как жестокая несправедливость окружающих в отношении них.

На момент привлечения к уголовной ответственности за хищение около половины (50,09 %) преступников имели неснятые или непогашенные судимости, из них: 72,3 % – за кражи, 11,47 % – за грабежи, 6,74 % – за мошенничество, остальные – за другие преступления, связанные с хищением [7]. Следует отметить, что предыдущие судимости у них были исключительно за умышленные преступления, поэтому последнее преступление признается рецидивом. При алкогольном (наркотическом) опьянении ослабляется психологический барьер уголовно-правового запрета и одновременно усиливается приятное эмоциональное предвкушение удовольствия от возможности получить материальную выгоду без должного эквивалента труда. Кроме того, большинство грабителей осознает, что пребывание в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения является обстоятельством, отягчающим наказание. По статистическим данным, 53,74% преступника находились в удовлетворительном состоянии, что свидетельствует о осмысленность их решения, 46,15% % – были в состоянии алкогольного опьянения, 0,07 % – в состоянии наркотического опьянения.

Таким образом, характеристика лиц, совершающих хищения, обобщает данные об условиях воспитания и особенности социального формирования указанных лиц, о семье, о волевые, интеллектуальные, типологические и характерологические свойства, об отношении к общественно-полезному труду, к окружающей среде, к обстоятельствам дела, которое расследуется, сведения о привычки, навыки, интересы и тому подобное.

Профилактика некоторых преступлений против собственности, в частности хищений, может включать в себя разъяснение гражданам, как нужно себя вести, в частности на улице, чтобы не стать жертвой хищений нападений. К таким рекомендациям относят:

1) находясь вне дома поздно вечером, рекомендуется не надевать ювелирные украшения, дабы не привлечь внимание преступников;
2) денежные средства, кредитные и иные карты не рекомендуется хранить в сумочке. Лучше всего использовать для хранения внутренние карманы одежды;
3) сумку рекомендуется носить ближе к себе, придерживая под мышкой;
4) при снятии денежных средств в банкоматах быть предельно внимательными;
5) не пересчитывать денежные средства на улице, привлекая внимание;
6) не возить в общественном транспорте и не носить с собой большую сумму денег;
7) в вечернее и ночное время выбирать путь домой только по освещенной и оживленной улице;

В качестве субъектов специально-криминологических профилактических мероприятий выступают следующие: правоохранительные органы, специальные общества и организации; общеобразовательные учреждения, в частности, если преступниками являются несовершеннолетние лица. Основной особенностью указанных мер является то, что они носят специфический характер, требующий специальных познаний и навыков, а также регулярного проведения мониторинга преступности и создание прогнозов на будущее.

Правоохранительные органы, в рамках вышеописанных мер действуют следующим образом:

- создают базы данных;
- осуществляют сбор и анализ преступности при помощи специальных средств, а так при проведении специальных мероприятий;
- проводят систематический анализ информации о состоянии преступности;
- регулярно совершенствуют материально-техническое обеспечение;
- регулярно повышают свою правовую и профессиональную квалификацию;
- систематически проводят превентивные мероприятия по обезвреживанию криминальных и криминогенных структур и т.д.

В комплекс общесоциальных мер, направленных на предупреждение грабежей и разбоев, следует отнести следующие меры:

- ввести обязательное принудительное лечение от алкоголизма и наркомании, поскольку около 25% всех преступлений против собственности совершаются лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического и иного опьянения;
- создавать и увеличить количество социальных реклам и роликов, которые содержат информацию о законопослушном и правомерном поведении;
- снизить количество безработицы как в стране, так и в отдельных регионах, поскольку по данным Роструда по России зарегистрировано 3 051.7 тыс. чел, или 4.08% от трудоспособного населения.

Мы полагаем, что профилактику хищений следует рассматривать в качестве особой формы социального регулирования. Несмотря на то, что общая профилактика преступлений обращается к широким массам, она оказывает свое воздействие на население избирательно. Значение предупредительной работы в отношении преступлений против собственности, в частности хищений, состоит в том, что правовые нормы должны сдерживать лицо от желания совершить преступление и меры, предпринимаемые специальными субъектами профилактики должны быть результативными и более эффективными.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-февраль 2022 года // Официальный сайт МВД России. https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/29152810/
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 14.08.2022)
3. Музафаров И. А. О причинах совершения мелкого хищения и учете характеристик личности // Закон и право. 2018. № 10.
4. Ситько Н.Г., Ложников О.Н.Бедность как детерминант преступности // Актуальные вопросы юридических наук: Материалы IV Международной научной конференции, Чита, 20–23 апреля 2018 года. Чита, 2018.
5. Лучинкина Е.С. Детерминанты и измерение преступности несовершеннолетних // Актуальные проблемы права: Сборник докладов XIX научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, Таганрог, 13–14 апреля 2018 года. Таганрог, 2018.

6. Уланова Н.В., Пушкина К. И. Социальная незанятость, как одна из причин совершения преступлений несовершеннолетними // Наука и социум: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 17 марта 2021 года. Новосибирск, 2021.
7. Отчет о демографических признаках, осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. http://www.cdep.ru/index.php?id=79 – Загл. с экрана. (дата обращения: 14.08.2022)
8. Ахъядов Э.С. Основные признаки личности преступника // Молодой ученый. 2016. № 9 (113).

References

1. The state of crime in Russia for January-February 2022 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/29152810 (accessed: 08/14/2022)
2. Summary statistical data on the state of criminal record in Russia // Official website of the Judicial Department under the Armed Forces of the Russian Federation. Access mode: http://www.cdep.ru/index.php?id=79
3. Muzafarov, I. A. On the reasons for committing petty theft and accounting for personality characteristics. *Law and Right*. 2018. No. 10. (In Russ.)
4. Sitko, N. G. Poverty as a determinant of crime. *Topical issues of legal sciences:* Materials of the IV International Scientific Conference, Chita, April 20-23, 2018. Chita, 2018. (In Russ.)
5. Luchinkina E. S. Determinants and measurement of juvenile delinquency. *Actual problems of law:* Collection of reports of the XIX scientific and practical conference of teachers, students, postgraduates and young scientists, Taganrog, April 13-14, 2018 years. Taganrog, 2018. (In Russ.)
6. Ulanova N. V. Pushkina K. I., Social unemployment as one of the reasons for the commission of crimes by minors. Science and society: materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Novosibirsk, March 17, 2021. Novosibirsk, 2021 (In Russ.)
7. Report on demographic characteristics of convicted persons for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: http://www.cdep.ru/index.php?id=79
8. Akhyadov E. S. The main signs of the criminal's identity. *Young scientist*. 2016. No 9 (113). (In Russ.)

Информация об авторах

Е.В.Абызова – кандидат юридических наук,
О.А.Цымлянская – кандидат экономических наук, доцент

Information about the authors

E.V. Abyzova – Candidate of Law
O.A.Tsymlyanskaya – Candidate of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Научная статья
УДК 343.3/.7

Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст.281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии

© О.А. Коряковцева, И.А. Семенцова, 2022

Ольга Алексеевна Коряковцева[1], Ирина Анатольевна Семенцова[2]
[1] Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия. youth1@mail.ru
[2] Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru

Аннотация. Авторами рассматривается многоаспектное понимание диспозиции нормы ст.281 УК РФ как процесса преступной деятельности в уголовном законе, в части ее дополнения и совершенствования. В статье анализируются политико-правовые аспекты диверсионного преступления, особенности проявления в современный период, новые виды «кибердиверсии» специфика оценки преступных деяний. Представлено мнение авторов для уточнения дефиниций, дополнения разъяснений высшего судебного органа России для избежания квалификационных ошибок в судебно-следственной практике, а также акцентировано внимание на более результативных мерах предупредительной деятельности правоохранительных органов в отношении диверсионных преступлений.

Ключевые слова: диверсия, проблемные вопросы оценки диверсионных действий, кибердиверсия, политический мотив, финансирование диверсии, политическая преступность, профилактика диверсии

Для цитирования: Коряковцева О.А., Семенцова И.А. Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст.281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.90-94

Original article

Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage

© O.A. Koryakovtseva, I.A. Sementsova, 2022

Olga A. Koryakovtseva[1], Irina A. Sementsova[2]
[1] Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia. youth1@mail.ru
[2] Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia. irina_semen@inbox.ru

Abstract. The authors consider a multidimensional understanding of the disposition of the norm of Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation as a process of criminal activity in the criminal law in terms of its addition and improvement. The article analyzes the political and legal aspects of the subversive crime, the peculiarities of its manifestation in the modern period, new types of "cyber-sabotage", the specifics of assessing criminal acts. The authors' opinion is presented to clarify the definitions, supplement the explanations of the supreme judicial body of Russia to avoid qualification errors in judicial and investigative practice, and also focuses on more effective preventive measures of law enforcement agencies in relation to sabotage crimes.

Keywords: sabotage, problematic issues of evaluation of sabotage actions, cyberdiversion, political motive, financing of sabotage, political crime, prevention of sabotage

For citation: Koryakovtseva O.A., Sementsova I.A. Measures to improve anti-sabotage legislation (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation): political and legal aspects and ways to prevent sabotage. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 90-94 (In Russ.)

Тема диверсии, как сегодня, так и на протяжении длительного времени, является архиважной проблемой для мирового сообщества. В юридической литературе отмечается, что диверсия независимо от наступления последствий представляет весьма высокую опасность [1]. В настоящие дни тема диверсии является актуальной и злободневной, что подчёркивал в своём выступлении от 13 апреля 2022 года официальный представитель Минобороны России генерал-майор Конашенков Д.: «Видим

попытки диверсий и нанесения ударов украинскими войсками по объектам на территории Российской Федерации…» [2].

В нашем законодательстве от диверсии граждан, государство и общество защищает лишь ст.281 УК России, которая в судебно-следственной практике достаточно сложно реализуется, имеется большое количество смежных составов (ст.ст.205,167 УК РФ и другие), и весьма проблематично разграничить ее от данных норм.

Мотив у субъекта диверсионного преступления может быть абсолютно различным, однако цель диверсантов одна [3, с.75]. При диверсии у субъекта, совершающего данное преступление, будет «специальная цель – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [4]».

Косвенным аргументом проведения диверсионных действий можно считать и различные возгорания рукотворного характера. Например, Губернатор Ростовской области В. Ю. Голубев не исключает человеческий фактор в качестве возможной причины пожаров на территории региона. «Мы видим, что здесь есть и человеческий фактор. Мы не исключаем поджоги. Мы видим обращение людей, что где-то перехлест проводов, когда сильный ветер», – сказал В.Ю. Голубев в своем интервью АН «Интерфакс» [5].

Вопросы совершенствования законодательства по противодействию диверсионных преступлений представляют важное направление для теоретиков и практиков в связи с тем, что постоянно изменяющиеся условия жизни образуют новые пути современного преступного поведения, в том числе и преступного поведения диверсионного характера. Современные меры предупреждения диверсионных действий на территории РФ образовывают ряд обстоятельств, которые отвечают за усовершенствование обеспечения государственной безопасности. Сущность предупреждения (профилактики) преступности – в реализации воспитательной функции закона [6]. Воспитательная функция закона достигается путём создания и исполнения специальных государственных условий и задач [7] перед населением на территории государства, для того чтобы уменьшить или искоренить, при возможности, реализацию преступности в современном времени. То есть, меры, которые разработаны для предупреждения диверсий, не только способствую в настоящем времени защите нормального функционирования и безопасности государства, но положительно влияют на охрану государства от увеличения масштабности преступного сегмента на территории этого же государства.

Считаем, что современные меры предупреждения диверсионных действий на территории РФ включают в себя как корректировку и дополнение нормотворческой законодательной инициативы, так и внедрение современных практических программ, описывающих специфику мер предупреждения диверсионных действий.

Законодательное совершенствование диверсионного преступления характеризуется рядом корректировок нормы ст.281 УК РФ, которая закрепляет конститутивные признаки диверсионного преступления. Мы полагаем, что следует de lege ferenda дополнить нормы ст. 281 уголовного закона, связанные с классификацией современных видов и формы диверсии. Это обоснуется тем, что они стали настолько разнообразны, что не все сейчас учтены законодателем в диспозиции статьи. Современная диверсия может проявлять себя и в другом виде, а вместе с тем и различными способами в интересах усовершенствования механизма разрушения экономической безопасности и обороноспособности государства.

В современных условиях глобализации и цифровизации важным модератором преступности является проявление такого явления, как киберпреступность, то есть преступлений, совершенных «с помощью или в области компьютерных систем и сетей» [8]. Статистика Министерства Внутренних дел Российской Федерации по состоянию на январь-март 2022 года фиксирует, что каждое четвертое преступление совершается с применением IT-технологий, правоохранительными органами установлено, что большое количество преступлений в сфере компьютерной информации в марте-апреле 2022 года совершается с Call-центров, находящихся на территории Украины, в связи с проведением военной операцией Вооруженных сил Российской Федерации [9]. Официальные данные статистики свидетельствуют о том, что вопрос урегулирования российского законодательства о противоправных действиях в области компьютерной информации требует тщательной доработки.

Эти данные свидетельствуют о приоритетности рассмотрения диверсионных действий в области функционирования киберсферы в связи с тем, что киберпреступность в настоящее время является реалией современного преступного общества. В сети интернет появляется термин «кибердиверсия» [10] или «онлайн-диверсия», однако в юридической правовой литературе нет данного толкования таких терминов, более того, законодатель не указывает о таких явлениях, только даёт слабое преставление о диверсионной киберпреступности в таких словах как: «…иных действий, направленных на разрушение или повреждение…средств связи». Считаем, что «кибердиверсия» должна входить в состав диспозиции нормы статьи 281 УК РФ, определяя современный способ совершения преступления диверсионного характера. Под кибердиверсией нужно понимать действия, совершенные с помощью

или в области компьютерных систем и сетей, с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособной государства. Кибердиверсия подпадает под состав диверсии, то есть в области объекта преступления, субъекта преступления, объектовой и субъективной стороны преступления кибердиверсия обладает тем же содержанием, что и состав диверсионного преступления. Иными словами, в законе нужно сформулировать понятийный аппарат в классификации разнообразных средств оружия [11], используемых диверсантами: взрывные устройства, информация, компьютерные вирусы и другие способы диверсионной деятельности. Нужно признать мощность киберцифрового оружия как элемента криминалистической характеристики киберпреступлений [12,с.82]. На сегодняшний день существуют уже зафиксированные примеры действий, которые подпадают под понимание кибердиверсии.

Так, Российская газета, сообщает о том, что 27 апреля 2022 года существовала попытка совершения диверсии на транспортном объекте (железнодорожных путях) в Белгородской области [13]. Так, сотрудниками ФСБ были задержаны двое граждан РФ, которые не только планировали совершить диверсия, выражающуюся в повреждении полотна железной дороги способом выкручивания винтов и ослабления крепежей, но и распространяли информацию о российских военных на запрещенных украинских сайтах в РФ. Таким образом, полагаем, что указанные действия нужно квалифицировать не только по ч. 1. ст. 30 и ч. 1 ст. 281 УК РФ, но и создаётся возможность рассматривания совершённых противозаконных действий в сети Интернет как акт совершения кибердиверсии. В приведённом примере действий, совершённых по передаче информации о русских военных на запрещённые РФ сайты, можно считать актом совершения кибердиверсии в связи с тем, что субъективная сторона, субъект и объект совпадают по составу с диверсией. То есть передача информации о русских военных на запрещённые РФ сайты была осуществлена «иными действиями», которые были направлены на угрозу обороноспособности и безопасности государства. Мы полагаем, что ст. 207.3 УК РФ, введенная 04 марта 2022 года, не охватывает эти действия.

Таким образом, приоритетно усовершенствовать норму статьи 281 Уголовного кодекса Российской Федерации в части объективной стороны преступления расширением понятия «иных действий» и прямым указанием на кибердиверсию, а также добавить в качестве квалифицирующего признака действия, характеризующиеся финансированием и исполнением диверсионной деятельности. Для усовершенствования понятийного аппарата при оценке преступных действия, например в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда России, следовало бы раскрыть и провести толкование таких понятий, как:

1) диверсионная операция;
2) диверсионная деятельность;
3) диверсионная группа;
4) финансирование диверсионной деятельности;
5) значительный имущественный ущерб при диверсии;
6) иные тяжкие последствия при диверсии.

Современные меры предупреждения диверсионных действий на территории Российской Федерации заключаются не только в законодательном дополнении правовой нормы, но и в разработке специальных мероприятий по противодиверсионным действия [14, с.19]. Назначение внедрения современных практических программ в специфику мер предупреждения диверсионных действий детерминирует благоприятные условия для стабильного функционирования государства, в его устойчивой экономической безопасности как одной из наиболее приоритетных и функциональных направлений безопасности [15] и обороноспособности. Так, противодиверсионные действия направлены на защищенность в целом важных объектов охраны нашим государством.

Предлагается провести классификацию противодиверсионных действий, то есть разделить предупреждение диверсионных действий на специальные мероприятия по защите конкретной группы охраняемых общественных отношений от диверсионного преступления. Предотвращение диверсионных преступлений, безусловно, «зависит от влияния на правосознания граждан, устранения антикриминогенных условий в политике, экономике и социальной жизни государства» [16], однако важной мерой по предотвращению диверсии является специально разработанная политика, направленная на защиту объектов жизнеобеспечения населения, на которые и посягает диверсант. Иными словами, объектами диверсий всегда являются совершенно конкретные объекты, на которые и нужно обратить внимание при составлении программ противодиверсионных действий.

Во-первых, система противодиверсионных действий должна быть направлена на улучшение охраны объектов, непосредственно на которые могут готовиться и воспроизводиться действия диверсионного характера. То есть государственная политика должна быть направлена на заранее подготовленную особую защиту объектов жизнеобеспечения населения, которые влияют на экономическую безопасность и обороноспособность страны. Особая защита таких объектов может выражаться, например, в их маскировке, в наземной, водной и воздушной операции патрулирования, применение технических средств наблюдения и оповещения при приближении к таким особым объектам, в орга-

низации караульной службы, а также в проведении режимных мероприятий типа ограничения доступа и многое другое. Конечно, ряд мероприятий утвержден и проводится в обязательном порядке, но все-таки оперативная обстановка показывает, что эта работа далека от высокой эффективности.

Во-вторых, система противодиверсионных действий должна быть сосредоточена на оперативную работу на охраняемых объектах и в прилегающих районах. Другими словами, такие мероприятия, которые могут «выявить или раскрыть будущих преступников» [17], диверсантов, например, лиц, завербованных вражескими агентами (или уязвимых в плане вербовки).

Современные меры предупреждения диверсии на территории Российской Федерации предполагают деление на корректировку и дополнение нормотворческой базы в части законодательной инициативы по ст. 281 УК РФ и на внедрение современных практических программ или мероприятий, обеспечивающих организацию предупреждения диверсионных действий.

По итогам изложенного, предлагается усовершенствовать норму ст. 281 УК РФ:

– в части объективной стороны преступления, расширить понятия «иных действий»;

– законодательно закрепить кибердиверсию как один из способов совершения диверсии в современное время;

– добавить в качестве квалифицирующего признака такое явление, как финансирование и исполнение диверсионной деятельности;

– включить в закон толкование таких понятий, как диверсионная операция, диверсионная деятельность, диверсионная группа, финансирование диверсионной деятельности, значительный имущественный ущерб при диверсии иные тяжкие последствия при диверсии.

Внедрение современных мероприятий, обеспечивающих организацию мер предупреждения диверсионных действий, должно предполагать улучшение охраны объектов, на которые могут готовиться и воспроизводиться диверсия, и фокусирование внимания на оперативную работу на охраняемых объектах и в прилегающих районах.

Список источников

1. Ахмедова Г. Последствия общественно опасного деяния и конструкция состава преступления по объективной стороне // Review of law sciences. 2020. Спецвыпуск.
2. Гаврилов Ю. Минобороны РФ: Объектами атак могут стать центры принятия решений в Киеве // Российская Газета. URL: https://rg.ru/2022/04/13/minoborony-rf-obektami-atak-mogut-stat-centry-priniatiia-reshenij-v-kieve.html? (дата обращения: 15.08.2022).
3. Кудратов Н. Об исследованиях субъективных признаков диверсии // Законодательство. 2019. № 1(33). С. 73-77. EDN SDZYRB.
4. Тутуков А.Ю., Татаров Л.А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №6.
5. Причиной природных пожаров в Ростовской области могут быть поджоги (Интервью губернатора Ростовской области В.Ю.Голубева Интерфаксу России) // URL: https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/prichinoy-prirodnyh-pozharov-v-rostovskoy-oblasti-mogut-byt-podzhogi-gubernator-versiya-2 (дата обращения 25.08.2022)
6. Кузьмин Ю.А. Теоретические аспекты предупреждения преступности // Oeconomia et Jus. 2020. №3.
7. Чернявский А.Г. Значение культурно-воспитательной функции государства для укрепления суверенитета // Образование и право. 2019. №5.
8. Винкерт В.В., Клочкова А.Л. Понятие и особенности киберпреступлений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. №5.
9. Министерство внутренних дел Российской Федерации "Статистика и аналитика" // РИА. URL: https://мвд рф/dejetelnost/statistics (дата обращения: 22.08.2022).
10. Рязанов А.А. Кибероперации как инструмент межгосударственной военно-экономической конкуренции // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2021. №2 (37).
11. Блинков Н.П. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с помощью оружия или предметом, используемым в качестве оружия // Молодой ученый. 2021. № 12 (354).
12. РывкинС.Ю., Гусейнов Т.А. Особенности расследования кибернетических преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2020. №4 (81).
13. Егоров И. В Белгороде задержали диверсантов, собиравшихся подорвать военные эшелоны // Российская Газета. URL: https://rg.ru/2022/04/27/reg-cfo/v-belgorode-zaderzhali-diversantov-sobiravshihsia-podorvat-voennye-eshelony.html?ysclid=l348g62d93 (дата обращения: 27.08.2022).
14. Опрышко А. А., Семенцова И.А. О некоторых мерах предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства а // Актуальные вопросы истории,

философии и права: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 октября 2021 года. Петрозаводск, 2021. С. 17-21. EDN TKXZLR.

15. Шустикова А.С. Экономическая безопасность как часть национальной безопасности // Символ науки. 2021. №5.

16. Михайлов А.Е., Семенов С.А. Криминологический аспект борьбы с преступностью // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №11-2.

17. Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука о частной теории организации оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2022. №1 (61).

References

1. Akhmedova G. The consequences of a socially dangerous act and the construction of the corpus delicti on the objective side. *Review of law sciences*. 2020. Special Issue

2. Gavrilov Yu. The Ministry of Defense of the Russian Federation: Decision-making centers in Kiev may become targets of attacks. *Rossiyskaya Gazeta*. / Access mode: https://rg.ru/2022/04/13/

3. Kudratov, N. On the research of subjective signs of sabotage. *Legislation*. 2019. No 1(33).

4. Tutukov A. Yu., Tatarov L.A. The correct qualification of a terrorist act and its differentiation from sabotage. *Gaps in Russian legislation*. 2018. No.6.

5. Arson may be the cause of wildfires in the Rostov region (Interview with the Governor of the Rostov region V.Y.Golubev to Interfax of Russia). https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/prichinoy-prirodnyh-pozharov-v-rostovskoy-oblasti-mogut-byt-podzhogi-gubernator-versiya-2 (accessed 25.08.2022)

6. Kuzmin Yu.A. Theoretical aspects of crime prevention. *Oeconomia et Jus*. 2020. No. 3.

7. Chernyavsky A.G. The importance of the cultural and educational function of the state for strengthening sovereignty. *Education and Law*. 2019. No.5.

8. Winkert V.V., Klochkova A.L. The concept and features of cybercrime. *Interdisciplinary research: the experience of the past, the possibilities of the present, the strategies of the future*. 2021. No.5.

9. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "Statistics and Analytics". RIA. Access mode: https://мвд RF/dejetelnost/statistics (accessed: 08/22/2022).

10. Ryazanov A.A. Cyberoperations as an instrument of interstate military-economic competition. *Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management*. 2021. No.2 (37).

11. Blinkov N. P. Criminal and legal characteristics of crimes committed with a weapon or an object used as a weapon. Young scientist. 2021. No 12 (354). Pp. 80-83.

12. RyvkinS.Yu., Huseynov T.A. Features of investigation of cybernetic crimes. *Society: politics, economics, law*. 2020. No4 (81).

13. Egorov I. Saboteurs who were going to undermine military echelons were detained in Belgorod. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: https://rg.ru/2022/04/27/

14. Opryshko A.A., Sementsova I.A. On some measures to prevent crimes against the foundations of the constitutional system and state security. Topical issues of history, philosophy and Law: Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2021. pp. 17-21. EDN TKXZLR.

15. Shustikova A.S. Economic security as part of national security // A symbol of science. 2021. No.5.

16. Mikhailov A.E., Semenov S.A. Criminological aspect of the fight against crime. *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2021. No.11-2.

17. Ivanov P.I. Operational-investigative science on the private theory of the organization of operational-investigative activity. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 1 (61).

Информация об авторах

О.А. Коряковцева – доктор политических наук, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, директор Института развития кадрового потенциала

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

O.A. Koryakovtseva – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Professor of the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth, Director of the Institute for the Development of Human Resources

I. A. Sementsova – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted ; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Научная статья
УДК 343.91

Преступления в сфере компьютерной информации: сложность дефиниций и некоторые криминологические особенности

© М.О. Пухкалова, А. И. Фоменко, 2022

Марина Олеговна Пухкалова[1], Андрей Иванович Фоменко[2]
[1,2] Южный университет (ИУБиП), г. Ростов-на-Дону, Россия.
[1] mop_76@mail.ru
[2] fomenko3007@mail.ru

Аннотация. В статье авторами проведен анализ некоторых особенностей преступления в сфере компьютерной информации. Обозначаются проблемные аспекты отнесения некоторых составов к их числу. Авторами высказывается обеспокоенность отсутствием законодательного определения таких преступления, сложности и комплексности объекта посягательства при данных преступления, высказывается предложение о выделении единого объекта. Также в статье дается характеристика некоторых криминологических особенностей киберпреступлений, подчеркивается сложность проведения профилактических мер в их отношении.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, виды и классификация киберпреступлений, криминологические особенности киберпреступления, комплексность объекта посягательств

Для цитирования: Пухкалова М.О., Фоменко А.И. Преступления в сфере компьютерной информации: сложность дефиниций и некоторые криминологические особенности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.95-100

Original article

Crimes in the field of computer information: the complexity of definitions and some criminological features

© M.O. Pukhkalova, A. I. Fomenko, 2022

Marina O. Pukhkalova[1], Andrey I. Fomenko[2]
[1,2] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia.
[1] mop_76@mail.ru
[2] fomenko3007@mail.ru

Abstract. In the article, the authors analyze some features of the crime in the field of computer information. The problematic aspects of attributing some compounds to their number are indicated. The authors express concern about the absence of a legislative definition of such crimes, the complexity of the object of encroachment in these crimes, a proposal is made to allocate a single object. The article also gives a description of some criminological features of cybercrimes, emphasizes the complexity of preventive measures against them.

Keywords: crimes in the field of computer information, types and classification of cybercrimes, criminological features of cybercrime, complexity of the object of encroachments

For citation: Pukhkalova M.O., Fomenko A.I. Crimes in the field of computer information: the complexity of definitions and some criminological features. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148):95-100 (In Russ.)

Преступность с использованием информационных, коммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации является одной из самых распространенных в современном мире. Усовершенствование информационно-телекоммуникационных технологий, а также массовой компьютеризации и сети Интернет обусловило эволюционные изменения криминальной среды не только на уровне отдельных государств, но и во всем мировом пространстве. Открытое взаимодействие информационно-коммуникационных сетей в различных странах мира позволяет пользователям совершать неправомерные действия, находясь на территории иностранного государства.

Расследование и раскрытие преступлений в сфере компьютерной информации невозможно без его точной характеристики.

Преступления в сфере компьютерной информации, а также преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий представляют собой предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, которые причиняют вред или создают опасность причинения

вреда безопасности использования, производства, хранения, либо распространения информации или информационных ресурсов[1, с.202].

Следует отметить, что информационные технологии и Интернет являются неотъемлемой частью каждого человека в его повседневной жизни не только на территории Российской Федерации, но и во всем мире. Так, согласно статистическим данным Министерства развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в 3 квартале 2021 года число активных пользователей сети Интернет составило 33 708 177, а в 4 квартале 2021 года число активных пользователей Интернет-пространства возросло и составило 34 426 868 [2]. На международной арене согласно глобальному отчету Digital в январе 2020 года насчитывалось 3,80 миллиарда пользователей социальных сетей, однако по сравнению с 2019 годом аудитория соцмедиа выросла на 9%, а именно на 321 миллион новых пользователей в год [3].

Использование Интернет-ресурсов, различных компьютерных и информационных технологий, несомненно, облегчают жизнь всего мирового сообщества, однако чаще всего Интернет-пространство и компьютерные технологии используют не только в рамках закона, но и для осуществления противоправной деятельности.

В связи с отсутствием должного социального контроля Интернет-площадка безнаказанно стала использоваться преступниками как основное средство и место совершения разного рода преступлений, как традиционных – совершение мошеннических действий, краж и т.д., так и иных – совершение похищений, продаж конфиденциальной информации, вымогательств, также распространение услуг и предметов, носящих нелегальный характер (наркотических веществ, детской порнографии). Но самым важным фактом является то, что в огромном количестве совершаются преступления в сфере компьютерной информации, которые представляют особую опасность, такие как «киберэкстремизм» и крайняя его форма – «кибертерроризм», то есть действия, направленные на дезорганизацию информационных систем, которые приводят к таким неблагоприятным последствиям как причинение значительного имущественного ущерба, гибели людей, устрашению населения, оказанию воздействия на принятие решений государственными органами и иную опасность, которая представляется для личности, общества и государства.

Понятие «киберпреступность» довольно часто употребляется наряду с такими терминами, как «компьютерная преступность», «преступность в информационном пространстве», «кибербандитизм» и т.д. Однако понятие «киберпреступность» шире, и оно включает в себя все вышеуказанные термины.

Нам ближе всего понятие, которое дает Вострецова Е.В., что «киберпреступность» – это преступность в пространстве информации, которая моделируется с помощью компьютерных технологий, в котором находятся сведения о лицах, предметах, явлениях, процессах, фактах, представленных в различного рода выражениях и находящихся в движении по глобальным и локальным компьютерным сетям, либо те сведения, которые хранятся в памяти виртуального или любого физического устройства, а также другого носителя, специально установленного для их обработки, хранения и передачи [4, с.178].

Необходимо отметить тот факт, что трактовка понятия «киберпреступность» не закреплена на законодательном уровне. Однако ученые-правоведы Тропин Т.Л. и Номоконов В.А. определяют понятие «киберпреступление» как преступность, сопряженную с использованием как информационно-телекоммуникационных технологий и глобальных сетей Интернет, так и компьютеров [5, с.65].

Передача информации с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет осуществляется в Российской Федерации без ограничений, при условии соблюдения установленных федеральным законодательством требований [6]. Но «киберпреступники» находят различные способы передачи несанкционированной информации путем зашифровки сообщений или иными способами, что приводит к неблагоприятным последствиям, а также нарушению уголовного законодательства Российской Федерации.

Согласно официальным статистическим данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации в январе 2022 года всего зарегистрировано 56 694 преступления в сфере компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Из них 27 128 совершено в сети Интернет, 15 740 – посредством мобильной связи, 10 375 – с расчетных пластиковых карт, 2 798 – с применением компьютерной техники, 520 – с применением программных средств, 133 – посредством фиктивных электронных платежей. А в январе 2021 года совершено 45 692 преступления в области компьютерной информации и с использованием информационных технологий. Из них преобладает преступность, с использованием сети Интернет, ее численность – 22 652, посредством мобильной связи совершено – 10 440 преступлений, с расчетных пластиковых карт – 7 220, с применением компьютерной техники – 5 440, с применением различных программных средств – 350, с помощью фиктивных электронных платежей – 90 [7].

Также статистикой Министерства Внутренних дел Российской Федерации по состоянию на январь-март 2022 года зафиксировано, что каждое четвертое преступление совершается с применением IT-технологий, правоохранительными органами установлено, что большое количество преступлений в сфере компьютерной информации в марте-апреле 2022 года совершается с call-центров, находящихся на территории Украины, в связи с проведением военной операцией Вооруженных сил Российской Федерации [8]. Официальные данные статистики свидетельствуют о том, что вопрос урегулирования российского законодательства о противоправных действиях в области компьютерной информации требует тщательной доработки.

Уголовный Кодекс Российской Федерации выделяет закрепленные в главе 28 виды преступлений в сфере компьютерной информации:

- неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272);
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273);
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274);
- неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1);
- нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования (ст. 274.2) [9].

Трактовка понятия "компьютерная информация" раскрывается в примечании к статье 272 УК РФ – сведения (данные, сообщения), которые предоставлены в форме электрических сигналов, вне зависимости от их средств обработки, хранения и передачи [10, с.45].

Рассматривая ответственность за совершение данного вида преступлений, законодатель гарантирует защиту тайны компьютерной информации. Как правовой термин она представляет собой главную составляющую информационной безопасности. Вместе с тем, тайна компьютерной информации обеспечивает конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, а также обеспечивает семейную и личную тайны [11].

Уголовный законодательство России выделяет еще семь составов преступлений, где факультативным признаком объективной стороны преступления является использование информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий – это такие как: 138.1, 187, 282, 185.3, 159.3, 159.6, 171.2 [12, с. 346].

Но, вместе с тем, в российском уголовном законодательстве закреплено еще 15 составов преступлений, где квалифицирующим признаком выступают преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных сетей. Необходимо выделить такие статьи, как: п. «д» ч. 3 ст. 110.1, п. «д» ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 110.2, ч. 3 ст. 137, ч. 2, ст. 280.1, ч. 2 ст. 280, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.1., п. «г» ч. 2 ст. 242.2, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «в» ч. 2 ст. 151.2, ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1.1 ст. 238.1, ч. 2 ст. 205.2.

Однако необходимо отметить, что указанные составы преступлений не охватывают весь спектр противоправных действий в среде информационно-телекоммуникационного пространства и компьютерных технологий.

Например, отсутствует возможность привлечь к ответу за фишинговую преступность. Фишинг – это обман пользователя с целью завладения его личными данными, например, банковской карты, логина или пароля, с помощью компьютера, смартфона и иной техники. Популярным видом фишинговых мошеннических действий в 2022 году стала рассылка писем от имени Минцифры и Роскомнадзора, о данной схеме стало известно 31 марта 2022 года, от компании «Malwarebytes», специализирующейся на «кибербезопасности» [13]. С 23 марта посредством электронной почты на адреса российских пользователей регулярно поступают письма от Минцифры и Роскомнадзора с предупреждением о незаконности использования запрещенных в России социальных сетей, веб-сайтов, VPN-сервисов, мессенджеров, для обхода их блокировок. К данным сообщениям прилагаются файлы в формате RTF со списком запрещенных ресурсов. Экспертами было выяснено, что при открытии данных файлов на ПК, смартфоне или же другом устройстве, где доступно скачивание файла в формате HTML, который при скачивании активирует скрипт, позволяющий мошенникам получить доступ ко всем данным устройства.

Также одним из распространенных видов совершения особо опасных преступлений в системе информационно-телекоммуникационных технологий является ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, о чем свидетельствует правоприменительная практика. Так, согласно Постановлению Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2021 года А.П. совершил преступление тяжкого характера, предусмотренное ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. А.П. являлся членом террористической международной организацией, деятельность которой в соответствии с действующим законодательством запрещена на террито-

рии Российской Федерации. Также А.П. осуществлял поиск лиц, а именно молодежи для их вовлечения в состав незаконных террористических организаций, посредством распространения информации несанкционированного характера в сети Интернет, а также в социальных сетях «Вконтакте», «Instagram», «Facebook». Сведения, распространенные в социальных сетях, содержали информацию о призывах к реализации террористических действий, а также сведения, оправдывающие терроризм и отчет о проделанной работе перед своим руководителем подразделения террористической организации. Данным способом А.П. пытался вовлечь молодое поколение не только к совершению данного противоправного действия, но и к пропаганде путем опубликования неправомерной информации на личных страницах социальных сетей [14]. Количество таких преступлений растет, но проблемные вопросы оценки их совершения в виртуальной среде остаются в судебно-следственной практике.

Уголовно-правовые деликты в среде компьютерной информации можно подразделить на два вида:

- преступления, в которых орудием является компьютер, примером может послужить электронное мошенничество;

- преступления, где компьютер выполняет функцию интеллектуального средства, например, размещение непристойных порнографических материалов с использованием несовершеннолетних лиц [15, с.177].

Криминологической особенностью характеристики преступлений в системе компьютерной информации и с использованием информационно-телекоммуникационных средств является высокий уровень латентности [16, с.33]. По мнению криминологов, огромное количество преступлений в области компьютерной информации остаются нераскрытыми либо по разным причинам потерпевшие лица не сообщают о них в правоохранительные органы. Также многие конфликтные ситуации с причинением ущерба потерпевшему лицу разрешаются в гражданско-правовом порядке и в связи с урегулированием конфликта мирным способом, а именно с возмещением определенного материального ущерба и иными способами, который причинен неправомерными действиями, разбирательство в рамках уголовного судопроизводства не применяется в силу определенных факторов. Во-первых, раскрытие и расследование преступлений с использованием компьютерных технологий занимает больше количество времени, если преступление совершено в отношении какой-либо организации, то это может помешать осуществлению ее деятельности. Во-вторых, преступник в сфере компьютерной информации не воспринимается как типичный и в большинстве случаев получает минимальное наказание за совершение компьютерного преступления, а для лиц пострадавших это является одним из главных аргументов для того, чтобы не обращаться в правоохранительные органы. В-третьих, затруднена правильная квалификация данного вида преступлений в связи с отсутствием четкой законодательной системы, благодаря чему сотрудники правоохранительных органов не относят многие неправомерные компьютерные деяния к преступления и выносят соответствующие постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Также криминологической особенностью является то, что жертва боится компетентного расследования преступления, так как это может выявить незаконный характер деятельности организации, в отношении которой совершено противоправное деяние.

Одной из главных особенностей криминологической характеристики выступает неоднородность объекта преступного посягательства, объектом может выступать не только информация, но и личность преступника, а также сфера экономики, общественный порядок и общественная безопасность. Мы полагаем, что для выделения преступлений в среде компьютерной информации должен быть установлен единый объект.

Подводя итог вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что компьютерная преступность – это совершенное общественно опасное деяние с использованием компьютерных технологий, которое могло нанести или нанесло вред [17, с.202].

Дефиниций достаточно много в теории криминологии и уголовного права, но закрепленность на законодательном уровне отсутствует, все понятия весьма широко используется в литературе различными авторами. Неразработанность данного понятия наталкивает на проблему: что же возможно отнести к категории преступления в сфере компьютерной информации? Такое объединяющее начало для ранее указанных определений существует – компьютер как материальный носитель информации, в связи с чем большое количество определений компьютерным преступлениям дают в рамках общего подхода.

Мы полагаем, что нижеизложенное определение также имеет право на существование.

Преступления в сфере компьютерной информации – совокупность совершенных за определенный период времени на определенной территории, непосредственно посягающих на общественные отношения по обработке компьютерной информации преступлений с использованием компьютерных технологий для извлечения какой-либо материальной или иной заинтересованности.

Список источников

1. Жариков Ю.С. Криминология учебник для Вузов. Особенная часть. М., 2021. 253 с.
2. Официальные статистические данные Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // РИА. URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 15.08.2022)
3. Официальный статистические данные "Digital" // РИА. URL: https: // wap-canape.ru
4. Вострецова Е.В. Основы информационной безопасности: учебное пособие для студентов Вузов. Екатеринбург, 2019, 204 с.
5. Бородкина Т.Н., Павлюк А.В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Социально-политические науки. № 1. 2018. 137 с.
6. Федеральный Закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 19.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс»
7. Генеральная прокуратура Российской Федерации «Портал правовой статистики» // РИА. URL: https://genproc.gov.ru 156 (дата обращения: 12.08.2022)
8. Министерство внутренних дел Российской Федерации "Статистика и аналитика" // РИА. URL: https://мвд рф/dejetelnost/statistics (дата обращения:12.08.2022)
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс»
10. Данельян А.А. Международно-правовые аспекты кибербезопасности // Московский журнал международного права, 2020. 45 с.
11. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 (изм. от 03.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, № 31, ст. 4412
12. Готчина Л.В., Денисов С.А., Хлебушкин А.Г. Уголовное право. Особенная часть. М., 2020.
13. Приказ Минцифры России от 28.12.2020 № 780 «Об определении угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети Интернет и сети связи общего пользования» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2022)
14. Данные правоприменительной практики Президиума Верховного суда РФ // РИА. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.08.2022)
15. Семенцова И. А. Уголовно-правовые меры защиты от кибертерроризма новые реалии актуальные проблемы применения уголовного законодательства / Сб. научных трудов участников международно-практической конференции, Ростов-на-Дону 2018. 240 с.
16. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18 «Социология и политика», 2018. 33 с.
17. Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие для вузов. М., 2021. 245 с.

References

1. Zharikov Yu.S. Criminology textbook for Universities Special part. Moscow, 2021. 253 p. (In Russ.)
2. Official statistical data of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. Access mode: https://digital.gov.ru (accessed: 15.08.2022)
3. Official statistical data "Digital". Access mode: https: // wap-canape.ru
4. Vostretsova E.V. Fundamentals of information security: a textbook for university students. Yekaterinburg: Ural Publishing House. 2019, 204 p. (In Russ.)
5. Borodkina T.N., Pavlyuk A.V. Cybercrime: concept, content and counteraction measures. *Socio-political sciences.* No. 1, 2018. 137 p. (In Russ.)
6. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, Information technologies and Information Protection" (ed. of 19.07.2018). SPS "ConsultantPlus"
7. Prosecutor General's Office of the Russian Federation "Portal of Legal Statistics". Access mode: https://genproc.gov.ru 156 (accessed 12.08.2022)
8. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "Statistics and Analytics". Access mode: https://мвд rf/dejetelnost/statistics (accessed date:12.08.2022)
9. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 28.01.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 01.12.2021). SPS "ConsultantPlus"
10. Danelyan A.A. International legal aspects of cybersecurity. *Moscow Journal of International Law*. 2020. 45 p. (In Russ.)
11. The Constitution of the Russian Federation. Adopted on December 12, 1993 (ed. from 03.07.2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 03.07.2020, No. 31, Art. 4412 (In Russ.)
12. Gotchina L.V., Denisov S.A., Khlebushkin A.G. Criminal law. Special part. M., 2020. 640 p. (In Russ.)
13. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 780 dated 12/28/2020 "On the identification of threats to the stability, security and integrity of the functioning of the Internet and public communication networks on the Territory of the Russian Federation". SPS "ConsultantPlus" (accessed 20.08.2022)
14. Data of the law enforcement practice of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: https://sudact.ru (date of address: 08/20/2022)

15. Sementsova I.A. Criminal law measures of protection against cyberterrorism new realities actual problems of application of criminal legislation. Collection of scientific papers of participants of the international practical conference, Rostov-on-Don 2018. 240 p. (In Russ.)
16. Dobrinskaya D.E. Cyberspace: the territory of modern life. *Bulletin of Moscow. university*. Ser. 18 "Sociology and Politics", 2018. 33 p. (In Russ.)
17. Sverchkov V.V. Criminal law. Special part: textbook for universities. Publishing house Yurayt, 2021.

Информация об авторах
М.О. Пухкалова – кандидат юридических наук, судья в отставке
А. И. Фоменко – кандидат юридических наук, доцент
Information about the authors
M.O. Pukhkalova – Candidate of Law, retired judge
A. I. Fomenko – Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Научная статья
УДК 343.3/.7

Особенности субъективной стороны торговли людьми: проблемы законодательства и практики применения

© И.Г. Рогава, 2022

Инга Георгиевна Рогава
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. inga-rogava@mail.ru

Аннотация. В работе освещаются особенности субъективной стороны торговли людьми. Проводится анализ признаков данного элемента состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, с учетом положений действующего законодательства, практики его применения и мнения ученых-юристов, на основе которого вносятся предложения по изменению действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: торговля людьми, преступление, субъективная сторона, эксплуатация человека, уголовная ответственность
Для цитирования: Рогава И.Г. Особенности субъективной стороны торговли людьми: проблемы законодательства и практики применения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.100-105

Original article

Special features of the subjective side of human trafficking: problems of legislation and enforcement

© I.G. Rogava, 2022

Inga G. Rogava
Rostov Branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia. inga-rogava@mail.ru

Abstract. The paper highlights the features of the subjective side of human trafficking. An analysis of the signs of this element of the offense under Art. 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the provisions of the current legislation, the practice of its application and the opinion of legal scholars, on the basis of which proposals are made to change the current criminal legislation.

Keywords: human trafficking, crime, subjective side, human exploitation, criminal liability
For citation: Rogava I.G. Features of the subjective side of human trafficking: problems of legislation and enforcement. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 100-105 (In Russ.)

В силу формальной конструкции состава торговли людьми субъективная сторона данного преступления характеризуется виной исключительно в форме прямого умысла, при котором лицо осознает общественную опасность и фактический характер совершаемых им действий в виде купли-продажи, иных сделок, вербовки, передачи, получении, перевозки и укрывательстве человека, а также желает их совершения. В тех случаях, когда лицо в силу определенных причин не осознавало истинный характер и цель передачи, получения, перевозки или укрывательства человека, умысел на совершение рассматриваемого преступления у него отсутствует (к примеру, владелец гостиницы разместил в ней людей и их сопровождающего, не осознавая, что размещенные люди являются предметом сделки и в настоящее время их перемещают к новому собственнику).

Н.Г. Кулакова и Е.Л. Харьковский считают, что интеллектуальный момент прямого умысла в исследуемом преступлении связан с осознанием виновным того, что он «распоряжается судьбой человека по своему усмотрению» [1, с. 38-40]. Виновный осознает, что совершает определенную сделку в отношении человека либо же содействует ей, но не как не распоряжается судьбой человека, особенно в случае содействия сделки с ним. Г.В. Овчинникова к волевому моменту торговли людьми, помимо желания осуществить соответствующие преступные действия, относит также желание «достичь результата» [2, с. 20].

В ст. 127^1 УК РФ предусмотрен такой обязательный признак субъективный стороны как цель преступления, представляющая собой определенное представление виновного лица о конечном результате своей деятельности, чего такое лицо собирается достичь, совершая преступление [3, с. 20-22]. Целью торговли людьми, изначально распространявшейся на все действия, относящиеся к объективной стороне этого преступления, выступает эксплуатация человека. В период появления анализируемой нормы в юридической литературе обоснованно высказывались критические суждения относительно распространения данной цели на куплю-продажу человека, ведь очень часто лицо покупали без цели эксплуатации (например, ребенка на воспитание в бездетную семью), что исключало уголовную ответственность сторон сделки. Так, И. Алихаджиева отмечала, что «поскольку в новой норме конститутивным признаком состава преступления является цель эксплуатации, то при покупке младенца для усыновления и воспитания доказать правоприменителю цель эксплуатации ребенка не представляется возможным» [4, с. 4-7]. Федеральным законом от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в статью 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5], диспозиция ч. 1 ст. 127^1 УК РФ была откорректирована и цель эксплуатации человека стала относиться теперь только к вербовке, передаче, получению, перевозке и укрывательству человека. По мнению О.И. Сакаевой, указанное изменение ст. 127^1 УК РФ позволило четко определить, «что купля-продажа и иные сделки в отношении человека образуют состав торговли людьми независимо от преследуемой ими цели» [6, с. 110-118]. Тем не менее, приведенное изменение исследуемой нормы не смогло полностью изменить практику о необходимости вменения и доказывания правоохранительными органами цели эксплуатации человека при совершении в отношении его купли-продажи и иных сделок [7, с. 28-31]. Окончательную точку в этом вопросе (в прикладном смысле) поставил Пленум Верховного Суда РФ, который указал, что «цель эксплуатации человека является обязательным признаком состава преступления только для таких действий, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение потерпевшего; …для купли-продажи или совершения иных сделок с человеком цель его эксплуатации обязательным признаком состава преступления не является, хотя и может преследоваться виновным лицом при совершении данных действий» [8]. Приведенные разъяснения следует оценить исключительно с положительной стороны.

Важной особенностью цели преступления, предусмотренного ст. 127^1 УК РФ, являет то обстоятельство, что цель эксплуатации человека в основном не преследует само лицо, которое вербует, перевозит, укрывает, получает, передает человека. Кроме того, следует отметить, что кроме цели эксплуатации человека, какие-либо иные цели и мотивы в основном составе анализируемого преступления отсутствуют, потому как сделки с людьми могут быть и безвозмездными. Преступное поведение, связанное с содействием сделкам с человеком, также может быть бескорыстным.

Законодательное определение эксплуатации человека содержится в пункте 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ, где под ней понимается: «1) использование занятия проституцией другими лицами, 2) иные формы сексуальной эксплуатации, 3) рабский труд (услуги) и 4) подневольное состояние».

Использование занятия проституцией другими лицами подразумевает, что эксплуататор извлекает материальную выгоду, получает доход, от того, что эксплуатируемый принудительно, помимо (вопреки) воли занимается проституцией. Некоторые авторы весьма своеобразно понимают этот термин. Так, Т.В. Долголенко считает, что под ним понимается занятие проституцией с другими лицами, а не с самим с эксплуататором [9, с. 95-99]. «Использование занятия проституцией другими лица» в данном контексте означает, что эксплуататор использует в свою пользу то, что другие лица, то есть эксплуатируемые, занимаются проституцией, а не то, что они занимаются ею с другими лицами, а не с эксплуататором. Проституция представляет собой систематическую деятельность лиц, как женского,

так и мужского пола, по предоставлению услуг сексуального характера за материальное вознаграждение неограниченному кругу лиц. При этом сама по себе проституция может быть, как законной (в государствах, где она легализована), так и противозаконной (в странах, где она находится под правовым запретом).

Использование законодателем термина «иные формы сексуальной эксплуатации» справедливо вызывает критику в научной литературе. Во-первых, это «определение раскрывается через определяемый признак, что само по себе недопустимо при толковании значения употребляемых слов» [10, с. 18-21]. Во-вторых, в законе не раскрыто содержание этого неоднозначного многоаспектного понятия. Фактически использование занятия проституцией другими лицами представляет собой разновидность сексуальной эксплуатации, но в международном праве эти категории используются раздельно. Иная сексуальная эксплуатация подразумевает использование сексуальных физиологических свойств, качеств человека как для получения финансовой (материальной) и иной выгоды (политической, социальной) [11], так и для удовлетворения личных потребностей эксплуататора (так называемое, «сексуальное рабство» [12]). Поэтому позиция некоторых авторов о том, что сексуальная эксплуатация всегда преследует исключительно финансовую выгоду [13, с. 8], видится неточной.

Обращаясь к иным международно-правовым документам в области противодействия сексуальной эксплуатации человека, к ней следует отнести такие ее проявления как: принудительная беременность [13, с. 8]; использование человека для участия в зрелищных мероприятиях сексуального характера (эротические шоу, танцы, стриптиз, кастинги, рекламные акции и т.д.), а также для изготовления порнографических материалов и предметов [14]; развращение детей [15]. Кроме приведенного перечня, к сексуальной эксплуатации человека по праву следует также отнести «различные формы сексуального насилия, в том числе обусловленные педофилией или психическим расстройством» [16, с. 161-167]. В силу неудачного использования законодателем рассматриваемого термина, видится целесообразным исключить его из пункта 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ и закрепить в этом пункте перечень действий, относящихся к сексуальной эксплуатации, приведенный выше.

Термины «рабский труд» и «подневольное состояние» имеют бланкетное содержание, и для верного их толкования необходимо обратиться к нормам международного законодательства. Так, в частности, для понимания сущности рабского труда (услуг) необходимо обратиться к определению рабства, под которым в международном праве понимается состояние человека, попадая в которое он теряет физическую свободу, а также в отношении его при этом возникают отдельные или абсолютно все полномочия, присущие праву собственности [17].

Понятие «подневольное состояние» также раскрывается в международных источниках, а именно в Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством от 07 сентября 1956 г. [18]. Так, согласно ст. 1 и пункта «b» ст. 7 приведенной Конвенции, подневольное состояние возникает у человека в результате долговой кабалы, крепостного состояния [18].

Современное интенсивное технологическое, информационное и экономическое развитие общества способно породить новые, ранее неизвестные формы эксплуатации человека, в связи с чем, думается, в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» [19], по отношению к четырем приведенным в нем формам эксплуатации человека обоснованно применяется словосочетание «как минимум», что свидетельствует об открытом перечне таких форм. Отечественный законодатель по неясным причинам, заимствовав международно-правовое определение эксплуатации, указанное словосочетание или какой-либо его аналог не привел в пункте 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ. В этой связи для повышения эффективности применения исследуемой нормы представляется необходимым дополнить содержание пункта 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ указанием об «иных формах эксплуатации человека».

Как было сказано выше, с 2004 г. цель эксплуатации человека распространяется лишь на деяния, содействующие сделкам в отношении человека, что также нельзя назвать в полной мере соответствующим целям эффективного уголовно-правового противодействия торговли людьми. Проблема, прежде всего, заключается в неадекватной уголовно-правовой охране малолетних детей, сделки с которыми совершаются в подавляющем большинстве случаев без цели эксплуатации (в основном в целях воспитания ребенка как своего биологического). В настоящее время перевозка, получение, передача, укрывательство ребенка без цели его эксплуатации не образует состав преступления, предусмотренный ст. 127^1 УК РФ. Иными словами, уголовная ответственность за содействие в торговле детьми в российском законодательстве отсутствует. Выход из подобной негативной ситуации видится в исключении цели эксплуатации для основного состава торговли людьми и дополнении ею перечня квалифицирующих признаков (введение п. «к» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ). Предлагаемое изменение позволит не только криминализовать содействие сделкам с детьми, но и усилить уголовную ответственность за них в случае наличия цели эксплуатации человека, что является более общественно опасным.

В связи с высказанным предложением, тем не менее, следует отметить, что уголовная ответственность за вербовку человека без цели эксплуатации видится крайне противоречивым решением, ведь становится непонятно, к чему, собственно, происходит склонение лица. Поэтому следует согласиться с учеными, которые считают, что вербовка в силу своей специфики должна быть выделена в отдельный состав преступления [20, с. 98]. Сторонники таких взглядов – И. Алихаджиева [4, с. 4-7] и Ю.А. Писарев [21, с. 133-135] – полагают, что вербовка обладает большей общественной опасностью по сравнению с иными деяниями, образующими объективную сторону торговли людьми. Однако же, думается, что вербовка, которая не всегда ведет к попаданию человека в эксплуатацию, поскольку окончена с момента лишь дачи согласия потерпевшего, обладает несколько меньшей общественной опасностью в отличие от сделок с людьми и содействия им, где лицо уже лишено физической свободы. На основании изложенного представляется целесообразным дополнить ст. 127^1 УК РФ частью четвертой, в которой поместить самостоятельный состав преступления, устанавливающий ответственность за вербовку в целях эксплуатации человека или совершения сделок в отношении его. Видится логичным, с учетом санкции ч. 1 ст. 127^1 УК РФ, установить наказание за вербовку в виде принудительных работ на срок до трех лет либо лишения свободы на срок до четырех лет.

Таким образом, обязательными признаками субъективной стороны рассматриваемого состава преступления выступают вина и цель. При этом,

- вина характеризуется исключительно прямым умыслом;
- цель заключается в эксплуатации человека. Законодательное определение эксплуатации человека содержится в пункте 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ, где под ней понимается: 1) использование занятия проституцией другими лицами, 2) иные формы сексуальной эксплуатации, 3) рабский труд (услуги) и 4) подневольное состояние.

Использование занятия проституцией другими лицами подразумевает, что эксплуататор извлекает материальную выгоду, получает доход от того, что эксплуатируемый принудительно, помимо (вопреки) воли занимается проституцией. При этом сама по себе проституция может быть как законной (в государствах, где она легализована), так и противозаконной (в странах, где она находится под правовым запретом).

Используемый законодателем неоднозначный и многоаспектный термин «иные формы сексуальной эксплуатации» не имеет своего нормативного определения, что закономерно вызывает трудности у правоприменителя в его понимании. В этой связи, видится целесообразным исключить его из пункта 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ и закрепить в этом пункте следующий перечень действий, относящихся к сексуальной эксплуатации: сексуальное насилие, сексуальное рабство, принудительная беременность, развращение несовершеннолетних, использование человека для участия в зрелищных мероприятиях сексуального характера, а также изготовления порнографических материалов и предметов.

Современное интенсивное технологическое, информационное и экономическое развитие общества способно породить новые, ранее неизвестные формы эксплуатации человека, в связи с чем для повышения эффективности противодействия торговли людьми, представляется необходимым дополнить содержание пункта 2 примечания к ст. 127^1 УК РФ указанием об «иных формах эксплуатации человека».

В уголовном законодательстве РФ отсутствует ответственность за содействие в совершении сделок с малолетними (детьми) без цели их эксплуатации в виде вербовки, передачи, получения, перевозки и укрывательства, что свидетельствует о неэффективном (неадекватном) уголовно-правовом противодействии этому явлению. Выход из подобной негативной ситуации видится в исключении цели эксплуатации для основного состава торговли людьми и дополнении ею перечня квалифицирующих признаков (введение п. «к» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ). Предлагаемое изменение позволит не только криминализовать содействие сделкам с детьми, но и усилить уголовную ответственность в случае наличия у виновного цели эксплуатации человека.

В силу специфики такого альтернативного действия объективной стороны торговли людьми как вербовка человека, представляется целесообразным выделить его в самостоятельный состав преступления, который закрепить в ч. 4 ст. 127^1 УК РФ, при этом указав, что вербовка может совершать как в целях эксплуатации человека, так и в целях совершения сделок в отношении его.

Список источников

1. Кулакова Н.Г., Харьковский Е.Л. Ответственность за торговлю людьми по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Российский следователь. 2005. № 8.
2. Гилинский Я.И., Овчинникова Г.В. Торговля людьми*:* криминологический и уголовно-правовой анализ: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008.

3. Черепенников Р.В. Вопросы конструирования основных и квалифицированных составов преступлений, включающих специальную цель в качестве обязательного признака // Российский следователь. 2009. № 2.

4. Алихаджиева И. Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми // Уголовное право. 2006. № 5.

5. Собрание законодательства РФ. 2008. № 48. Ст. 5513.

6. Сакаева О.И. Реализация международно-правовых норм в сфере противодействия торговле людьми в Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 2.

7. Калюжный А.Н. Изобличение преступной деятельности, посягающей на свободу личности: отдельные проблемы следственной и судебной практики // Российская юстиция. 2018. № 4.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «Консультант Плюс».

9. Долголенко Т.В. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 127.1 УК РФ, - торговлю людьми - и соотношение состава этого преступления с другими преступлениями // Современное право. 2010. № 1.

10. Волков К.А. Эксплуатация человека как уголовно-правовая категория // Российская юстиция. 2011. № 3.

11. Всеобъемлющая стратегия ООН по оказанию помощи и поддержки жертвам сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств со стороны персонала ООН (принята 21 декабря 2007 года) // Официальный сайт Организации объединенных наций: URL: http://www.un.org/ru/ (дата обращения 28.05.2022).

12. Пункт «g» ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда (Вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // Официальный сайт Организации объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения 28.05.2022).

13. Староверов А.В. Эксплуатация жертвы торговли людьми: понятие, виды и проблемные вопросы определения сексуальной эксплуатации человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4; Смирнов Ю.П. Уголовная ответственность за сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

14. Модельный закон о противодействии торговле людьми (принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.2008 на 30-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств - участников Содружества Независимых Государств. 2008. № 42.

15. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (Лансароте, 25 октября 2007 года) // СПС «Консультант Плюс».

16. Пачулия Г.Т. Проблемные вопросы определения понятия «сексуальная эксплуатация человека» и его уголовно-правовое значение // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4.

17. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Заключена в г. Женеве 25.09.1926) // СПС «Консультант Плюс».

18. Дополнительная Конвенция Организации Объединенных Наций об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Принята Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1956 года, и составлена в Женеве 7 сентября 1956 года) // Официальный сайт Организации объединенных наций: URL: https://www.un.org/ru/

19. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года) // Официальный сайт Организации объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/

20.Скорлуков О.А. Рабство и работорговля: криминологический и уголовно-правовой аспекты исследования: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

21. Писарев Ю.А. Дискуссия об объективной стороне торговли людьми // Общество и право. 2009. № 3.

References

1. Kulakova N.G., Kharkovsky E.L. Responsibility for human trafficking under the current criminal legislation of the Russian Federation. *Russian investigator*. 2005. No. 8 (In. Russ)

2. Gilinsky Ya. I., Ovchinnikova G.V. Human trafficking: criminological and criminal law analysis: study guide. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2008. (In. Russ)

3. Cherepennikov R.V. Issues of designing the main and qualified elements of crimes, including a special purpose as a mandatory feature. *Russian investigator*. 2009. No. 2 (In. Russ)

4. Alikhadzhieva I. Shortcomings of the legislative regulation of the criminal law fight against human trafficking. *Criminal Law*. 2006. No. 5. (In. Russ)

5. Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 48. Art. 5513 (In. Russ).

6. Sakaeva O.I. Implementation of international legal norms in the field of combating human trafficking in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2014. No. 2 (In. Russ)

7. Kalyuzhny A.N. Exposure of criminal activity that encroaches on the freedom of the individual: individual problems of investigative and judicial practice. *Russian justice.* 2018. No. 4 (In. Russ)

8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 N 58 "On judicial practice in cases of kidnapping, illegal imprisonment and human trafficking" // SPS "Consultant Plus".

9. Dolgolenko T.V. Criminal liability for the crime provided for by Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation - human trafficking - and the ratio of the composition of this crime with other crimes. *Modern Law*. 2010. No. 1 (In. Russ)

10. Volkov K.A. Human exploitation as a criminal law category. *Russian Justice*. 2011. No. 3 (In. Russ)

11. The UN Comprehensive Strategy for Assistance and Support to Victims of Sexual Exploitation and Sexual Abuse by UN Personnel (adopted on December 21, 2007). Official website of the United Nations. URL: http://www.un.org/ru/

12. Clause "g" Art. 7 of the Rome Statute of the International Criminal Court (Together with the "Handbook for ratification and implementation ...") (Adopted in Rome on July 17, 1998 by the Diplomatic Conference of Plenipotentiaries under the auspices of the UN on the establishment of the International Criminal Court) // Official website of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/

13. Staroverov A.V. Exploitation of a victim of human trafficking: the concept, types and problematic issues of determining the sexual exploitation of a person. *Bulletin of economic security*. 2019. No. 4

14. Model law on combating human trafficking (adopted in St. Petersburg on April 3, 2008 at the 30th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States). *Information Bulletin.* Interparliamentary Assembly of States - Members of the Commonwealth of Independent States. 2008. No.42

15. Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse (Lanzarote, October 25, 2007). *SPS "Consultant Plus".*

16. Pachulia G.T. Problematic issues of the definition of the concept of "sexual exploitation of a person" and its criminal law meaning. *Actual problems of Russian law.* 2016. No. 4 (In. Russ)

17. Slavery Convention, signed in Geneva on September 25, 1926, as amended by the Protocol of December 7, 1953 (Concluded in Geneva on September 25, 1926). ATP "Consultant Plus".

18. United Nations Supplementary Convention for the Abolition of Slavery, the Slave Trade and Institutions and Practices Similar to Slavery (Adopted by the Conference of Plenipotentiaries convened pursuant to Economic and Social Council resolution 608 (XXI) of 30 April 1956, and done at Geneva 7 September 1956) // Official website of the United Nations: URL: https://www.un.org/ru/

19. Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (Adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000) // Official website of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/

20. Skorlukov O.A. Slavery and the slave trade: criminological and criminal law aspects of the study: Dis. ... cand. legal Sciences. M., 2005 (In. Russ)

21. Pisarev Yu.A. Discussion about the objective side of human trafficking. *Society and Law*. 2009. No. 3

Информация об авторе

И.Г. Рогава – старший преподаватель

Information about the author

I.G. Rogava - Senior Lecturer

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.
Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 343.91

Особенности профилактики женской преступности в России и зарубежных странах: сравнительные аспекты

© И.А. Семенцова, Е.В. Собакарева, 2022

Ирина Анатольевна Семенцова[1], Екатерина Валерьевна Собакарева[2]
[1] Южный университет (ИУБиП), г. Ростов-на-Дону, Россия. irina_semen@inbox.ru
[2] Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия. Sobakarev70@mail.ru

Аннотация. В статье авторами проведен сравнительный анализ мер профилактического воздействия в отношении женской преступности как в России, так и в некоторых зарубежных странах. Обозначаются особенности предупредительной работы по противодействию такому виду преступности. Авторами высказаны предложения по улучшению общесоциальных и групповых мер, а также специальных мер профилактики женской преступности, минимизации ее негативного влияния на лиц женского пола и достижения результативности при выработке предупредительных мер.

Ключевые слова: женская преступность, специальные и общесоциальные меры предупреждения, меры противодействия, минимизация преступности женщин, профилактика женской преступности

Для цитирования: Семенцова И.А., Собакарева Е.В. Особенности профилактики женской преступности в России и зарубежных странах: сравнительные аспекты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.106-111

Original article

Features of female crime prevention in Russia and foreign countries: comparative aspects

© I.A. Sementsova, E.V. Sobakareva, 2022

Irina A. Sementsova[1], Ekaterina V. Sobakareva[2]
[1] Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia. irina_semen@inbox.ru
[2] Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. Sobakarev70@mail.ru

Abstract. The article carries out a comparative analysis of preventive measures against female crime both in Russia and in some foreign countries. Indicates the features of preventive work to counteract this type of crime. Makes proposals to improve general social and group measures, as well as special measures to prevent female crime, minimize its negative impact on women and achieve effectiveness in the development of preventive measures.

Keywords: female crime, special and general social prevention measures, development of counteraction measures, minimization of female crime, prevention of female crime

For citation: Sementsova I.A., Sobakareva E.V. Features of female crime prevention in Russia and foreign countries: comparative aspects. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 106-111 (In Russ.)

Женская преступность является одной из основных проблем современного общества, которая отличается своим многообразием, устойчивостью, относительной массовостью, специфичностью и изменчивостью, а также оказывает негативное влияние на качество жизни общества, здоровье населения, институт семьи и другие сферы жизни.

Некоторые исследователи в области криминологии считают, что предупреждение женской преступности необходимо рассматривать как отдельный, изучаемый объект. С данным мнением мы согласны, так как можно утверждать, что, действительно, противодействие является самостоятельной частью криминологии, как и профилактика, кроме того, признано, что преступницы-женщины легче поддаются исправительному воздействию [1, с.188].

Для предупреждения женской преступности необходим комплекс эффективных мер, который приведет к снижению данного вида преступности. К общим мерам предупреждения женской преступности можно отнести общесоциальные и групповые меры предупреждения женской преступности [2, с.102].

К общесоциальным мерам предупреждения женской преступности следует отнести:

1. Выявление неблагополучных семей. В качестве профилактических мер необходимо осуществлять контроль и проводить ежемесячную проверку среди неблагополучных, неполных, а также семей, на которые были жалобы в отношении воспитания детей. Выявить это можно только при условии координации данных семей правоохранительными органами и работниками социальной сферы (врачами, учителями). Исследователи криминологии 1920-1930-х гг. отмечают, что особо влияние на женскую преступность оказывают именно семейные обстоятельства. Н.У. Степанян отмечает следующее: «В рамках общих мер профилактики женской преступности особое внимание необходимо уделять семье, в первую очередь конфликтной» [3, с.21]. Целью данного контроля является предотвращение преступности среди членов данных семей и защита несовершеннолетних детей от насильственных посягательств со стороны родителей или близких родственников.

2. Привлечение социальных работников, общественных организаций для помощи одиноким беременным женщинам, матерям одиночкам. Женщины, которые попадают в сложные жизненные ситуации, нередко становятся одинокими, им некому помочь, и преступные действия они могут рассматривать в качестве той самой помощи, которая содействует нормализации жизни самой женщины и ее детей, семьи. Помощь социальных работников и общественных организаций в данном случае поспособствует одиноким женщинам в поиске работы, устройстве малолетних детей в сады, школы, благоустройстве жилья.

3. В средствах массовой информации, в сети Интернет необходимо демонстрировать ролики с интервью заключенных женщин и девушек, чтобы наглядно показывать молодому поколению, какие последствия могут наступить, если совершать противоправные деяния.

4. Создание кризисных центров для женщин на территории субъектов Российской Федерации. Данные центры являются социальными учреждения, куда в случае тяжелой жизненной ситуации женщины с детьми, беременные женщины, девушки, подвергшиеся домашнему насилию, могут обратиться за квалифицированной психологической, медицинской и юридической помощью. Прежде всего, данные центры способствуют предупреждению тяжких преступлений в отношении мужчин. В данных центрах для женщин, действующих в субъектах Российской Федерации, ежегодно получают помощь около 60 тыс. женщин и более 10 тыс. девочек, подвергшихся насилию [4].

Групповые меры профилактики женской преступности:

1. Создание условий для более активного вовлечения женщин в трудовую деятельность [5,с.26]. Необходимо вводить в программы возможность переквалификации, для того чтобы обеспечить полную занятость женщинам, но для осуществления данных мероприятий данный вид расходов необходимо заложить в федеральный бюджет. Кроме того, в данную программу необходимо включить наличие развивающих кружков, спортивных секций, бесплатных курсов по приобретению профессиональных навыков.

2. Организация культурно-оздоровительных мероприятий органами местного самоуправления или привлечение к коллективным, оплачиваемым, сезонным работам. Данную профилактическую меру необходимо отнести к лицам, проживающим в сельских поселениях, так как постоянно не хватает кадров для общественных работ: уборки территории, проведения субботников, а также отсутствует активность, проживающих граждан, которую необходимо восполнять активистами женского пола. В данном случае государству необходимо выделять финансы на сезонные работы.

Специальные меры направлены конкретно на борьбу с преступностью, которые осуществляют администрация исправительного учреждения, иные правоохранительные и государственные органы, общественные организации. К специальным мерам предупреждения женской преступности необходимо отнести:

1. Оказание помощи женщинам, находящимся в местах лишения свободы или получивших условные наказания, а также освободившихся по условно-досрочному освобождению (далее – УДО). Данная помощь должна быть направлена на исправление, перевоспитание и социальную реабилитацию женщин [6,с.90]. В качестве такой поддержки можно привести Реабилитационный центр «Аврора», находящийся на территории ФКУ ИК-12 УФСИН России по Удмуртской Республике. В данном центре для осужденных создаются условия, приближенные к привычной жизни на свободе. Сотрудники данного центра способствуют адаптации к жизни на свободе женщин, которые освобождаются из мест лишения свободы, осужденным условно и лицам, которые освободились по УДО. Целью данного центра является снижение числа рецидивов. Женщинам, обратившимся в данный центр, оказывается психологическая и юридическая поддержка, также им помогают в трудоустройстве и освоении новых профессиональных навыков. Все услуги абсолютно бесплатны. Женщины, которые освободились из реабилитационного центра и прошли школу подготовки к освобождению в реабилитационном центре, легче адаптируются к жизни на свободе [7].

2. Работа внештатных психологов с лицами женского пола, которые привлекались за мелкие преступления. Данное профилактическое направление способствует выявлению причин совершения

преступления, отношение лица к совершившему противоправному деянию (раскаяние, смирение), выявление личностных индивидуальных характеристик женщины, предупреждение рецидивов.

3. Проведение индивидуальных бесед с сотрудниками правоохранительных органов на работе и сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних в школах, с лицами, склонными к совершению преступлений. В школах данными лицами могут выступать девочки, которые ранее были застигнуты за совершением преступления или непосредственно после его совершения. Сотрудники инспекции при работе с несовершеннолетними должны обладать знаниями психологии и педагогики, а также умением выявлять таких подростков и оказывать им необходимую помощь[8, с.25]. На работе – это женщины, в отношении которых были применены на последнем месте работы дисциплинарные взыскания. В первом случае проблемным аспектом является возможность уклонения от уголовной ответственности в силу малозначительности или в связи с возмещением ущерба. В последующем примере проблемным аспектом можно выделить избежание уголовной ответственности в связи с высоким должностным положением, наличием родственных связей в правоохранительных органах и наличие иных оснований для освобождения от уголовной ответственности.

По нашему мнению, для того чтобы предупреждение женской преступности было эффективным, необходимо:

- взаимодействие общества и правоохранительных органов;
- координация сфер, в которых в основном проявляется преступная активность женщин, а именно, как отмечает В.А. Лелеков, «деятельность правоохранительных органов по профилактике женской преступности должна охватывать такие сферы жизни, в которых происходит формирование негативных черт личности женщины, в которых они наиболее часто совершают преступления, то есть в семейно-бытовой сфере» [9, с.84];
- помощь в социальной адаптации женщинам, отбывавшим наказание в исправительных учреждениях.

Важным условием минимизации женской преступности являются основные профилактические направления и меры предупреждения. Чтобы сократить численность лиц женского пола с алкогольной зависимостью, необходимо:

- в принудительном порядке отправлять на лечение;
- ограничить по времени продажу алкогольной продукции;
- правоохранительные органы должны координировать и пресекать незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции.

Проанализировав монографические и иные научные материалы, мы предлагаем следующие дополнения:

1. Необходимо ограничить доступ к пользованию социальными сетями, а именно – обеспечить вход по паспортным данным, то есть обеспечить контроль действий каждого гражданина в сети Интернет, а также в случае незаконных действий предоставление о правонарушителе всех исходящих данных.
2. В каждом субъекте Российской Федерации муниципальными органами должно быть обеспечено временное убежище для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, – эти убежища могут быть размещены при храмах, медицинских, санаторных учреждениях.
3. Создание групп общественных организаций деятельность, которых будет направлена на помощь одиноким матерям с малолетними детьми, беременным женщинам.
4. Внести изменения в статью 151.1 УК РФ, а именно изложить в следующем виде: «розничная продажа несовершеннолетним, женщинам алкогольной продукции», то есть исключить «неоднократно», достаточно одного раза для привлечения к уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции данным лицам. Следует убрать примечание, а также ужесточить наказание: исключить из нормы штраф, оставить только исправительные работы. За преступления небольшой тяжести в отношении лиц женского пола избирать иные виды наказаний, альтернативные лишению свободы.

Для того чтобы показать особенности профилактических мер в России, нами был проведен сравнительный анализ мер предупредительного воздействия преступности женщин в других странах. Каждая страна предпринимает свои меры по противодействию женской преступности, стараясь свести к минимуму статистические показатели, предупредить национальные и транснациональные преступления, предотвратить рецидивы.

Разберем особенности противодействия женской преступности в Республике Казахстан. В данной стране к особенности противодействия женской преступности относят воздействие на конкретную личность, то есть, преступницу в местах лишения свободы. Эта особенность связана с тем, что с каждой заключенной работники администрации работают индивидуально, а именно оказывают исправительно-воспитательное воздействие конкретно по характеру и расположенности. Данная особенность прослеживается и в Великобритании, где лицам, которые уже освободились из мест лишения свобо-

ды, создают условия для социальной реабилитации, например помогают трудоустроиться. А также отмечено, что структура МВД Великобритании постоянно инвестирует финансы в развитие и открытие новых реабилитационных центров для осужденных женщин. Прежде всего, данные меры направлены на противодействие дальнейшей преступной деятельности и для полной реабилитации женщины по выходу из мест лишения свободы.

Кроме того, имеется еще одна общая приоритетная особенность противодействия преступности в Республике Казахстан и Великобритании – это взаимодействие органов государственной власти, муниципальных организаций, научных работников и общества [10, с.172]. Мы считаем данную особенность целесообразной, так как все они заинтересованы в сведении преступности к низким показателям и способствуют ее противодействию.

За последние два года в Казахстане были проведены реформы, касающиеся структур государственных органов. Правительство Казахстана определило новые направления деятельности правоохранительных органов – это обеспечение присутствия органов полиции в общественных местах, что поможет сократить преступность и правонарушения на улицах, в парках и других общественных местах. Также созданы условия для круглосуточного приема граждан и оказания им помощи, теперь граждане могут взаимодействовать с государственными органами и рассчитывать на постоянную защиту конституционных прав, а также охрану общественного порядка [11, с.71].

Что касается Великобритании, в данной стране тоже есть отличительные особенности противодействия преступности, в первую очередь это касается соблюдения общественного порядка и устранения мелких правонарушений, данным деяниям противодействуют путем установления уличных камер видеонаблюдения, которые способны распознать объект. Наказывая за мелкие правонарушения лиц, нарушающих общественный порядок, органы государственной власти противодействуют совершению более тяжких преступлений, а также способствуют благоприятной обстановке для других граждан. Правоохранительные органы Великобритании, как и множество государств, используют высокотехнологические системы в сфере безопасности, с каждым годом приборы искусственного интеллекта совершенствуют, теперь с помощью них возможно отследить человека по телефону, компьютеру, распознать лицо по камерам, как уже упоминалось ранее. Также, правоохранительные органы Великобритании привлекают граждан к сотрудничеству, например дежурству в наиболее опасных местностях, общественным помощникам даже выдают форменное обмундирование полицейского. Кроме того, правоохранительные органы рекомендуют и гражданам обезопасить себя и собственность. Например, от таких преступлений как кража, грабеж в домах устанавливают окна и двери с электронными системами безопасности, к таким системам можно отнести видеонаблюдение - камеры. Данные приборы и высокоэффективные технологии содействуют быстрому раскрытию преступлений, собиранию вещественных доказательств, повышают вероятность привлечения к ответственности лица причастного к данному преступлению.

В Соединенных Штатах Америки существует Специальное бюро по правосудию Министерства юстиции США [12, с.50.]. Деятельность данного органа направлена на противодействие и предупреждение преступности, а также на защиту свидетелей, жертв и других участников судопроизводства. По результатам данных сведений за последние пять лет получили распространения киберпреступления, в том числе, которые совершают и женщины. Данный вид охватывает большой спектр деяний, куда входят кража, вымогательство, мошенничество в цифровом пространстве, распространение порнографических материалов, продажа оружия и наркотических средств. Еще одной важной особенностью в США можно выделить то, что общественность заинтересована в противодействии преступности и активно этому способствует – самостоятельно сообщают о намерении совершения преступления или о подозрении на совершение преступления, за это даже предусмотрено вознаграждение [13, с.102].

Необходимо отметить, что в некоторых штатах США, как и в Китае, за тяжкие преступления к женщинам разрешается применять в качестве наказания смертную казнь. Для многих демократических стран данная особенность считается жестокой, но это наказание не имеет массового характер, но оказывает огромное влияние на саму преступницу – заставляет задуматься о совершенном деянии и покаяться, для других женщин – это более показательный процесс и возможность исправления своего положения в преступном мире.

Китай – страна, которая всегда стремиться победить преступность, особенности противодействия заключаются в жестоких ограничениях и применении суровых мер уголовного законодательства, даже за мелкие правонарушения граждане КНР получают строгие наказания. Ужесточение уголовно-наказательной политики показывает свою эффективность на протяжении столетий, это приводит к снижению уровня преступности в республике. Также Китай не собирается в ближайшее время отказываться от высшей меры наказания – смертной казни.

В Германии противодействие женской преступности возлагают на государственные органы, так как считают, что это входит в их профессиональные обязанности. Кроме того, ежегодно проводятся занятия по самообороне, в данном случае этому феномену способствует Правительство страны, для

того чтобы граждане в чрезвычайной ситуации могли самостоятельно оказать сопротивление на противоправное деяние до приезда сотрудников полиции.

Японскими исследователями доказано, что взаимоотношение между матерью и ребенком способствует сдерживанию преступного поведения среди женщин и детей. Но противодействие преступности, как и в иных странах, в большей мере лежит на японских полицейских, которых распределяют по местностям и участкам, где они ежедневно дежурят, выполняют профилактические меры, проводят индивидуальные воспитательные работы с гражданами, нарушившими правопорядок, а также патрулируют по территории для выявления нарушителей [14, с.42]. Поэтому сотрудниками государственных органов Японии уделяется особое внимание правосознанию несовершеннолетних, с ними проводят спортивные секции, профилактические беседы.

Проанализировав особенности противодействия женской преступности в России и зарубежных странах, мы приходим к выводу, что правоохранительные органы любого государства способствуют сохранению правопорядка и не допускают повторного совершения преступлений. Также, большое значение имеет общество, содействующее государственным органам, которое активно выражает свою гражданскую позицию и способствует противодействию преступности, в том числе и женской. Мы также полагаем, что систем мер профилактики женской преступности в России может быть более эффективна, если в современный период увеличить внимание правоохранительных органов и государства на реализацию специальных мер предупреждения.

Список источников

1. Афанасьева О.Р., Гончаров М.В., Шиян В.И. Криминология и предупреждение преступлений: учебник. М.: Юрайт, 2021.
2. Решетников А.Ю., Афанасьева О.Р. Криминология и предупреждение преступлений: учебное пособие. М.: Юрайт, 2020.
3. Максяшев А.А. Профилактика женской преступности в Российской Федерации // Вестник государственного университета. 2020. №4(36).
4. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 N 410-р // Консультант Плюс
5. Богданова К.Е. Женская преступность и ее предупреждение в России // Молодой ученый. 2021. № 33(375).
6. Майстренко Г.А. Особенности предупреждения правонарушений в отношении женщин, освободившихся из мест лишения свободы // Закон и право. 2021. №4.
7. О фонде помощи заключенным // Центр Аврора. URL: http://helppris.ru/centr-avrora (дата обращения: 13.08.2022).
8. Сарпионова Д.В., Баженов Л.А. Меры предупреждения женской преступности // Отечественная юриспруденция. 2020. № 3 (47).
9. Пимакова О.Г. Меры предупреждения женской преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22).
10. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в 21 веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. №2(40).
11. Джиембаев Р.К., Салкебаев Т.С. Организационные и правовые аспекты государственной деятельности по охране общественного порядка в Республике Казахстан: возможности и перспективы // Вестник ин-та зак-ва и правов. инфор. Респуб.Казахстан. 2022. №1(68).
12. Осмоналиев К.М. Сравнительно-правовые подходы к реализации криминологических концепций предупреждения преступности в зарубежных странах // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 2.
13. Крылова Н.Е., Малешина А.В., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учеб. пособие. Москва: Статут, 2019.
14. Гендерная криминология: понятие, структура, содержание / Т.П. Афонченко [и др.]. Минск, 2020.

References

1. Afanasyeva O.R., Goncharov M.V., Shiyan V.I. Criminology and crime prevention: textbook. M., 2021 (In Russ.)
2. Reshetnikov A.Yu., Afanasyeva O.R. Criminology and crime prevention: textbook. M.: Yurayt, 2020 (In Russ.)
3. Maksyashev A.A. Prevention of women's crime in the Russian Federation. *Bulletin of State University*. 2020. No. 4(36). (In Russ.)
4. On the approval of the National Strategy of Action in the interests of Women for 2017-2022: Decree of the Government of the Russian Federation of 08.03.2017 N 410-r. Access from the reference legal system "Consultant Plus".

5. Bogdanova K.E. Women's crime and its prevention in Russia. *Young scientist.* 2021. No. 33(375).
6. Maistrenko G.A. Features of the prevention of offenses against women released from prison. Law and Right. 2021. No. 4. (In Russ.)
7. On the fund for helping prisoners // Aurora Center. URL: http://helppris.ru/centr-avrora (date of access: 08/13/2022).
8. Sarpionova D.V., Bazhenov L.A. Measures to prevent female crime. *Domestic jurisprudence*. 2020. No. 3 (47). (In Russ.)
9. Pimakova O.G. Measures to prevent female crime. *Law order: history, theory, practice*. 2019. No. 3 (22). (In Russ.)
10. Shalagin A.E., Idiyatullov A.D. Foreign experience of crime prevention in the 21st century. *Bulletin of the Kazansky yur. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 2 (40). (In Russ.)
11. Dzhiembaev R.K., Salkebaev T.S. Organizational and legal aspects of state activities for the protection of public order in the Republic of Kazakhstan: opportunities and prospects. *Bulletin of the Institute of Law and Law. inf. Republic of Kazakhstan*. 2022. No. 1 (68). (In Russ.)
12. Osmonaliev K.M. Comparative legal approaches to the implementation of criminological concepts of crime prevention in foreign countries. *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law*. 2019. No. 2. (In Russ.)
13. Krylova N.E., Maleshina A.V., Serebrennikova A.V. Criminal law of foreign countries (Special part). Moscow: Statute, 2019. (In Russ.)
14. Gender criminology: concept, structure, content / T.P. Afonchenko [et al.]. Minsk, 2020. (In Russ.)

Информация об авторах

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент
Е.В. Собакарева – научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела

Information about the authors

I. A. Sementsova – Candidate of Law, Associate Professor
E. V. Sobakareva – Research Associate of the Research and Editorial and Publishing Department

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022. The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022

Научная статья
УДК 343.91

Вопросы формирования личности преступника и типичные признаки современного преступника

© Е.В. Серегина, А.П. Ярошенко, 2022

Елена Владимировна Серегина [1], Анна Павловна Ярошенко [2]
[1,2] Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия
[1] seregina51@mail.ru
[2] ayaroshenko98@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из основных и в то же время сложных проблем криминологии – личность преступника. Основываясь на системном знании о личности преступника, авторами выделены криминологические аспекты понятия, свойств и признаков личности преступника, проанализированы вопросы, касающиеся процессов формирования, уточнен механизм влияния на преступное поведение, изучены индивидуальные личностные характеристики преступников. В результате выявлены наиболее распространенные черты, присущие современному преступнику, что значимо в комплексе мероприятий, направленных на формирование рекомендаций организационного характера по повышению эффективности индивидуальных мер профилактического воздействия.

Ключевые слова: личность преступника, механизм формирования, преступное поведение, типичные признаки, преступность, насильственный преступник, несовершеннолетний преступник, профилактика, предупреждение

Для цитирования: Серегина Е.В., Ярошенко А.П. Вопросы формирования личности преступника и типичные признаки современного преступника // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С. 112-117

Original article

Issues of the formation of the criminal's personality and typical signs of a modern criminal

© E.V. Seregina, A.P. Yaroshenko, 2022

Elena V. Seregina,[1] Anna P. Yaroshenko[2]
[1,2] Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia
[1] seregina51@mail.ru
[2] ayaroshenko98@mail.ru

Abstract. This article examines one of the main and at the same time complex problems of criminology – the identity of the criminal. Based on the systematic knowledge of the criminal's personality, the authors identify criminological aspects of the concept, properties and characteristics of the criminal's personality, analyze issues related to the formation processes, clarify the mechanism of influence on criminal behavior, study the individual personality characteristics of criminals. As a result, the most common features inherent in a modern criminal are identified, which is significant in the complex of measures aimed at forming organizational recommendations to improve the effectiveness of individual preventive measures.

Keywords: identity of the criminal, mechanism of formation, criminal behavior, typical signs, criminality, violent offender, juvenile offender, prevention

For citation: Seregina E.V., Yaroshenko A.P. Issues of the formation of the criminal's personality and typical signs of a modern criminal. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 112-117 (In Russ.)

Профилактика преступности может быть эффективной только в том случае, если внимание исследователей будет сосредоточено на личности преступника, так как именно личность является носителем причин, предопределяющих воспроизводство преступности, важнейшим звеном в механизме индивидуального преступного поведения. Собственно, поэтому и необходимо получать и применять специальные знания в области теории личности преступника. Задача данной теории состоит в выявлении таких особенностей личности, которые обуславливают преступное поведение, их последующей систематизации в целях дальнейшего использования при разработке индивидуальных мер профилактического воздействия. Данная проблема одна из приоритетных и в то же время сложных в криминологической науке, основным направлением которой является изучение процессов формирования лич-

ности преступника, определение влияния разного рода причин на возникновение его криминальных черт.

Успешное решение вопросов о сущности личности преступника, распознавания признаков, отличающих его от непреступной личности, установления его роли в совершении преступления, определения профилактических мер воздействия на индивидуальное преступное поведение, зависит от конкретных социально-исторических условий, уровня развития научной мысли и потребностей правоприменительной практики. К сожалению, успехи криминологии в этой области знаний не всегда применялись на практике. В настоящее время результаты изучения личности преступника приобрели особую актуальность для науки и практической деятельности и могут быть использованы при проведении мероприятий, направленных на стабилизацию криминальной ситуации, противодействие преступности и обеспечение общественного порядка. Именно от выбора наиболее оптимальных направлений исследования процессов формирования личности преступника, механизма влияния на преступное поведение зависит эффективность реализации мероприятий по профилактике преступности.

Стоит отметить, что вплоть до XIX века личность преступника не выделялась в качестве самостоятельного объекта исследования, учеными предпринимались лишь отдаленные попытки рассмотрения различных аспектов того, что сегодня называется «личность преступника». По мере накопления информации о лице, нарушившем закон, появлялось много новых вопросов, в том числе значимых для конкретного исторического этапа, связанных с представлением о типичных признаках преступника. Итогом длительного становления и развития учения о личности преступника в зарубежной и отечественной криминологии стало сочетание социального и биологического начал, с признанием при формировании криминогенной личности приоритетности социальной обусловленности и при необходимости учета биологических характеристик.

Термин «личность» относится к базовой категории психологического знания, поэтому при изучении преступной личности ученые обращаются к положениям данной науки, на них строятся криминологические концепции о личности преступника. Под личностью в психологии понимается совокупность устойчивых психологических характеристик человека, составляющих его индивидуальность. В криминологическом аспекте личность преступника более широкий и разносторонний механизм, содержащий в себе отдельную систему социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаков, обуславливающих преступное поведение.

Личность преступника исследуется криминологами на нескольких этапах формирования: до – в момент – после совершения преступления. Формирование личности преступника рассматривается в криминологии как результат «дефективной социализации», иначе называемой криминализацией личности – процесса наделения человека совокупностью криминальных качеств и черт [1, с. 110].

Процесс развития человека длится в течение всей его жизни, однако имеются наиболее сензитивные периоды возникновения значимых личностных качеств и свойств. В криминологической науке, на основе знаний, выработанных в курсе возрастной психологии, принято выделять два наиболее значимых этапа в процессе формирования личности: первичный, в течение которого происходит социализация ребенка, и промежуточный (вторичный) – период от семнадцати до двадцати пяти лет (переход от юношеского возраста к ранней зрелости) [2, с. 156].

Особенно важную роль в эволюции личности играет первичная социализация – период, который начинается с детства. В этот период наибольшее влияние на развитие ребенка оказывает семья. Современные ученые считают, что в процессе становлении личности преступника особая роль отводится семейному неблагополучию. Ребенок усваивает основные образцы поведения, характерные реакции на внешние раздражители. При этом существует прямо пропорциональная зависимость между частотой восприятия ребенком противоправного поведения и последующей вероятностью совершения им общественно опасных деяний, а также между возрастом первичного опыта восприятия такого поведения (чем меньше ребенку лет и чем чаще он видит противоправное поведение, тем больше вероятность, что он сам совершит преступление в будущем) [3, с. 138].

При этом специалисты подчеркивают, что на процесс социализации ребенка в родительской семье в наибольшей степени влияют не социально-демографические характеристики, а психологическое воздействие, которое оказывают взрослые на детей, например, отсутствие в семье отца или его аморальное поведение не всегда порождает криминогенную личность. Зачастую в семьях при одном и том же воспитании, одном и том же уровне достатка, формируется как законопослушная личность, так и склонная к девиантному поведению. Нередки случаи, когда ребенок из внешне благополучной семьи совершает общественно опасное деяние. Данное обстоятельство может быть связано с тем, что такой ребенок, выросший в атмосфере эмоционального голода, сам, с одной стороны, имеет низкий эмпатический уровень, а с другой – стремясь восполнить как-то депривацию родительского общения, ищет признания в группах сверстников (не лучшего поведения). С целью самоутверждения в такой группе такой ребенок и совершает общественно опасное деяние [4, с. 44].

Процесс становления личности преступника после первичной социализации в родительской семье продолжается в неформальных группах сверстников, которые могут носить антиобщественный характер. Такие группы формируют типичные ответные реакции на внешние раздражители, оказывают существенное влияние на мировоззрение, установки, ценностные ориентации и привычки личности несовершеннолетнего. Большинство насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, обусловлено импульсивной агрессивностью, психическим заражением в условиях криминальной группы.

Личность преступника формируется не только под влиянием семьи и группы сверстников, но и под воздействием внешних причин, которые могут воздействовать как непосредственно на личность, так и опосредованно через изменение среды, и субъективное их восприятие личностью. К таким факторам прежде всего относятся негативные процессы, происходящие в современном обществе, а именно: кризисные явления в экономике, социально-экономическая дифференциация, безработица, правовой нигилизм, морально-нравственная деградация и т.д. Мощным стресс-фактором, оказывающим влияние на психическое состояние личности, являются средства массовой информации и информационно-коммуникационная сеть Интернет. Данные обстоятельства способствуют формированию тревожности, негативно влияющей на развитие личности.

Итак, становлению личности преступника способствуют разнообразные факторы: внешние – объективные проявления окружающей среды в отношении человека и внутренние – отражающие психическую и интеллектуальную деятельность личности по осознанию, осмыслению внешней социальной действительности, формированию мировоззрения.

Личность можно считать сложившейся не тогда, когда она сформируется биологически, а лишь тогда, когда она будет способна брать ответственность за принятие решения и адекватно контролировать свои поступки [5, с. 3]. Безусловно, формированию личности преступника способствуют биологические предпосылки, однако они носят характер условий, обуславливающих преступное поведение, а не его причин. В подтверждении того, что биологические факторы могут сами по себе приводить к преступному поведению, что предрасположенность к такому поведению биологически детерминирована и может передаваться по наследству, часто приводятся данные о том, что среди лиц, совершивших преступление, немало страдающих психическими расстройствами и искажающих процесс социализации личности.

Психопатия является одним из факторов, способствующих совершению насильственных преступлений. Часто психические аномалии наблюдаются у женщин и несовершеннолетних лиц с девиантным поведением. Аномалии психики и психические заболевания могут способствовать повышению агрессивности, снижению волевого контроля за эмоциональным фоном и когнитивных свойств, отвечающих за прогнозирование действий лица и их последствий, обуславливают специфику восприятия окружающей среды и формы поведения.

Ученые отмечают, что аномалии психики не являются исключительно причиной совершения преступлений. Аномалии психики сами по себе не криминогенны, они «работают» только в сочетании с неблагоприятными условиями формирования личности, которые порождают ее преступные черты. Такие аномалии могут способствовать их возникновению и развитию, как и самому противоправному поведению, но лишь в качестве условия, не определяющего содержания этих черт [6, с. 81].

Итак, при исследовании механизма формирования личности преступника следует основываться на том, что он является лишь одним из элементов всего механизма индивидуального преступного поведения. В свою очередь, данный механизм выступает в качестве конкретного жизненного проявления преступности как явления. С помощью такой категории как личность преступника возможно осуществить комплексный анализ данного общественно опасного явления, его динамику и прогнозировать неблагоприятные последствия, при этом четкое определение понятия личности преступника способно повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по сбору и обработке информации о конкретном лице, совершившем преступление [7, с. 79].

Исследование общих представлений о лице, совершившем преступление, позволяет сделать вывод о том, что личность преступника – это сочетание индивидных свойств человека, отражающих совокупность негативных социально значимых признаков, причем совокупность с критической массой, влияющих в сочетании с внешними обстоятельствами на характер преступного поведения. Понятие личности преступника используется как универсальный инструмент для анализа конкретных лиц, обладающих повышенной криминогенной опасностью для общества, в целях выявления возможных форм и способов индивидуального профилактического воздействия на них.

В условиях современности личность преступника претерпела серьезные изменения, связанные с такими характеристиками как пол (увеличивается доля женской преступности), возраст (происходит существенное омоложение личности преступника), уровень образования (он становится выше, а соответственно и преступления гораздо тщательнее продумываются). В значительной мере возросло количество преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями, наметилась негативная

тенденция к увеличению числа женщин и несовершеннолетних, совершающих насильственные преступления.

В настоящее время к наиболее проблематичной и вызывающей серьезную обеспокоенность общества относится насильственная преступность. Резко обострившиеся в современных условиях межнациональные противоречия, эскалация конфликта с Западом, возрождение нацизма и усиление русофобии, введение экономических санкций, финансовая нестабильность, повышение уровня напряженности и озлобленности, детерминируют преступное насилие. Проявления насилия в современном обществе беспредельны и многолики и охватывают разнообразные сферы – от насилия в отношении отдельного человека до насилия в межгосударственных масштабах.

Эффективность предупреждения насильственной преступности напрямую зависит от изучения личности насильственного преступника. Традиционно совершение насильственных преступлений характерно для мужчин, так как они в большей мере, чем женщины, ориентированы на агрессивность и жестокость, обладают более широким комплексом отрицательных привычек, чаще оказываются в конфликтных ситуациях, грозящих разрешением с помощью криминальных способов. Но, несмотря на «небольшой вклад» женщин в насильственную преступность, в последнее время отмечается рост уровня женской агрессии. Для женщин стали характерны дерзкие, циничные и жестокие преступления, которые систематически дополняются новыми, ранее не известными видами противоправных деяний [8, с. 5].

Насильственные преступления совершаются в любом возрасте. Однако возрастная структура преступников зависит от характера и содержания посягательства, а также от половой принадлежности. Как показывают исследования, наибольшая доля криминальной активности приходится на возрастную группу 30-49 лет – 55,2%, от 18 до 24 лет – 10,3%, от 25 до 29 лет – 12,3%, от 55 и старше – 19% [9, с. 85]. Коэффициент криминогенности женщин наиболее высок в возрасте 25-29 лет, в возрастной группе 30-49 лет намечается его снижение, а в возрасте свыше 50 лет идет спад криминальной активности женщин. Однако следует отметить, что современная женская преступность в России постепенно «молодеет» и уверенно увеличивает свои масштабы [10, с. 67].

Опасение вызывает состояние преступности несовершеннолетних. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, несовершеннолетние совершают или участвуют в совершении более чем 40000 преступлений [11]. При том что количественные показатели преступлений, совершаемых несовершеннолетними в последние годы, имеют устойчивую тенденцию к снижению, изменяется их качественная структура в сторону увеличения деяний, которые сопровождаются необоснованной жестокостью и интенсивной криминализацией этой группы населения. Весьма затруднительно найти рациональную основу проявления жестокости несовершеннолетних, так как в ней не может быть никаких закономерностей. Особую тревогу вызывает возросшее количество в структуре преступности несовершеннолетних тяжких и особо тяжких преступлений.

Меры, направленные на предупреждение насильственной преступности, необходимо разрабатывать с учетом такого признака личности как образование. Криминальное насилие неразрывно связано с низкой культурой населения в целом и пробелами в интеллектуальном развитии преступников, что не всегда обусловлено уровнем их образования. Образовательный уровень насильственных преступников почти не уступает уровню образования не только населения в целом, но и всего контингента лиц, совершающих преступления. В современных условиях насильственные преступления могут совершать как лица с высшим образованием, так и не имеющие его. Согласно данным исследователей, образовательный уровень насильственного преступника является средним в 91% случаев [9, с. 95].

Лица, совершающие насильственные преступления, обладают негативными стереотипами и привычками поведения. Среди них особую роль играет нахождение виновных в момент совершения преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Значительная часть насильственных преступников страдает алкогольной и наркотической зависимостью. Так, в 2021 году было предварительно расследовано 54302 тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения [11].

Анализ существующих в специальной литературе точек зрения на нравственно-психологический облик преступников, совершающих насильственные преступления, позволяет выделить следующие черты их характера: грубость, нередко переходящая в жестокость, цинизм, неуважение и потребительское отношение к людям, эгоцентризм. Данные черты свидетельствуют о глубокой личностной деформации, крайне пониженном социальном самоконтроле, неспособности сдерживать первое агрессивное побуждение, сформированности устойчивой установки на агрессивное поведение и постоянную готовность причинять боль. В среде насильственных преступников высока доля лиц, имеющих психическое расстройство в рамках вменяемости.

Нравственно-психологическая характеристика несовершеннолетних правонарушителей значительно отличается от взрослых преступников по целому ряду параметров. К типичным

признакам личности несовершеннолетнего преступника относятся: правовой нигилизм, выражающийся в недостаточном осознании, пренебрежении к моральным и юридическим нормам, отсутствие чувства ответственности за совершаемые ими действия; извращенное понимание социально одобряемых ценностей; повышенный интерес и направленность на получение быстрого удовлетворения потребностей любыми, в том числе противоправными способами; потребность в ситуациях, которые эмоционально возбуждают, стремление к риску; ограниченный круг социальных интересов; негативизм и обостренное чувство независимости, отчуждение от социума; повышенный эгоизм, некритичность, неумение адекватно оценивать себя и свои притязания, жизненные обстоятельства; пониженная способность прогнозировать последствия (социальные и юридические), совершаемых действий; уменьшенная способность сопереживать, жестокость, пренебрежение к интересам окружающих.

Изучение механизма формирования личности преступника имеет приоритетное значение для современной криминологии. Совершенствование данной проблемы значимо в комплексе мероприятий, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым отельными категориями преступников, которым свойственны ярко выраженные криминальные черты. Личность современного преступника обладает целым рядом типичных социально-демографических и нравственно-психологических признаков. Эти признаки и особенности личности преступника определяют специфику его преступного поведения, которое во многом зависит от того, в какой жизненной ситуации оно демонстрируется. Изучение криминальных черт личности направлено на повышение эффективности мер по предупреждению преступлений, разработке комплексных мер воздействия на личность и мер индивидуальной профилактики на основе прогнозирования индивидуального преступного поведения личности.

Список источников

1. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. №1(50).
2. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022. 800 с.
3. Косарев В.Н. К вопросу о формировании личности преступника // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №1.
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование. М.: Инфра-М, 2010. 368 с.
5. Магомедов Д.Д., Гитинова М.М. Исследование биологических и социальных факторов, влияющих на формирование личности преступника // Системные технологии. 2014. №10.
6. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: диссертация … д.ю.н. М., 2003.
7. Девятова А.О. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика // Отечественная юриспруденция. 2018. №7(32).
8. Кунц Е.В. Преступность среди женщин в современной России. М.: Юрлитинформ, 2009. 264 с.
9. Кириллов С.И., Кривошеев С.В. Некоторые особенности личности лиц, совершающих преступления против жизни // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №5.
10. Середа Е.В. Теоретические и прикладные проблемы применения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин и их социальная реабилитация: Дис. … д.ю.н. М., 2011. 324 с.
11. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: официальный сайт // URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 18.07.2022).

References

1. Eminov V.E., Antonyan Yu.M. The identity of the criminal and its formation. *Actual problems of Russian law*. 2015. No1(50). (In. Russ).
2. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. 5th ed., reprint. and additional. M.: INFRA-M, 2022. 800 p. (In. Russ).
3. Kosarev V.N. On the question of the formation of the criminal's personality. *Problems of economics and legal practice*. 2009. No. 1. (In. Russ).
4. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Criminal identity: criminological and psychological research. M., 2010.
5. Kurguzkina E.B. Criminal personality theory and problems of individual crime prevention: dissertation ... Doctor of Law. Moscow, 2003.
6. Magomedov D.D., Gitinova M.M. Research of biological and social factors influencing the formation of the criminal's personality. *System technologies*. 2014. No. 10. (In. Russ).
7. Devyatova A.O. Criminal identity: concept and criminological characteristics. *Domestic jurisprudence.* 2018. No7(32). (In. Russ).
8. Kunts E.V. Crime among women in modern Russia. Moscow: Yurlitinform, 2009. 264 p. (In. Russ).

9. Kirillov S.I., Krivosheev S.V. Some personality features of persons committing crimes against life. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2021. No. 5. (In. Russ).

10. Sereda E.V. Theoretical and applied problems of the use of punishment in the form of deprivation of liberty against women and their social rehabilitation: Dissertation ... Doctor of Law. M., 2011. 324 p.

11. Information and analytical portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website. URL: http://crimestat.ru / (accessed: 07/18/2022).

Информация об авторах
Е.В. Серегина – кандидат юридических наук, доцент
А.П. Ярошенко – магистрант

Information about the authors
E.V. Seregina – Candidate of Law, Associate Professor
A.P. Yaroshenko – Master's student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Судебная деятельность

Научная статья
УДК 34.347

Анализ некоторых новелл Федерального закона «Об исполнительном производстве»

© Т. Ю. Кулик, 2022

Татьяна Юрьевна Кулик
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия. rostnev@bk.ru

Аннотация. Среди многих институтов процессуального права, правовое регулирование которых подразумевает необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов, особое место занимает исполнительное производство. Эффективная защита права была бы невозможной, не будь она обеспечена силой государственного принуждения. Однако совершение исполнительных действий должно быть направлено не только на удовлетворение интересов взыскателей, но и на соблюдение прав должника. Только такой подход отвечает принципам разумности и справедливости, которые, хотя и присущи больше частно-правовым отношениям, но и в публичных также имеют большое значение. В последние годы в законодательство об исполнительном производстве внесены существенные изменения, позволяющие достичь такого баланса. В статье анализируются новые нормы статьи 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Ключевые слова: исполнительное производство, исполнительные действия, меры принудительного исполнения, обращение взыскания, исполнительский иммунитет

Для цитирования: Кулик Т.Ю. Анализ некоторых новелл Федерального закона «Об исполнительном производстве» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С.117-121

Original article

Analysis of some novelties of the Federal Law «On Enforcement Proceedings»

Tatyana Yu. Kulik
South Russia Institute of Administration – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, Russia. rostnev@bk.ru

Abstract. Among the many institutions of procedural law, the legal regulation of which implies the need to maintain a balance of private and public interests, a special place is occupied by enforcement proceedings. Effective protection of the law would be impossible if it were not provided by the power of state coercion. However, enforcement actions should be aimed not only at satisfying the interests of claimants, but also at observing the rights of the debtor. Only such an approach meets the principles of reasonableness and justice, which, although more inherent in private law relations, are also of great importance in public ones. In recent years, significant changes have been made to the legislation on enforcement proceedings to achieve such a balance. The article analyzes the new norms of Article 69 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings".

Keywords: enforcement proceedings, executive actions, enforcement measures, foreclosure, executive immunity

For citation: Kulik T.Yu. Analysis of some novelties of the Federal Law «On Enforcement Proceedings». *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 117-121 (In Russ.)

Возможность исполнения судебного акта или постановления иного органа всегда была гарантией надлежащей защиты нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций. Это гарантированная Конституцией РФ возможность, реализация которой предусмотрена в действующих процессуальных кодексах, а также целом ряде законов. Несмотря на непрекращающиеся споры относительно места исполнительного производства в процессуальных отношениях (является ли оно самостоятельной стадией процесса или не относится к процессуальным отношениям), все ученые признают важность этого этапа, подчеркивая, что без него эффективность защиты, в т.ч. судебной, права была бы неполной.

Как показывают статистические данные, предоставленные Федеральной службой судебных приставов (далее – ФССП), в последние годы наблюдается стабильный рост количества исполнительных производств (Рисунок 1) [1].

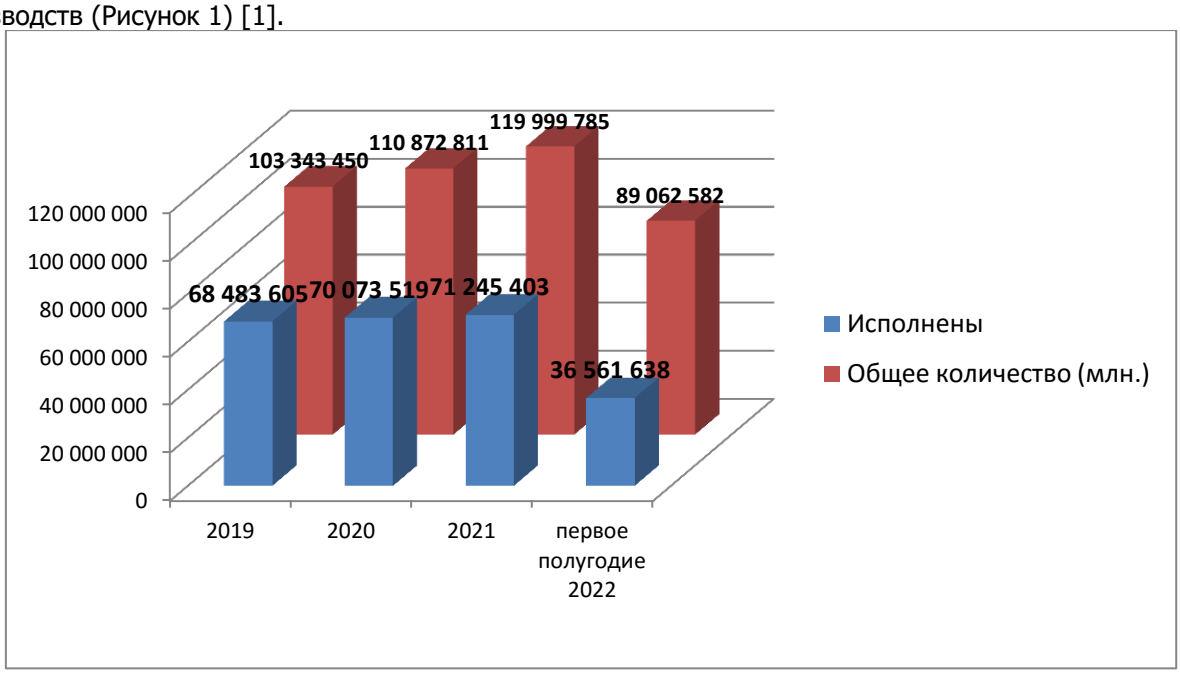


Рисунок 1. Количество исполнительных производств по данным ФССП РФ

Традиционно теоретическое обоснование тех или иных исполнительных действий велось с учетом максимально возможной реализации своих прав взыскателем. Конечно, определенный баланс прав взыскателя и должника был законодательно закреплен и реализован в законодательстве об исполнительном производстве с момента его принятия. Однако только в последние годы акцент стал смещаться в сторону защиты прав добросовестных должников, чьи права могут пострадать в резуль-

тате совершения исполнительных действий. К сожалению, не всегда должник является добросовестным. По сути, если исполнительный документ передан судебным приставам-исполнителям, говорить о добросовестности должника (т.е. о добровольном исполнении) можно лишь в незначительном количестве случаев. Поэтому важно отграничивать, в каком случае возможно реализовать те льготы, которые представлены Закона об исполнительном производстве.

С 1 февраля 2022 года вступили в силу нормы Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (далее – Закон об исполнительном производстве), согласно которым обращение взыскания на суммы ежемесячной заработной платы и иных доходов, превышающие прожиточный минимум, невозможно (часть 5.1 и 5.2 ст. 69 Закона об исполнительном производстве). Эта норма является принципиальной новеллой законодательства об исполнительном производстве, которая призвана обеспечить защиту прав должников. Напомним, что общим правилом, определяющим размер удержания из заработной платы и иных доходов должника, является возможность удержания до пятидесяти, а в исключительных случаях (к ним закон относит при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда в связи со смертью кормильца и возмещении ущерба, причиненного преступлением) – до семидесяти процентов от указанных доходов (ст. 99 Закона об исполнительном производстве). Для подачи заявления необязательно лично являться в службу судебных приставов или направлять заявление по почте. Достаточно обратиться через Госуслуги (сервис "Цифровое исполнительное производство", выбрав пункт "Сохранить прожиточный минимум").

Указанная норма распространяется исключительно на должника-гражданина. При этом основным критерием, исходя из которого определяется размер денежных средств, на которые не допускается обращение взыскания, является прожиточный минимум, который установлен в отношении трудоспособного населения. Размер прожиточного минимума по Российской Федерации определяется Правительством РФ, по субъектам Российской Федерации – исполнительным органом соответствующего субъекта РФ. При этом сумма, на которую будет распространяться исполнительский иммунитет, будет определена с учетом того, какой прожиточный минимум больше. Например, на 2022 год величина прожиточного минимума в Ростовской области на 2022 год для трудоспособного населения – 14 263 рубля [2]. По Российской Федерации для трудоспособного населения – 15 172 рублей (с 1 июня 2022 года). Таким образом, поскольку прожиточный минимум, установленный на уровне Российской Федерации, больше, то исполнительский иммунитет будет распространяться именно на сумму прожиточного минимума по Российской Федерации. Такая же сумма ежемесячно причитается иждивенцам должника, при их наличии.

Необходимо отметить, что возможность исключить определенную денежную сумму – это право должника, которое может быть реализовано только путем подачи соответствующего заявления. В то же время Закон об исполнительном производстве позволяет говорить о том, что для судебного пристава-исполнителя или суда это – тоже право. Это означает, что при удовлетворении соответствующего заявления судебный пристав-исполнитель или суд должны проверить все представленные данные. Так, у должника может быть в собственности дорогостоящее имущество, на которое можно обратить взыскание, или денежные средства на банковских счетах. В этом случае целесообразность удовлетворения заявления о сохранении прожиточного минимума не соответствует ни принципам разумности и справедливости, ни интересам взыскателя.

Заявление может быть подано и в банк, и иную кредитную организацию, исполняющую требование судебного пристава-исполнителя по исполнительному производству (ст. 99 Закона об исполнительном производстве). В случае когда у должника отсутствуют иждивенцы, заявление возможно подать непосредственно судебному приставу-исполнителю, который ведет исполнительное производство, если иждивенцы имеются, заявление сохранении доходов в размере, превышающем прожиточный минимум, необходимо подавать в суд (в Государственную Думу РФ внесен Проект Федерального закона № 171683-8, которым эту процедуру предлагается упростить и закрепить возможность обращения должника с соответствующим заявлением в организацию или иное лицо, выплачивающее должнику заработную плату, пенсию, стипендию и иные периодические платежи и исполняющие содержащиеся в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств; однако при наличии иждивенцев должнику все равно придется обращаться в суд).

Законодатель, уточнив, что заявление о сохранении доходов в отношении самого должника-гражданина должно быть подано тому судебному приставу-исполнителю, который ведет исполнительное производство, ничего не говорит по поводу определения суда, в который должен с аналогичным заявлением обращаться должник, у которого имеются иждивенцы. Решение вопроса о том, каким именно судом будет рассмотрено конкретное дело, осуществляется с применением правил подсудности. Конституционный Суд Российской Федерации особо отметил, что «несоблюдение установленной федеральным законодателем подсудности дел нарушает конституционное предписание о законном суде, а через это – и само право на судебную защиту; рассмотрение дела вопреки правилам о подсуд-

ности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, по смыслу ст. ст. 46 и 47 Конституции Российской Федерации, не является законным судом, принятые же в результате такого рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы» [3]. Соблюдение подсудности гражданского дела является «одним из условий возникновения и развития единого сложного гражданского процессуального правоотношения, поскольку оно возникает только после того, как было реализовано право на предъявление иска (заявления)» [4, с. 9].

При определении компетентного суда необходимо принимать во внимание следующие положения. Исполнительный документ, на основании которого возбуждается исполнительное производство, не всегда подлежит исполнению по месту нахождения суда, который принял судебный акт. Исполнительные действия могут совершаться, как предусматривает ст. 33 Закона об исполнительном производстве, не только по месту жительства или месту пребывания должника-гражданина, но и по месту нахождения его имущества. При несовпадении территорий, в пределах которой возбуждено исполнительное производство и в пределах которой необходимо совершить исполнительные действия, их совершение может быть поручено соответствующему судебному приставу-исполнителю. Кроме того, в предусмотренных законом случаях (ч. 7 ст. 33 Закона об исполнительном производстве), судебный пристав-исполнитель может передать исполнительное производство в целом в другое подразделение службы судебных приставов. Предусматривая эти случаи, законодатель руководствуется, в первую очередь, необходимостью обеспечить исполнимость судебного акта или постановления иного органа и максимально удовлетворить требование взыскателя.

Вместе с тем, законодатель привязывает возможность подачи заявления о сохранении доходов в отношении самого должника-гражданина только тому судебному приставу-исполнителю, который будет вести исполнительное производство в целом, а не совершать отдельные исполнительные действия. Следовательно, можно предположить, что обращение с заявлением о сохранении доходов, необходимых на содержание иждивенцев должника-гражданина, осуществляется в суд, компетенция которого распространяется на территорию, где осуществляется исполнение. Подтверждает это предположение и тот факт, что в случае нарушения судебным приставом-исполнителем прав сторон исполнительного производства или третьих лиц, обжаловать его действия по общему правилу необходимо будет в суде по месту нахождения службы судебных приставов (ст. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ).

Принимая во внимание, что должник-гражданин не всегда правильно может определить компетентный суд, целесообразно прямо закрепить, в части 5.2 ст. 69 Закона об исполнительном производстве порядок определения компетентного суда. Более того, неправильное определение суда, которому подлежит рассматривать указанное заявление, может иметь неблагоприятные процессуальные последствия, вплоть до возвращения заявления. Не менее интересным вопросом является вид судопроизводства, в порядке которого дело будет рассматриваться. В настоящее время ни один процессуальный кодекс ответа на этот вопрос не содержит. Представляется, что этот вопрос должен решаться в административном судопроизводстве, в порядке КАС РФ. Хотя ответ неочевиден. Однако подается такое заявление на стадии исполнительного производства, и наличие публично-властного элемента в данном правоотношении также имеет место, ведь именно судебный пристав-исполнитель направляет постановление о взыскании задолженности по исполнительному документу, и данное постановление обязательно для исполнения.

Еще одним важным с практической точки зрения моментом является срок обращения за соответствующей льготой. Закон об исполнительном производстве не устанавливает срок, в течение или после истечения которого допускается обращение должника к судебному приставу или в суд. Представляется, что обращение с заявлением возможно после того, как доход гражданина-должника изменился настолько, что не позволяет ему обеспечить его имущественное положение в пределах прожиточного минимума в случае применения общего правила ст. 99 Закона об исполнительном производстве. Причем обращение должно осуществляться в разумный срок, в противном случае возникают сомнения в добросовестности должника.

Еще одна сложность, с которой может столкнуться судебный пристав-исполнитель, – это недобросовестность должника. К сожалению, нередки случаи, когда размер официальной заработной платы, сведения о которой и будет представлять должник-гражданин, подавая заявление о сохранении заработной платы и иных доходов, не соответствует фактически выплачиваемой работодателем заработной платы. В связи с этим, судебному приставу-исполнителю или суду необходимо принимать меры для установления размера фактически выплачиваемой заработной платы. А при наличии достаточных сомнений в достоверности представленной должником информации, судебный пристав-исполнитель или суд должны отказывать в удовлетворении соответствующего заявления. Например, если размер заработной платы, на который ссылается должник, существенно меньше по сравнению с размером заработной платы, которая выплачивается за аналогичную работу в этом же регионе. В случае воз-

никновения сомнений, судебный пристав-исполнитель или суд, рассматривающий заявление, вправе потребовать дополнительные документы, подтверждающие сведения, представленные должником. В том числе целесообразно проверить, с какого момента должник имеет такой размер заработной платы и чем вызвано изменение размера заработной платы, запросив у работодателя соответствующие документы за предшествующий период времени. В случае непредставления подтверждающих документов, это является основанием для отказа в удовлетворении соответствующего заявления.

Таким образом, части 5.1 и 5.2 ст. 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» направлены на защиту прав должника-гражданина. Насколько можно обеспечить эффективность такой защиты, покажет в ближайшее время судебная практика. Однако уже сейчас можно говорить о том, что эти нормы могут послужить основанием для злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, а поэтому судебным приставам-исполнителям, а также судам необходимо с осторожностью подходить к вопросу о распространении исполнительского иммунитета на заработную плату и иные доходы должника.

Список источников

1. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов Режим доступа: https://fssp.gov.ru/statistics/ Дата обращения 02.08.2022.
2. Постановление от 6 сен. 2021 № 711 Действующая редакция с изменениями от 31 мая 2022 Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Ростовской области на 2022 год. Режим доступа: https://www.donland.ru/documents/14397/
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.
4. Цой В.И. Институт подсудности гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11.

References

1. Departmental statistical reporting of the Federal Bailiff Service Access mode: https://fssp.gov.ru/statistics/ Accessed 02.08.2022.
2. Decree of 6 September. 2021 No. 711 The current version as amended on May 31, 2022 On the establishment of the subsistence minimum per capita and for the main socio-demographic groups of the population in the Rostov region for 2022. Access mode: https://www.donland.ru/documents/14397/
3. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 21, 2010 No. 1-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of part 4 of article 170, paragraph 1 of article 311 and part 1 of article 312 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from the closed joint-stock company "Production association "Bereg", open joint-stock companies "Karbolit", "Plant" Microwire "and" Scientific and production enterprise "Respirator". *Collection of legislation of the Russian Federation.* 2010. No. 6. Art. 699.
4. Tsoi V.I. Institute of jurisdiction of civil cases // Arbitration and civil process. 2012. No. 11.

Информация об авторе

Т.Ю. Кулик – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

T.Y. Kulik – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 34.07

Международное сотрудничество в сфере нотариата

© Чебоньян Т.Г., Ланина М.В., 2022

Татьяна Гайковна Чебоньян [1,2], Мария Владимировна Ланина[2]
[1] Ростовский филиал Ростовского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия. chebonyan@gmail.com
[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

Аннотация. В настоящей статье раскрывается институт международного нотариального сотрудничества. Рассматриваются различные формы сотрудничества в сфере нотариата, их необходимость и перспективы развития. Особо важное внимание уделяется важному вопросу разрешения правовых коллизий, часто встречающихся в нотариальном законодательстве и зачастую вызывающих затруднение осуществления нотариальных процедур.

Ключевые слова: нотариат, международное сотрудничество, интеграция, международный договор, цифровизация, дистанционное нотариальное удостоверение сделок

Для цитирования: Чебоньян Т.Г., Ланина М.В. Международное сотрудничество в сфере нотариата // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С. 122-126

Original article

International cooperation in the field of notary

Tatiana G. Chebonyan [1,2], Maria V.Lanina [2]
[1] Rostov Branch of the Rostov State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.
chebonyan@gmail.com
[2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. The article reveals the institution of international notarial cooperation. Various forms of cooperation in the field of notary are considered, their necessity and prospects for development. Particular attention is paid to the important issue of resolving legal conflicts, which are often found in notarial legislation and often cause difficulties in carrying out notarial procedures.

Keywords: notary, international cooperation, integration, international agreement, digitalization, remote notarization of transactions

For citation: Chebonyan T.G., Lanina M.V. International cooperation in the field of notary. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 122-126 (In Russ.)

В современное время наше государство участвует в постоянном развитии мировых процессов всеобщей глобализации, что заметно по весьма высоким показателям общей миграции населения. Кроме того, после введения антироссийских санкций создалась крайне напряженная ситуация, что, в свою очередь, очевидно, приводит к негативному появлению самых различных правовых недостатков в международном сотрудничестве нотариусов.

Для успешного разрешения всех возникающих в практике юридических проблем особенно необходимо, чтобы практикующие нотариусы работали все вместе для обеспечения надежной защиты прав всех граждан, а также юридических лиц не только в нашем государстве, но также и за рубежом. Важная роль в этом необходимом взаимодействии отводится действующим нотариусам различных стран, включенных в общую систему международного нотариата для осуществления их нотариальной деятельности [2, с. 123 - 124].

Следует особенно обратиться к огромному ряду международных актов, в которых наша страна принимает непосредственное участие наряду с другими иностранными государствами [9].

Все существующие международные договоры и заключенные соглашения содержат огромное множество положений, которые прямо или косвенно затрагивают исполнение нотариальных документов, осложненных наличием в них иностранных элементов. Помимо давно существующих правил, регулирующих взаимодействие действующих нотариальных органов и государственных структур, особое распространение получили также международные договоры, которые относятся к установлению полномочий консулов на осуществление ими определенных видов функций полномочий на нотариальное удостоверение. Однако самой основной целью компетентного нотариуса, когда он

делает ссылку на действующие положения международных договоров, выступает поиск юридических конфликтов и соответствующих правил, которые применяются в рамках нотариальных актов, связанных с элементами иностранного происхождения.

Установив, что действующими сторонами сложившегося правоотношения, действительно, могут выступать граждане, имеющие иностранное гражданство, либо организации, нотариус может начать поиск необходимых коллизионных норм, запросив свидетельство о правоотношениях, которые имеют юридические последствия за рубежом. Согласно статье 109 Основ, при работе с иностранным элементом нотариус должен сначала ознакомиться с положениями государственного договора или положениями государственного договора, необходимо тщательно проверить, является ли заключенным договор с другим иностранным государством.

Международные договоры выступают основным источником коллизионных норм, не только двусторонних, но и многосторонних. Приведем пример несоответствия норм: в ст.161 Семейного кодекса Российской Федерации указывается на то, что имеющиеся отношения между супругами должны определяться правом той страны, в которой будет место их совместного проживания [13].

В то же время, пунктом 2 ст. 27 Минской конвенции о правовой помощи и правоотношениях по гражданским, семейным и уголовным делам предусмотрен случай отсутствии совместного проживания супругов. В таком случае будет применяться действующее право той страны, гражданство которого имеют супруги. В этом случае нотариус должен применить положения Конвенции, если сторонами будет подано на это соответствующее заявление [6].

Однако далеко не все существующие вопросы, которые рассматриваются нотариусами, могут быть урегулированы нормами международных договоров.

При отсутствии необходимых соответствующих договорных положений по урегулированию спорных вопросов должны применяться национальные нормы коллизионного права [1].

Чтобы можно было применить данный принцип надлежащего права, необходимо сразу же установить территориальную привязку. У физических лиц она проверяется по их гражданству, а также месту жительства, а у юридических лиц – по месту нахождения их конкретного субъекта либо месту основной деятельности и т. д. Зачастую правовая спорная ситуация возникает при возникновении правового конфликта. В таком случае коллизионная норма должна восходить к праву той страны, законодательство которой первоначально было включено.

Следует также отметить, что важный вопрос о необходимости отсылки всегда по-разному подлежит регулированию иностранным законодательством, в том числе в соответствии со статьей 6 Эстонского международного права отсылка полностью допустима. С другой стороны, швейцарское международное частное право предусматривает отсылку к швейцарскому праву только в случаях, предусмотренных этим законом.

Рассмотрим несколько моментов, регулирующих нотариальную деятельность. Поэтому, если действующим международным договором будут устанавливаться правила, отличные от ведения нотариальных актов, чем те, которые применяются в нашем государстве, при ведении нотариальных актов применяются правила международного правового характера.

Международное сотрудничество позволит обеспечить эффективное регулирование всех общественных отношений в процессе существующей правовой, а также нотариальной практики, которая выходит за границы национального права и возникает между всеми субъектами огромного мирового сообщества [14, с.115].

Настоящая правовая сфера современного общества имеет тесную взаимосвязь с новейшими цифровыми технологиями.

Вопросы активного внедрения и очевидного совершенствования цифровых юридических сделок стали особенно актуальными для всех нотариальных контор [4, с. 4].

Положение о единой информационной системе [10] может свидетельствовать об эффективном и надежном практическом использовании существующей единой информационной системы нотариальной конторы.

Международное сотрудничество в области оказания нотариальных услуг является очень важным для России. На сегодняшний день наблюдается явное увеличение существующих правоотношений с участием иностранного элемента, при совершении большинства из них требуется квалифицированная юридическая помощь опытного нотариуса.

По мнению В.В. Ралько, «международное сотрудничество в области нотариата в конечном итоге должно определить постепенное, но устойчивое формирование международной системы нотариата», что на сегодняшний день является перспективнейшим направлением в совершенствовании нотариата [12].

Иностранные граждане обладают возможностью обращаться к нотариусам из любого государства, но при этом существуют действия с эксклюзивным предметом, например регистрация

прав на недвижимость, что означает, что права собственности обычно могут быть подтверждены только местным нотариусом в стране, в которой находится недвижимость [16, с. 274].

Еще одной особенностью, которую следует учитывать, является разница между международными и национальными правовыми требованиями в отношении исполнения документов, необходимостью или отсутствием заверения документов и процедурой их исполнения. Таким образом, не все национальные законы предусматривают, что доверенность, выданная за рубежом, подлежит нотариальному подтверждению. Так, например, швейцарское законодательство не предписывает обязательное соблюдение этого условия. Однако некоторые международные договоры, помимо судебного исполнения, также предусматривают исполнение нотариальных документов, снабженных исполнительным свидетельством. Закон, принятый в одной стране, подлежит выкупу в другой стране. После начала работы нотариус должен получить ответы на основные вопросы, такие как: предмет правоотношений, кто является субъектом и какие права и обязанности имеют стороны между собой, контрагентами или их государством. Если у опытного нотариуса есть вся необходимая ему информация, на начальном этапе необходимо узнать о местонахождении лиц и их имуществе, выяснить происхождение имущества и понять результат переговоров с нотариусом. Нотариус также должен четко понимать, какие правовые последствия могут возникнуть для лиц, находящихся за рубежом, при совершении нотариальных действий.

В нотариальной практической деятельности иногда случается, что иностранные правовые нормы неприменимы. Эта ситуация может возникнуть по двум основным причинам, которые нашли свое отражение в юридической литературе:

1) невозможность установления нотариусом необходимой коллизионной нормы;

2) противоречие иностранного порядка законам страны, в которой он действует. Одним из примеров является невозможность зарегистрировать брачный контракт для однополой пары. В соответствии со статьей 1 СК РФ брак – это связь между мужчиной и женщиной. В России однополые браки не признаются. Однако профессиональный нотариус должен всегда учитывать все важные особенности законодательства иностранного государства и указывать клиенту на то, что требования иностранного закона не соответствуют национальным нормам.

При отсутствии возможности использования положений международных договоров нотариус действует в соответствии с национальными коллизионными нормами.

Важным аспектом международного сотрудничества является развитие цифрового нотариата. В неправительственной организации – Международном Союзе нотариата – Россия является членом, а также участвует в международных мероприятиях по обмену имеющимся опытом о новейших цифровых технологиях.

Поэтому особенно важно подчеркнуть важность цифровизации для улучшения деятельности, осуществляемой как государственным аппаратом в целом, так и для повышения качества нотариальной деятельности, что значительно повышает законность и сводит к минимуму риски, возникающие при осуществлении юридического оборота на бумаге. Достижения в области цифровой трансформации, такие как цифровые сейфы, нотариальная телепортация документа и отправка созданного документа в место запроса с соблюдением всех принципов нотариальной тайны улучшают всю процедуру обращения с юридическими документами. В результате этого процесс удостоверения юридических документов значительно улучшился.

Мы считаем, что нотариальное подтверждение трансграничных сделок с недвижимостью двумя нотариусами государств-членов ЕАЭС (в удаленном формате) является перспективной областью для улучшения международного гражданского оборота недвижимости и нотариального законодательства. Преимущества нотариуса для совершения нотариальных действий по удаленному подтверждению трансграничных сделок с недвижимостью очевидны. Важным преимуществом является экономия времени и финансовых ресурсов, поскольку устраняется личное присутствие всех участников транзакции в нотариальной конторе. В то же время для успешной реализации намеченного направления необходимо решить три группы вопросов и проблем теоретического и прикладного характера, в том числе:

1) технические вопросы, связанные с созданием предусмотренной законом технической инфраструктуры, на основе которой будут осуществляться нотариальные действия (разработка единого цифрового сервиса для нотариусов ЕАЭС для обмена электронными документами, признанными на территории), а также дистанционное подтверждение трансграничных сделок с недвижимостью и некоторых других нотариальных действий, совершаемых иностранным элементом; разработка единых технических стандартов и требований к электронным документам и цифровым подписям и т. д.;

2) вопросы коллизионного характера;

3) вопросы по соответствию всех нотариальных действий с дистанционным подтверждением совершенных трансграничных сделок с недвижимостью всем главным основополагающим принципам

системы латинского нотариата и норм международного частного права.

Главнейшей целью в системе международного нотариального сотрудничества должно выступать значительное облегчение существующих связей по взаимодействию между всеми нотариусами разных стран, что, вероятно, позволит предоставить явную возможность всем пользователям существующими нотариальными услугами и своевременно получать качественные юридические консультации на самом высоком уровне с привлечением нотариусов для качественного решения возникающих юридических проблем, а также упрощения профессионального взаимодействия при осуществлении деятельности нотариусов за рубежом.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Григорьева О. Г. Участие нотариуса в международном правовом сотрудничестве: история и пути совершенствования законодательства // Социально-политические науки. 2017. № 1.
3. Закон № 246 «О нотариальной процедуре» от 15 ноября 2018 г.// 1 февраля 2019 в Monitorul Oficial № 30–37 статья № 89.
4. Иутин Ю.В. Приоритетные и ключевые задачи развития нотариата на 2019-2023 годы // Нотариальный вестник. 2018. Вып. 10-11.
5. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999г. № 81-ФЗ(ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22 января 1993г.) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Бюллетень международных договоров. № 2. 1995.
7. Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания (Вместе с «Единообразным законом о форме международного завещания») (Заключена в г. Вашингтоне 26 ноября 1973 г.) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.pravo.gov.ru, 4.07.2020.
9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате утв. ВС РФ 11 февраля 1993 № 4462-1 (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4855.
10. Постановление Правительства РФ от 16.08.2021 №1342 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения» (вместе с «Положением о Единой государственной информационной системе социального обеспечения») (ред. от 26.05.2022) // Собрание законодательства РФ. 2021. №35. Ст. 6282.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» от 9 июля 2019 г. № 24 г. Москва // Российская Газета. № 154. 2019.
12. Ралько В.В. Сущность и содержание правовой деятельности нотариата в современных правовых системах и семьях // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 6.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 14.07.2022)// Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 16.
14. Хейгетова С.Е., Меликсетян С.К. Международное сотрудничество в сфере нотариата // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 10 (125).
15. Чугурова Т.В., Леонова К.В. Международное сотрудничество в сфере нотариата / Теоретические и практические проблемы развития современной науки. Сб. матер. XVI Международной научно- практической конференции. 2018.
16. Ярков В. В. Нотариальное право: Учебник. М., Статут. 2017.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ (ed. from 07/31/2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation.* 1994. No. 32. Art. 3301. (In Russ.)
2. Grigorieva O. G. Participation of a notary in international legal cooperation: history and ways of improving legislation. *Socio- political sciences*. 2017. No. 1 (In Russ.)
3. Law No. 246 «On Notarial Procedure» of November 15, 2018. February 1, 2019 in Monitorul Oficial No. 30-37 Article No. 89. (In Russ.)
4. Iutin Yu.V. Priority and key tasks of the development of the notary for 2019-2023. *Notary Bulletin.* 2018. Iss.10-11. (In Russ.)

5. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation of April 30, 1999 No. 81-FZ (ed. of 13.07.2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1999. No. 18. Art. 2207. (In Russ.)

6. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases (Concluded in Minsk on January 22, 1993) (ed. of 28.03.1997) (entered into force on 19.05.1994, for the Russian Federation on 10.12.1994) // Bulletin of International Treaties. No. 2. 1995. (In Russ.)

7. Convention providing for a uniform law on the form of an international Will (Together with the «Uniform Law on the Form of an International Will») (Concluded in Washington on November 26, 1973). *Legal reference system ConsultantPlus*. (In Russ.)

8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). http://www.pravo.gov.ru , 4.07.2020. (In Russ.)

9. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the notary approved. The Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 No. 4462-1 (ed. from 07/14/2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation.* 2003. No. 50. Art. 4855. (In Russ.)

10. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1342 of 16.08.2021 «On the Unified State Information System of Social Security» (together with the «Regulations on the Unified State Information System of Social Security») (ed. of 26.05.2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 35. Art. 6282. (In Russ.)

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application of the norms of international private law by the courts of the Russian Federation» dated July 9, 2019 No. 24 Moscow. *Russian Newspaper*. No. 154. 2019. (In Russ.)

12. Ralko V.V. The essence and content of the legal activity of the notary in modern legal systems and families. *Bulletin of notary practice*. 2009. No. 6. (In Russ.)

13. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (ed. from 07/14/2022)// Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16. (In Russ.)

14. Heigetova S.E., Meliksetyan S.K. Heigetova S.E., Meliksetyan S.K. International cooperation in the field of notary. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2020. No. 10 (125). (In Russ.)

15. Chugurova T.V., Leonova K.V. International cooperation in the field of notary. *Theoretical and practical problems of the development of modern science.* S XVI International Scientific and Practical Conference. 2018. (In Russ.)

16. Yarkov V. V. Notary law: Textbook. M., Statute. 2017. (In Russ.)

Информация об авторах

Т.Г. Чебоньян – кандидат юридических наук
М.В. Ланина – магистрант

Information about the authors

T.G. Chebonyan –Candidate of Law
M.V. Lanina – Master Degree Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 06.08.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Прокурорская деятельность

Научная статья
УДК 34.07

Роль аппарата прокуратуры в оспаривании нормативно-правовых актов

© Е.А Саенко, Н.В. Федоренко, 2022

Елена Анатольевна Саенко[1] Наталья Владимировна Федоренко[2]
[1,2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1] not.boy@mail.ru
[2] gr_process38@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье речь идет о роли аппарата прокуратуры в оспаривании нормативно-правовых актов, а также затронута проблема выявления коррупциогенности правого акта как мотива для его оспаривания.

Ключевые слова: оспаривание, правовые акты, нормативные правовые акты, ненормативные правовые акты, судебное оспаривание актов, прокуратура, коррупциогенность, антикоррупционная экспертиза, прокурорский надзор

Для цитирования: Саенко Е.А., Федоренко Н.В. Роль аппарата прокуратуры в оспаривании нормативно-правовых актов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С. 127-130

Prosecutor’s office practice

Original article

The role of the prosecutor’s office in challenging normative legal acts

© E.A. Saenko, N.V. Fedorenko, 2022

Elena A. Saenko[1], Nataliya V. Fedorenko[2]
[1,2] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
[1] not.boy@mail.ru
[2] gr_process38@mail.ru

Abstract. This article will focus on the role of the procuracy in challenging normative legal acts and will also address the problem of identifying the corruption of a legal act as a motive for challenging it.

Keywords: legal challenging, legal acts, normative legal acts, non-normative legal acts, judicial challenging of acts, prosecutor’s office, anti-corruption expertise, prosecutor's supervision

For citation: Saenko E.A., Fedorenko N.V. The role of the prosecutor’s office in challenging normative legal acts. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2022. No9(148): 127-130 (In Russ.)

В общепринятом смысле считается, что в случае если нормативный правовой акт своими положениями каким-либо образом нарушает права и свободы граждан, то такой акт следует оспаривать в судебном порядке. В регламентирование процесса обжалования нормативно-правовых актов внесло значительный вклад опубликованное в 2018 году 25 декабря Пленумом Верховного суда постановление о практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов [5], содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Данное постановление по сей день является актуальным и регулярно применяемым судами в своих определениях. Однако в процессе оспаривания нормативных правовых актов недооценена роль органов прокуратуры Российской Федерации. Вопросу участия прокуратуры в нормотворческой деятельности в целом уделено не так много внимания, как того заслуживает этот вопрос, что само по себе говорит о том, что такой инструмент защиты прав и свобод граждан как прокурорский надзор не является активно и эффективно используемым.

В соответствии со статьей 129 Конституции Российской Федерации [1], прокуратура – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции, а также организация деятельности прокуратуры Российский Федерации определяются Федеральным законом от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Статьей 9 вышеупомянутого Федерального Закона прокурор наделен правом вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, о дополнении или об отмене правовых актов, в случае если была выявлена такая необходимость. В том числе, введённой Федеральным законом от 17.07.2009 N 171-ФЗ, статьей 9.1. предусмотрен порядок проведения антикоррупционной экспертизы актов в соответствии с методикой определенной Правительством Российской Федерации. Упоминаемая методика направлена, прежде всего, на выявление в содержании правового акта коррупциогенной составляющей. При выявлении в акте коррупциогенных факторов прокурор вносит в орган, организацию или должностному лицу, которые издали этот акт, требование об изменении нормативного правового акта с предлагаемыми в таком требовании способами устранения выявленных коррупциогенных факторов либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации.

Внесенное прокурором требование об изменении нормативного правового акта подлежит обязательному рассмотрению соответствующим органом, организацией или должностным лицом, а также имеет весьма ограниченные сроки для рассмотрения получившей стороной. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта, направленное в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации или в представительный орган местного самоуправления, подлежит обязательному рассмотрению на ближайшем заседании соответствующего органа. Также, внесенное требование возможно обжаловать. Такая возможность имеет отсылку к пункту 4 статьи 4 Федерального закона от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3].

Несмотря на законодательное урегулирование порядка внесения требования прокурором и необходимости его исполнения, практическая сторона вопроса складывается иначе. Так, вопреки определенной статьей 9.1 Федерального закона от 17.01.1992 N 2202-1 необходимости незамедлительного сообщения о результатах рассмотрения требования, некоторыми органами власти игнорируется выполнение данных действий в силу отсутствия заинтересованности в выделении ресурсов на обжалование соответствующего требования на фоне возможности его полного невыполнения, вплоть до того момента, пока подобные действия не подвергнутся оценке в судебном заседании, инициированного органом прокуратуры.

При анализе методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, установленную Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4], необходимо рассмотреть, какие факторы формируют основания для экспертизы правового акта, то есть являются коррупциогенными.

В соответствии с пунктом 3 методики к коррупциогенным факторам, которые влекут установление для правоприменителя необоснованно широких пределов усмотрения или возможности неправомерного применения исключений из общих правил, относятся в том числе: чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества; принятие нормативного правового акта за пределами компетенции; заполнение пробелов законодательства при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательно установленных оснований и полномочий [4].

В свою очередь, пунктом 4 методики определены факторы, которые относятся к коррупциогенным факторам, включающим в себя неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, например, завышенные требования к лицу, предъявляемые для реализации принадлежащего ему права, а также юридико-лингвистическая неопределенность [4].

Итак, если обобщить смысл содержания пункта 3 и пункта 4 методики, можно вывести определение о том, что коррупциогенные факторы – это положения нормативных правовых актов или проектов нормативных правовых актов, которые устанавливают для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможности неправомерного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, обременительные и (или) трудновыполнимые требования к гражданам и организациям и, тем самым, создающие условия для проявления коррупции.

Исходя из вышесказанного следует, что широта полномочий прокуратуры в части экспертизы нормативных правовых актов ограничена понятием «коррупция». Для более корректной интерпретации понятия «коррупция» обратимся к словарному толкованию данного термина. В соответствии с определением, изложенным в большом юридическом словаре, «коррупция» – это общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц [6].

Однако границы понимания коррупционной составляющей весьма размыты, что формирует определённые сложности в части доказывания наличия такой составляющей. Так, можно отметить, что факторы коррупциогенности, изложенные в методике, не всегда прямо говорят о коррупционной

составляющей. Тем не менее, отсутствие коррупционной составляющей или трудность выявления такой составляющей еще не означает, что такими факторами не умаляются права и свободы граждан, равно как и не означает то, что коррупционная составляющая не присутствует косвенно.

В пример вышеизложенному, рассмотрим подробнее фактор «юридико-лингвистическая неопределенность». Обстоятельства, обозначенные данным фактором, можно проследить во многих издаваемых в последние годы нормативно-правовых актах. Среди формулировок, попадающих под эту категорию, довольно распространено использование такой как «организациям обеспечить допуск категории X лиц при наличии у указанных лиц одного из документов, указанных в приложении Y постановления». При такой формулировке невозможно однозначно определить, является ли это положение запретом на допуск по отношению к категории граждан, не упомянутой в таком положении, или является уточняющим условием, что при наличии у X лица одного из документов, указанных в приложении Y постановления, организация должна, во что бы то ни стало, обеспечить допуск такому лицу.

Возникает соразмерный вопрос о том, нарушает ли положение правового акта подобного содержания права и свободы граждан? Отвечая на поставленный вопрос, следует учесть, что на территории Российской Федерации есть различные категории объектов, в том числе есть режимные объекты, а есть объекты с неограниченным доступом граждан. В случае если речь идет о применении подобного положения в отношении режимного объекта, то можно сказать о разумности ограничений установленных таким положением и отсутствии нарушений в реализации прав и свобод граждан. Однако если переносить приведенную в пример конструкцию положения на организацию посещения гражданами общественных территорий, то, безусловно, в таком положении можно усмотреть нарушения, например, права на свободу передвижения предусмотренного статьей 27 Конституции Российской Федерации.

Из приведенного примера вытекает также и другой вопрос: всегда ли нарушение права на свободу передвижения, предусмотренное статьей 27 Конституции РФ, имеет коррупционную составляющую? Вероятно, что не всегда, либо не всегда такая составляющая прямо усматривается в легализованном положением нарушении. К сожалению, коррупционная составляющая в том или ином положении зачастую трудно выявляема ввиду недостаточной очевидности наличия коррупционных схем.

То есть, если опираться на ограничение полномочий прокурора в части экспертизы нормативных правовых актов в соответствии со статей 9.1 Федерального закона от 17.01.1992 N 2202-1 [2], то отсутствие наглядной коррупционной схемы приводит к потенциально халатному отношению со стороны прокурорского аппарата к проведению экспертизы нормативного правового акта на выявление положений, нарушающих права и свободы граждан.

Между тем, именно прокуратура является неким связующим звеном между юридически неграмотными гражданами и судом, так как в случае обращения инициативного гражданина в прокуратуру по поводу нарушения своих прав, гражданин в таком обращении не обязан ссылаться на нормы закона, а в случае обращения с исковым заявлением такое заявление уже должно быть составлено надлежащим образом, так как в ином случае доводы, изложенные в данном заявлении, могут быть недостаточны для принятия судом положительного решения. Иначе говоря, рассматривая процесс оспаривания нормативного правового акта в таком ключе, можно сказать, что обращение в прокуратуру является дополнительным, а иногда и подготовительным этапом в процессе оспаривания актов, содержащих положения, нарушающие права и свободы граждан. Соответственно, при добросовестной работе прокуратуры и проведения качественной экспертизы обращение гражданина в прокуратуру может оказаться достаточной мерой для исключения нарушений прав и свобод гражданина.

Кроме того, инициация антикоррупционной экспертизы прямо зависит от достаточной компетентности сотрудников прокуратуры в части понимания и толкования норм, потому как, для того чтобы решить какую-либо проблему, необходимо сначала эту проблему суметь увидеть и признать. То есть, не обладая достаточной компетенцией в толковании норм, сотрудник прокуратуры попросту лишен возможности своевременно отреагировать на присутствующие в положениях правовых актов нарушения и инициировать необходимые со своей стороны действия.

Безусловно, финальной инстанцией в оспаривании нормативных актов является суд. В то же время игнорирование прокуратурой необходимости принятия мер в отношении актов, содержащих положения, нарушающие права и свободы граждан, и ожидание судебной оценки наличия подобных нарушений есть по своей сути легализации коррупции. Однако включение аппарата прокуратуры, на совершенно другом качественном уровне, в процесс защиты прав и свобод граждан, в том числе в части экспертизы нормативных правовых актов, позволит не только повысить качество издаваемых правовых актов, но и существенно разгрузить судебных аппарат. При указанном подходе объем актов, доходящих до оспаривания в судебном порядке, будет существенно меньше, нежели без участия в таком процессе органов прокуратуры.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202–1 (последняя редакция)
3. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 N 172-ФЗ (последняя редакция)
4. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»
6. Однотомный большой юридический словарь // URL: https://slovar.cc/pravo/slovar-bolsh/2472921.html

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) (In Russ)
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 N 2202-1 (latest edition) (In Russ)
3. Federal Law "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts" dated 17.07.2009 N 172-FZ (latest edition) (In Russ)
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 26.02.2010 No. 96 (ed. of 10.07.2017) "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" (In Russ)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 N 50 "On the practice of consideration by courts of cases on challenging regulatory legal acts and acts containing explanations of legislation and having regulatory properties" (In Russ)
6. One-volume large legal dictionary. Access mode: https://slovar.cc/pravo/slovar-bolsh/2472921.html. (In Russ)

Информация об авторах

Е.А. Саенко – студентка 2 курса
Н.В. Федоренко – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

E.A. Saenko – 2nd year student
N.V. Fedorenko – Doctor of Social Sciences, Candidate of Law, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 06.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Правоохранительная деятельность

Научная статья
УДК 351.811.122

Особенности обучения вождению на транспортных средствах, оборудованных специальными устройствами для подачи световых и звуковых сигналов

© В.А. Иноценко, В.В. Калинин, Н.А. Ковтун, 2022

Виктор Александрович Иноценко[1], Виктор Владимирович Калинин[2], Наталия Александровна Ковтун[3]
[1, 2] Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия.
[1] inovik8@mail.ru
[2]halif_7@mail.ru
[3]Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия. natalia-@yandex.com

Аннотация. Статья посвящена таким проблемным моментам в обучении курсантов и слушателей ВУЗов системы МВД России, как низкий уровень мотивации обучающихся, слабая подготовленность сотрудников полиции к реальным ситуациям при управлении автомобилем, оборудованным специальными устройствами для подачи световых и звуковых сигналов. Освещаются положительные стороны применения в ходе обучения курсантов и слушателей различных автотренажеров и методов обучения для более качественной подготовки обучающихся.

Ключевые слова: полиция, автомобильная подготовка, курсанты, слушатели, методики, меры безопасности, вождение автомобиля, автотренажер, контраварийная подготовка ситуация

Для цитирования: Иноценко В.А., Калинин В.В., Ковтун Н.А. Особенности обучения вождению на транспортных средствах, оборудованных специальными устройствами для подачи световых и звуковых сигналов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9(148). С.131-134

Law enforcement activities

Original article

Features of driving training on vehicles equipped with special devices for giving light and sound signals

©V.A. Inotsenko, V. V. Kalinin, N. A. Kovtun, 2022

Viktor A. Inotsenko[1], Viktor V. Kalinin [2], Natalia A. Kovtun[3]

[1,2] Stavropol branch of Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russia
[1] inovik8@mail.ru
[2] halif_7@mail.ru
[3]Rostov legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. natalia-@yandex.com

Abstract. The article considers such problematic moments in the training of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as a low level of motivation of students, poor preparedness of police officers to real situations when driving a car equipped with special devices for giving light and sound signals. The positive aspects of the use of various auto-trainers and training methods for better training of students during the training of cadets and trainees are highlighted.

Keywords: police, automotive training, cadets, students, methods, training, security measures, driving a car, autosimulator, counter-emergency training situation

For citation: Inotsenko V.A., Kalinin V.V., Kovtun N.A. Features of driving training on vehicles equipped with special devices for giving light and sound signals. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No 9 (148): 131-134 (In Russ.)

В нашем быстро текущем мире автомобиль занял чуть ли не первое место среди друзей и помощников человека. Он с легкостью переносит нас из точки *a* в точку *b*, помогает в экстренных ситуациях на дороге, связывает нас с сетью Интернет и может, в крайнем случае, остановить транспортное средство вместо водителя. Но, к сожалению, это положительные стороны взаимодействия автомобиля и человека. Отрицательной стороной становится дорожно-транспортное происшествие, вы-

званное расслабленным состоянием и эйфорией водителя, воспринимающего электронные помощники как спасателя в сложных дорожных ситуациях. Законы физики отменить или нейтрализовать электронные помощники не в состоянии, однако водитель, с радостью восприняв рекламный ролик про автомобиль, наивно продолжает не понимать, например, тот факт, что площадь соприкосновения пятна контакта покрышки с поверхностью проезжей частью совпадают по площади с пятном контакта подошвы его личных туфлей или кроссовок. В некоторых дорожных ситуациях шины просто физически не в состоянии обеспечить надежный коэффициент сцепления с дорогой, а это значит, что полагаться на электронные помощники бессмысленно, необходимо срочно применять навыки вождения автомобиля в экстренной ситуации. А что делать, если таких навыков нет? Знаний, полученных в автошколе, категорически не хватает, в итоге получается дорожно-транспортное происшествие, исход которого может быть крайне плачевен.

Отдельно от рядовых водителей стоят сотрудники полиции, выполняющие свои обязанности с использованием автотранспорта, заведомо предназначенного для движения в критических режимах. К таким водителям можно отнести водителей государственной инспекции дорожного движения, автомобилей группы немедленного реагирования патрульно-постовой службы полиции, а также водители автомобилей, осуществляющие перевозку лиц, заключенных под стражу. К выше перечисленным сотрудникам полиции предъявляются повышенные требования в плане обеспечения безопасности дорожного движения, а значит и ответственность за те или иные действия, которые могут привести к травматизму или гибели людей. Хотя правилами дорожного движения таким транспортным средствам предоставляется преимущество в движении и разрешается отступать от некоторых пунктов из этих правил, данные сотрудники попадают в дорожно-транспортные происшествия не меньше чем обычные водители [1,3].

С целью повышения мастерства управления транспортными средствами полиции был разработано и утверждено постановление правительства Российской Федерации от 15 декабря 2007г. №876 «О подготовке и допуске водителей к управлению транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов» с последующими изменениями.

Это постановление утверждает положение о подготовке и допуске водителей к управлению транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов. В свою очередь на основании этого положения департаментом кадрового обеспечения Министерства внутренних дел Российской Федерации были разработаны и утверждены примерные программы повышения квалификации водителей специальных транспортных средств различных категорий [2,4].

Подготовка данных сотрудников проходит в учебных заведениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации по территориальному признаку.

В процессе обучения сотрудники полиции изучают нормативные правовые акты в области обеспечения безопасности дорожного движения, правила пользования средствами радиосвязи и устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов, методы оказания первой помощи лицам, пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях, теоретические основы и практические навыки безопасного управления транспортным средством в различных условиях [5].

Одним из важных моментов в изучении тем программы является практическая подготовка по управлению автомобилем в штатных и критических режимах движения автомобиля. Для отработки этих вопросов в программе уделено двенадцать часов на практическую подготовку и всего лишь два часа на контраварийную подготовку. На первый взгляд, этого достаточно для практического управления автомобилем, но, если разобраться в вопросах контраварийной подготовки, это крайне мало. Не все водители поступают на повышения квалификации с высоким уровнем подготовки. Это, в свою очередь, сказывается на подготовке всей группы обучающихся. Преподаватель, сталкиваясь с данной проблемой, начинает подбирать упражнения индивидуально к каждому обучающемуся и сталкивается с катастрофической нехваткой времени, отведенной на практическое вождение автомобиля. А также нельзя забывать о маленьком количестве транспортных средств, задействованном в процессе подготовки водителей с высокими способностями контраварийного вождения автомобиля в опасных и критических режимах движения.

Все вышеперечисленные проблемы связаны не только с плохой первоначальной подготовкой водителей. Нельзя забывать о недостаточном обеспечении учебного процесса механическими транспортными средствами и горюче-смазочными материалами. Банальное увеличение транспортных средств поможет увеличить количество времени нахождения каждого обучаемого за рулем транспортного средства, а значит, увеличится качество отработки специализированных упражнений, направленных на совершенствование не только физических, но и психологических качеств водителя по принятию экстренных мер выхода из сложившейся критической дорожной обстановки. Эти способности могут спасти жизнь и здоровье не только граждан, но и сотрудников, находящихся в самом

транспортном средстве полиции. А также снизить к минимуму повреждение транспортных средств полиции, граждан и дорожных сооружений [6,7].

Выходом из сложившейся ситуации может быть покупка либо транспортных средств, либо автотренажеров различной категории сложности. Покупка новых транспортных средств является не доступным шагом на современном этапе работы по подготовке водителей полиции. Решением данной проблемы может быть приобретение автотренажеров.

Автотренажеры, представленные на выбор учебных заведений, различаются по техническому решению и электронной насыщенностью. Например, самый простой автотренажер представляет собой стол, с закрепленными на нем органами управления автомобилем. На этом тренажере возможна первоначальная отработка правильного воздействия на органы управления автомобилем, способы правильной посадки водителя за рулем, правильное удержание рулевого колеса, а также отработка множества видов скоростного руления автомобилем в критических режимах движения [8].

Следующий вид автотренажеров, представленные на рынке продаж, выполнены в виде посадочного места водителя с рулевым колесом, рычагом переключения передач, рычагом стояночного тормоза и узлом педалей реального автомобиля. В дополнение к нему можно приобрести электронную вычислительную машину с программным обеспечением. Это позволит отрабатывать навыки воздействия на органы автомобиля с применением визуального изображения на мониторе или телевизоре [9].

Самым интересным видом автотренажеров можно выделить автотренажер, способный погрузить водителя в максимально допустимую виртуальную дорожную обстановку. Этот эффект достигается путем использования целого фрагмента настоящего автомобиля в сочетании с компьютерными программами, воспроизводящими дорожную обстановку сразу на большое количество средств визуальной и звуковой поддержки. А также в процессе обучения весь фрагмент автомобиля движется на подвижном шарнире, реагируя на действия водителя максимально быстро, что соответствует реакциям реального автомобиля на изменения рельефа дорожного покрытия и воздействия водителя на органы управления. Данный тренажер позволяет максимально естественно отрабатывать элементы контраварийной подготовки водителя, не допуская возникновения опасных ситуаций при выполнении упражнений на настоящем автомобиле [10,11].

Подводя итоги, можно признать, что подготовка водителей транспортных средств полиции проходит на достаточно высоком уровне, в меру оснащенности учебного процесса. При оснащении классов тренажерами контраварийной подготовки процесс обучения выйдет на новый уровень с меньшими затратами на содержание автомобилей и заправку их горюче-смазочными материалами. Не стоит забывать о снижении вероятности травматизма сотрудников полиции во время отработки упражнений контраварийной подготовки.

Список источников

1. Бершадский В.Ф., Дудко Н.И., Дудко В.И. Основы управления механическими транспортными средствами и безопасность движения: Учебник для среднего профессионального образования. Изд. 3-е Издательство: Амалфея. 2011 г., 458 с.
2. Вишневецкий Ю. Т. Техническая эксплуатация, обслуживание и ремонт автомобилей. Учебник для студентов технических колледжей. Серия: Среднее профессиональное образование. Издательство: Дашков и К. 2012 г. 380 с.
3. Коваленко Н. А., Лобах В. П., Вепринцев Н. В. Техническая эксплуатация автомобилей. Учебное пособие Серия: Профессиональное образование. Издательство: Новое Знание, 2014 г. 352 с.
4. Коноплянко В.И., Зырянов В.В., Воробьев Ю.В. Основы управления автомобилем и безопасность дорожного движения: Учебное пособие. Издательство: Высшая Школа. 2014. 271 с.
5. Кузин В.В., Цыганков Э.С., Захаров и др. Контраварийная подготовка водителей автотранспортных средств. РИО РГАФК. – М.: 2005. – 246 с.
6. Шухман Ю. И. Основы управления автомобилем и безопасность движения. Серия: Учебник водителя. Издательство: За Рулем. 2012. 160 с.
7. Цыганков Э.С. 120 приемов контраварийного вождения. - М.: ООО ИД «РИПОЛ классик», 2005 г. – 320с.
8. Цыганков Э.С. Экстренное маневрирование: (17 упражнений по совершенствованию управления автомобилем). М.: Транспорт, 1993. 63 с.
9. Иноценко В.А. Совершенствование навыков контраварийной подготовки водителей транспортных средств, оборудованных устройствами для подачи световых и звуковых сигналов / В сб.: Актуальные проблемы формирования профессиональной компетентности у курсантов и слушателей вузов МВД России электронный сборник материалов межвузовского круглого стола 09.02.2016. Ставрополь, 2016. С. 147-153.

10. Иноценко В.А., Алексейцев И.А. Совершенствование подготовки водителей к управлению транспортными средствами, оборудованными специальными световыми и звуковыми сигналами / В сб.: Актуальные проблемы формирования профессиональной компетентности у курсантов и слушателей вузов МВД России электронный сборник материалов межвузовского круглого стола 09.02.2016. Ставрополь, 2016. С. 135-142.

11. Гоннов Р.В., Шаров Е.Н., Иноценко В.А. Автомобильная и контраварийная подготовка сотрудников полиции / В сб.: актуальные вопросы права и правоприменения электронный сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 302-310.

References

1. Bershadsky V.F., Dudko N.I., Dudko V.I. Fundamentals of driving motor vehicles and traffic safety: A textbook for secondary vocational education. Ed. 3rd Publishing House: Amalthea. 2011, 458 p. (In Russ.).

2. Vishnevetsky Yu. T. Technical operation, maintenance and repair of automobiles. Textbook for students of technical colleges. Series: Secondary vocational education. Publisher: Dashkov i K. 2012 380 p. (In Russ.).

3. Kovalenko N. A., Lobakh V. P., Veprintsev N. V. Technical operation of automobiles. Textbook Series: Vocational education. Publisher: New Knowledge, 2014 352 p. (In Russ.).

4. Konoplyanko V.I., Zyryanov V.V., Vorobyov Yu.V. Fundamentals of driving and road safety: Textbook. Publisher: Vysshaya Shkola. 2014. 271 p. (In Russ.).

5. Kuzin V.V., Tsygankov E.S., Zakharov et al. Counter-emergency training of vehicle drivers. RIO RGAFK. M.: 2005. 246 p. (In Russ.).

6. Shukhman Yu. I. Fundamentals of driving and traffic safety. Series: Driver's Manual. Publisher: Behind the wheel. 2012. 160 p. (In Russ.).

7. Tsygankov E.S. 120 counter-emergency driving techniques. - M .: LLC ID "RIPOL classic", 2005. 320ps. (In Russ.).

8. Tsygankov E.S. Emergency maneuvering: (17 exercises to improve driving). – M.: Transport, 1993. 63 p. (In Russ.).

9. Inotsenko V.A. Improving the skills of counter-emergency training of drivers of vehicles equipped with devices for supplying light and sound signals / In the (In Russ.)collection: Actual problems of the formation of professional competence among cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia electronic collection of materials of the interuniversity round table 09.02.2016. - Stavropol, 2016. P. 147-153. (In Russ.).

10. Inotsenko V.A., Alekseytsev I.A. Improving the training of drivers to drive vehicles equipped with special light and sound signals / In the collection: Actual problems of the formation of professional competence among cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia electronic collection of materials of the interuniversity round table 09.02.2016. Stavropol, 2016. P. 135-142. (In Russ.).

11. Gonnov R.V., Sharov E.N., Inotsenko V.A. Automotive and anti-emergency training of police officers In the collection: topical issues of law and law enforcement electronic collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2017.P. 302-310. (In Russ.).

Информация об авторах

В.А. Иноценко – старший преподаватель
В.В. Калинин – преподаватель
Н.А. Ковтун – кандидат психологических наук, доцент

Information about the authors

V. A. Inotsenko– Senior Lecturer
V. V. Kalinin – Lecturer
N. A. Kovtun – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 27.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 340:351

Динамика представлений о женственности и мужественности курсантов образовательных организаций МВД России

© Хамидова И.В., Лаврентьева И.В., Ковальчук В.А., 2022

Ирина Васильевна Хамидова[1], Инна Валериевна Лаврентьева[2], Валентина Александровна Ковальчук[3]
[1,2] Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия.
[1] irinahamidova70@gmail.com
[2] innalavr@mail.ru
[3] Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Россия. Ligryenok10@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются представления курсантов образовательных организаций МВД России о мужественности и женственности, показаны специфические особенности этих представлений в силу условий, в которых курсанты проходят обучение и несут службу. В результате проведения анкетирования и психодиагностики прослежена динамика этих представлений у юношей и девушек курсантов от курса к курсу. По результатам исследования авторами даны рекомендации по организации образовательного процесса в соответствии с гендерными различиями.

Ключевые слова: курсанты, мужественность, женственность, идеал, динамика представлений

Для цитирования: Хамидова И.В., Лаврентьева И.В., Ковальчук В.А. Динамика представлений о женственности и мужественности курсантов образовательных организаций МВД России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С.135-140

Original article

The dynamics of ideas about femininity and masculinity of cadets of the educational organizations of the MIA of Russia

Irina V. Khamidova[1], Inna V. Lavrent'eva[2], Valentina A. Kovalchuk[3]
[1,2] Ryazan Branch of Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Rostov-on-Don, Russia
[1] irinahamidova70@gmail.com
[2] innalavr@mail.ru
[3] Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia. Ligryenok10@mail.ru

Abstract: The article discusses the ideas of cadets the educational organizations of the MIA of Russia about masculinity and femininity, shows the specific features of these ideas due to the conditions in which cadets are trained and serve. As a result of the survey and psychodiagnostics, the dynamics of these representations in young male and female cadets from a year to a year is traced. Based on the results of the study, the authors give recommendations on the organization of the educational process in accordance with gender differences.

Keywords: cadets, masculinity, femininity, ideal, dynamics of ideas

For citation: Khamidova I.V., Lavrent'eva I.V., Kovalchuk V.A. The dynamics of ideas about femininity and masculinity of cadets of the educational organizations of the MIA of Russia. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 135-140 (In Russ.)

Введение. Особенности пола человека и психологические различия мужчины и женщины – вопросы, которые всегда вызывали интерес. В настоящее время – это актуальные, обсуждаемые вопросы, поскольку роль мужчины и женщины в обществе претерпевает изменения. Многие современные ученые поднимают вопросы влияния гендерных стереотипов на жизнедеятельность людей, переоценки «гендерных» ценностей в современном обществе [6].

Изучение гендерных проблем на современном этапе важно, потому что меняются модели поведения женщин и мужчин, а эти изменения в свою очередь оказывают влияние на общественное сознание.

Можно перечислить изменения, происходящие в различных сферах жизни общества: в сфере труда, например, активно меняется система гендерного разделения труда, стирается разница между

мужскими и женскими профессиями; происходят изменения в брачно-семейных отношениях (вступают в брак позже; неустойчивость и новые формы браков; равное разделение домашних обязанностей и прав супругов; создание внебрачных союзов; некоторые женщины не желают иметь детей и т.д.) [8].

Процессы демократизации и гуманизации, происходящие в современном обществе, создают почву для реализации равных возможностей личности независимо от национальности, возраста и пола, положения, социального происхождения [4].

Но ведь есть традиционные стереотипные представления о роде занятий, статусе, положении, которые присущи и женщинам, и мужчинам. Эти стереотипы откладывают свой отпечаток на реализацию возможностей личности.

Процесс мышления человека упрощается из-за наличия гендерных стереотипов, что оказывает влияние на восприятие представителя другого пола, создает помехи в правильном понимании партнёра, мешает эффективно взаимодействовать с ним.

Конечно, этот вопрос затрагивает и систему высшего образования [9, 10]. Стоит отметить, что в военизированных учебных заведениях представления курсантов о женственности и мужественности отличны от представлений студентов в гражданской образовательной организации. На данный момент нет достаточного количества исследований, которые дали бы ответ на вопросы о гендерной специфике учебных взводов, предложили бы рекомендации по коррекции негативного воздействия специфики ведомственного вуза на гендерную идентичность курсантов.

Целью нашего исследования являлось выявление динамики представлений о женственности и мужественности в курсантской среде в зависимости от специфических условий обучения (на примере Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя).

Описание исследования. Курсанты, поступающие в образовательные организации МВД России, уже имеют определенные стереотипы поведения, определенный опыт коммуникативных отношений с другим полом. Это опыт может быть как положительным, так и отрицательным. В юношеском возрасте, курсанты находятся в этом возрасте, интенсивно происходит гендерная социализация личности. У юношей и девушек формируются представления о себе как носителе психологического пола, о будущем спутнике жизни.

Поскольку в образовательной организации МВД России учатся не только юноши, но и девушки, которые, как правило, не готовы к выполнению той роли, которую следует выполнять в данной образовательной организации, то возникают проблемы во взаимоотношениях юношей и девушек-курсантов. Поэтому актуальным является вопрос о воспитании у курсантов обоих полов толерантного отношения к проявлению черт, которые свойственны другому полу.

Для определения особенностей гендерных стереотипов и представлений о женственности и мужественности в курсантской среде мы провели исследование курсантов первого и четвертого курсов (100 человек).

С помощью анкеты были определены требования, предъявляемые к женщине и мужчине в современной России, стереотипы, от которых необходимо избавится, а также отношение к девушкам и юношам как к курсантам.

Проведенный анализ анкеты в частности вопроса «Как Вы считаете, какие требования предъявляются к мужчине в современной России?» показал, что основным требованием, предъявляемым к мужчине, является:

– на первом курсе – хороший заработок, т.е. умение обеспечить (содержать) свою семью. Также высоким показателем обладает привлекательность мужчины. В меньшей степени требуется надежность, образованность, мужественность и т.п.

– на четвертом курсе – мужественность и честность. Также высоким показателем обладает самоуверенность мужчины. В меньшей степени требуется образованность, привлекательность, хороший заработок. Таким образом, по данным таблицы можно сделать вывод, что со временем обучения в стенах образовательной организации у девушек-курсантов значительно изменились требования к мужчинам, а именно, девушки большее внимание стали уделять ментальным составляющим, нежели каким-либо физическим свойствам.

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, какие требования предъявляются к девушке в современной России?» показали, что основным требованием для курсантов первого курса, предъявляемым к женщине в современной России, является привлекательность. Относительно высокие показатели в ответах получили также верность (50%), искренность (40%) и образованность (40%).

Для курсантов четвертого курса основным требованием, предъявляемым к женщине в современной России, является верность. Высокие показатели в ответах получили также искренность (88%), привлекательность (64%) и женственность (75%).

Курсанты мужского пола четвертого курса большее внимание уделяет внутренним качествам женщины, а не только ее физической привлекательности, что свидетельствует о большей готовности к семейной жизни курсантов старших курсов.

Не имея возможности обозначить ответы на все вопросы анкеты, нами были выбраны ответы на такие вопросы, которые показывают отношения курсантов мужского и женского пола более четко.

Курсанты-девушки первого и большинство четвертого курсов считают, что курсанты выглядят более привлекательно, чем юноши, не носящие форму. Курсанты – девушки первого и четвертого курсов считают, что к ним преподаватели относятся так же, как и к курсантам – юношам (90%), при этом половина курсантов-девушек считает, что к ним должны относится более лояльно, должны делаться какие-либо поблажки.

Ответы на вопрос «Ношение формы юношей сказывается на его мужественности?» показали, что 80% девушек первого курса и 57% респондентов четвертого курса считают, что сказывается.

Курсанты-юноши на вопрос «Считаете ли Вы, что девушки-курсанты выглядят менее привлекательно, нежели девушки, не носящие форму?» ответили следующим образом: 100% курсантов-юношей первого курса и большинство четвертого – 82% считают, что девушки-курсанты ничуть не хуже выглядят, чем девушки, не носящие форму.

На втором этапе нашего исследования с помощью опросника «Пословицы» И.С. Клециной мы изучили гендерные установки, касающиеся распределения социальных ролей в семье. Результаты опросника свидетельствуют о гендерных установках испытуемых.

Большинство испытуемых первого курса имеют или неопределенные представления о семье, или эгалитарные (совместное разделение домашних обязанностей). Курсантам четвертого курса более присущи традиционные представления о семье (женщина занимается домашними делами, мужчина добытчик).

Выводы:

1. Большинство юношей-курсантов подвержены влиянию гендерных стереотипов.
2. Однако курсанты-девушки не придерживаются традиционных взглядов распределения ролей в семье. Они хотят поровну распределить обязанности в семейном быте.

Данная особенность является специфичной, так как, исходя из результатов проведенных исследований девушек-студентов, можно сказать, что у девушек-курсантов другие представления о распределении ролей в семье.

Также были изучены гендерные идеалы. Исследование осуществлялось с помощью методики свободного описания «Идеалы мужественности-женственности» (автор Н.А. Авсюк). Респондентам предлагалось написать 10 качеств, которые, по их мнению, характеризуют идеального мужчину и идеальную женщину. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты методики «Идеалы мужественности-женственности» (идеал мужчины для девушек)

1-й курс		4-й курс	
Сильный	76%	*Сильный*	36%
Смелый	69%	*Смелый*	50%
Выносливый	35%	Имеет чувство юмора	69%
Жизнерадостный	42%	Ответственный	76%
Надежный	35%	Трудолюбивый	53%
Готовый прийти на помощь	51%	Выносливый	46%
Понимание других	45%	Имеет высокий уровень интеллекта	71%
Напористость	18%	Сдержанный	45%
Всегда готов прийти на помощь	45%	*Всегда готов прийти на помощь*	63%
Собственная позиция	39%	Интеллигентный	84%
Умение уступать	82%	Преданность	44%

Данные таблицы показывают, что у курсантов-девушек первого курса в идеале преобладают характеристики, которые в большей степени отражают физические качества человека, противоположный результат присущ девушкам курсантам четвертого курса, а именно большей значимостью для них обладают качества, которые характеризуют человека с точки зрения коммуникативной, умственной компетентности.

Как видно из таблицы 2, у современных юношей курсантов 1-го курса в идеале преобладают характеристики, которые в большей степени отражают чисто женские физические черты, противоположный результат присущ юношам курсантам 4-го курса, а именно большей значимостью для них обладают качества, которые характеризуют человека с точки зрения коммуникативной, умственной компетентности.

Таблица 2. Результаты методики «Идеалы мужественности-женственности» (идеал женщины для юношей)

1-й курс		4-й курс	
Любит детей	*31%*	*Любит детей*	77%
Ласковая	*19%*	*Ласковая*	69%
Скромная	*7%*	*Скромная*	62%
Привлекательная	*85%*	*Привлекательная*	44%
Умеющая сочувствовать	36%	Ответственная	67%
Аккуратная	44%	Коммуникабельная	46%
Искренняя	21%	*Женственная*	67%
Мягкая	44%	Аккуратная	71%
Добродушная	31%	Имеет высокий уровень интеллекта	62%
Умеет уступать	18%	Искренняя	71%
Женственная	32%	Интеллигентная	53%

Таблица 3. Результаты методики «Идеалы мужественности-женственности» (идеал мужчины и женщины)

4 курс курсанты-юноши	4-й курс курсанты-девушки
Любит детей	Сильный
Ласковая	Смелый
Скромная	Имеет чувство юмора
Привлекательная	*Ответственный*
Ответственная	Трудолюбивый
Коммуникабельная	Выносливый
Женственная	*Имеет высокий уровень интеллекта*
Аккуратная	Сдержанный
Имеет высокий уровень интеллекта	Всегда готов прийти на помощь
Искренняя	*Интеллигентный*
Интеллигентная	Преданность.
Трудолюбивая	*Любит детей*

Если же сравнить ответы курсантов-юношей и курсантов-девушек четвертого курса, то мы увидим, что у курсантов преобладают традиционные представления о мужественности и женственности. Хотелось бы отметить, что нами обнаружены пять качеств, которые отмечены и юношами, и девушками, в частности, такие как ответственность, трудолюбие, интеллигентность, высокий уровень интеллекта, любовь к детям.

В реализации образовательного процесса в образовательной организации МВД России можно опираться на гендерный подход. Основными его направлениями являются следующие:

1. Основные задачи образовательных организаций МВД России заключаются в том, чтобы дать курсантам профессиональные знания, развить профессионально важные качества, сформировать гармоничную личность.

2. Следует помнить, что курсанты находятся в сложном юношеском возрасте и именно в этот период проходит гендерная социализация.

3. Адаптация к условиям службы и обучения в образовательной организации МВД России сложно проходит и для юношей, и для девушек, поскольку они попадают в специфические условия обучения и службы.

4. Курсанты обоих полов сталкиваются с трудностями в силу иной системы обучения, форм, методов учебного процесса, проживания в казарме; сомнения в правильности своего выбора.

5. Девушкам-курсантам приходится выполнять служебную деятельность, которая требует мужских качеств: выносливости, силы.

6. У юношей-курсантов, девушек-курсантов уже есть сформировавшиеся гендерные стереотипы.

7. У девушек-курсантов и юношей курсантов уже имеется опыт коммуникативных отношений, и он не всегда носит позитивный характер.

8. Для того чтобы реализовался гендерный компонент образовательного процесса, преподавателями должны учитываться физиологические и психологические особенности курсантов-юношей и курсантов-девушек:

– юношей, например, стимулирует к обучению соревнование, а вот для курсантов-девушек соревнование не самый лучший метод, он может оказать плохую услугу и привести к возникновению конфликта;

– время для включения в занятие различное у юношей и девушек, девушки готовы сразу включиться в учебную деятельность, отвечать на поставленные преподавателем вопросы, а юноши требуется больше времени, по сравнению с девушками, они отстают в начале занятия [5, с. 16].

9. Исследователи отмечают разную мотивацию у юношей-курсантов и девушек-курсантов, акцентируя свое внимание на том, что для курсантов-юношей процесс обучения не столько важен, чем для курсантов-девушек. Главным фактор мотивации для курсантов-юношей является вовсе не оценка. Это обстоятельство должно учитываться в образовательном процессе.

10. Исследователи отмечают: для девушек характерны абстрактные мотивы, ожидание успеха, мотив долга [1, с. 42].

11. В плане общения также имеются различия. Курсанты-девушки теснее общаются с педагогами, чем курсанты-юноши. В учебной группе преподаватель, даже против своего желания, чаще обращают внимание на работу курсантов-девушек, так как они более ориентированы на контакт, чаще смотрят в глаза преподавателю, что воспринимается сигналом о готовности к работе [15].

12. Отмечено, что для девушек во время учебных занятий общение превалирует над получением знаний: они ловят мимику преподавателя, подстраивается к нему. Юноши же, как правило, значительно меньше внимания уделяют личности педагога, но в большей степени реагируют на состояние, если педагог спокоен и доброжелателен [5, с.17].

13. Преподавателям следует пересмотреть формы, методы и средства с учетом психофизиологических особенностей личности.

14. В процессе взаимодействия преподавателям и курсовому звену следует учитывать индивидуальные гендерные особенности курсантов.

15. В процессе образовательной и служебной деятельности необходимо формировать у курсантов обоих полов толерантное отношение к противоположному полу.

16. Преподавателям и курсовому звену следует обеспечивать организацию равноправного сотрудничества юношей и девушек в совместной деятельности.

17. В ведомственном вузе требуется дифференцированный подход при организации учебной и служебной деятельности курсантов разных полов.

Заключение. Проведенное исследование позволило сделать следующие основные выводы:

1. От первого к четвертому курсу у девушек-курсантов формируются такие черты поведения, которые традиционно не приписываются женщине: стремление к лидерству, напористость, агрессивность во взаимоотношениях.

2. Юноши-курсанты гораздо гармоничнее воспринимают себя и противоположный пол, чем девушки-курсанты.

3. Причины изменения стереотипов у курсантов-девушек:

– девушкам необходимо адаптироваться не только к большим физическим нагрузкам, особенностям быта, распорядку дня, но и приспособиться к особому статусу девушки-полицейского;

– девушкам необходимо освоить социальную роль, которая не только для них нова с профессиональной точки зрения, но и противоречит сформировавшим образцам роли женщины в обществе;

– Девушкам-курсантам приходиться пересматривать, переоценивать систему ценностей, приобретать навыки полицейского, характерные для социальной роли мужчин;

– идентификация с такой ролью, проявляется в негативной форме, что нередко приводит к ролевым конфликтам.

4. У курсантов преобладают традиционные представления о мужественности и женственности. Качества, которые отмечены и юношами и девушками, в частности, такие как ответственность, трудолюбие, интеллигентность, высокий уровень интеллекта, любовь к детям рассматриваются девушками, как показатели мужественности, а юношами, как показатели женственности. Это есть свидетельство того, что у современных молодых людей отсутствуют четкие границы между мужественностью и женственностью.

5. В ведомственном вузе требуется дифференцированный подход при организации учебной и служебной деятельности курсантов разных полов.

Список литературы

1. Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 45-51.

2. Александрова А. Н. К проблеме обучения женщин в вузах силовых структур / Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности.. 2020. С. 23-24.

3. Александрова А.Н., Силкин Н.Н., Исаев И.Ш., Балахонский В.В. Гендерные аспекты службы в силовых структурах: ретроспекции и реалии // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4 (90). С. 180-187.

4. Араканцева Т.А. Гендерные идеалы разных поколений / Цифровое поколение и педагогические реалии современной России. 2017. С. 61-63.

5. Браженская Н.Е. Гендерные ориентации курсантов вуза МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 35. С. 14–19.

6. Гербач Ж.В. Женщина в Армии (Формирование и динамика гендерной структуры российской армии). Ростов н/Д: Изд-во РВИ РВ, 2010. 432 с.

7. Кириллова Т.В., Чурикова И.Э. Адаптация девушек-курсанток к обучению в академии ФСИН России как педагогическая проблема // Современные проблемы науки и образования. 2018. №. 1.

8. Костина Л.Н., Воронина А.С. Влияние профессиональной деятельности на гендерные особенности личности сотрудников подразделений предварительного следствия МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1 (76). С. 28-33.

9. Симонов В.П. Сущность гендерных различий и их учёт в образовательном процессе // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 18-22.

10. Трубачев И.В., Михайлюк Н.А., Михайлюк В.А. К вопросу о гендерном подходе к организации обучения девушек в военных вузах // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Вып.11. № 6-1. С. 83-90.

References

1. Ageev V. Psychological and social functions of sexrole stereotypes. *Questions of Psychology*. 1987. No2

2. Aleksandrova A. N. On the problem of training women in the universities of law enforcement agencies. *Actual problems of adaptation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the conditions of professional activity.* 2020: 23-24. (In Russ.)

3. Aleksandrova A.N., Silkin N.N., Isaev I.Sh., Balakhonskii V.V. Gender aspects of service in power structures: retrospectives and realities. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 4 (90):180-187. (In Russ.)

4. Arakantseva T.A. Gender ideals of different generations. *Digital generation and pedagogical realities of modern Russia*. 2017:61-63. (In Russ.)

5. Brazhenskaya N.E. Gender Orientations of Cadets of the Higher Educational Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*. 2011. No. 35:14–19. (In Russ.)

6. Gerbach Zh.V. Woman in the Army (Formation and dynamics gender structure of the Russian army). Rostov n / a: Publishing house of RVI RV, 2010. 432 p. (In Russ.)

7. Kirillova T.V, Churikova I.E. Adaptation of female cadets to study at the academy of the Federal Penitentiary Service of Russia as a pedagogical problem. *Modern problems of science and education*. 2018. No1

8. Kostina L.N., Voronina A.S. The influence of professional activity on the gender characteristics of the personality of employees of the preliminary investigation units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2019. V. 24. No. 1 (76):28-33. (In Russ.)

9. Simonov V.P. The essence of gender differences and their consideration in educational process. *Bulletin of the Moscow State Regional University.* 2014. No. 1:18-22. (In Russ.)

10. Trubachev I.V., Mikhailyuk N.A., Mikhailyuk V.A. The gender approach to the organization of training of girls in military universities. *Historical and socio-educational thought.* 2019. Iss. 11.

Информация об авторах

И.В.Хамидова – кандидат психологических наук, доцент
И.В. Лаврентьева – кандидат психологических наук, доцент
В.А. Ковальчук – адъюнкт

Information about the authors

I.V. Khamidova – Candidate of Psychology, Associate Professor
I.V. Lavrent'eva – Candidate of Psychology, Associate Professor
V.A. Kovalchuk – Post-Graduate Student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Политические институты, процессы, технологии

Научная статья
УДК 323

Концепт этноконфессиональной идентичности:
сущностные свойства и проекции гражданской самоорганизации

© М.А. Аствацатурова, И.Д. Ибрагимов,2022

Майя Арташесовна Аствацатурова[1], Ибрагим Джавпарович Ибрагимов[2]
[1,2] Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
[1] maya.astv@gmail.com
[2] ibragimid@mail.ru

Аннотация. В статье в ходе политологического анализа осмысливается сущность этноконфессиональной идентичности через выявление характерологических свойств ее составляющих – этнической идентичности и конфессиональной идентичности. В сопоставлении свойств данных идентичностей выделяются их сущностно-функциональные ресурсы, которые отвечают запросам не только индивидов, но и социальных коллективов. Дается авторское определение интегративной этноконфессиональной идентичности, и подчеркиваются ее проекции в самоорганизации национально-культурных и религиозных общественных объединений.

Ключевые слова: этноконфессиональная идентичность, самоорганизация, самоопределение, этнонационализм, гражданское общество

Для цитирования: Аствацатурова М.А. Ибрагимов И.Д. Концепт этноконфессиональной идентичности: сущностные свойства и проекции гражданской самоорганизации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. №9(148). С.141-145

Political institutions, processes, techniques

Original article

The concept of ethno-confessional identity:
essential properties and projections of civic self-organization

© M.A. Astvatsaturova, I.D. Ibragimov, 2022

Maiia A. Astvatsaturova[1], Ibragim D. Ibragimov[2]
[1,2] Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
[1] ibragimid@mail.ru
[2] maya.astv@gmail.com

Abstract. The article studies the essence of ethno-confessional identity in the course of a political analysis and through the identification of the characterological properties of its components – ethnic identity and confessional identity. While comparing the properties of these identities, their essential and functional resources are allocated, which meet the needs of not only individuals, but also social collectives. The author's definition of integrative ethno-confessional identity is given and its projections in the self-organization of national-cultural and religious public associations are emphasized.

Keywords: ethno-confessional identity, self-organization, self-determination, ethno-nationalism, civic society

For citation: Astvatsaturova M.A., Ibragimov I.D. The concept of ethno-confessional identity: essential properties and projections of civic self-organization. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148): 141-145 (In Russ.)

Самоорганизация граждан РФ, которая осуществляется в рамках гражданского общества, имеет широкий спектр содержательных оснований. Существенный сегмент российский гражданской самоорганизации составляет объединение граждан на основе этноконфессиональной идентичности, т.е. национально-культурное и религиозное самоопределение. Вертикальная и горизонтальная сеть национально-культурных и религиозных организаций составляет структуру этнокультурной модели гражданского общества, которая упрочивается в РФ в соответствии с одним из важнейших запросов российских граждан – запроса на ***этноконфессиональную идентичность***.

Концептуализация этноконфессиональной идентичности приобретает новую значимость с учетом многих неблагоприятных тенденций и закономерностей современности [1]. Среди них: а) ухудшение межгосударственных отношений и общей геополитической ситуации с сохранением террористических угроз и угроз экстремизма; б) политизация межэтнических отношений и проявления дискримина-

ционных практик, ксенофобии; в) ожесточение межличностных, межгрупповых отношений и дегуманизация общественно-политических процессов.

Этноконфессиональная идентичность является основой не только этнокультурного и духовно-нравственного самоопределения индивида, но и самоорганизации таких субъектов гражданского общества как общественные национально-культурные и религиозные организации. Катализация этноконфессиональной идентичности началась в 90-х гг. XX в. с выходом на авансцену этнонациональных идейных систем, причем и в конфликтных формах [2]. Однако и сегодня факторы этничности и конфессиональности существенно воздействуют на эволюцию Российского государства и российского общества.

Выделяя этноконфессиональную идентичность как базу индивидной и групповой самоорганизации, подчеркнем ее когерентное содержание. Оно непосредственно отражает социальный, культурный, нравственный выбор человека в сложных социальных и политических условиях [3, с. 40-48]. Концептуализацию этноконфессиональной идентичности как основы самоорганизации субъектов гражданского общества в РФ мы осуществляем на убедительных интерпретациях этнической и конфессиональной идентичностей, которые осуществлены российскими исследователями [4].

В пределах сравнительно-политологической аналитики рассмотрим этническую идентичность и конфессиональную идентичность, выделяя близкие аспекты и линии сопряжения в процессах гражданской самоорганизации.

Этническая идентичность имеет свой социокультурный антропологический код, который пролонгируется в этническую идентификацию как личностного, так и группового действия. Объединив возможности методологии примордиализма, инструментализма и конструктивизма, признаем, что этническая идентичность составляет масштабный культурный комплекс [5]. В то же время В.А. Тишков отмечает, что этническая идентичность – «индивидуальное соотнесение личности с культурно-отличительной общностью» и что «этническую идентичность следует рассматривать больше как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса» [6, с. 98, 105]. Этническая идентичность придает индивиду уверенность в «правильности» и приоритетности «родной» этничности, гордость за этническую принадлежность и даже убеждение в «долженствовании этничности» как обязательствах перед своим народом и необходимости следования «этническим кодексам».

В соответствии с исследованием этнической идентичности как составляющей этноконфессиональной идентичности акцентируем ее инструментально-политические и культурно-конструирующие ресурсы в следующих тезисах.

Первый: этнический фактор широко используется в современном нациеобразовании и государственном строительстве и применяется в политике, власти и управлении для упрочения нового суверенитета, в ряде ситуаций с опасным креном в сторону «этнизма - этнонационализма» [7, с. 125-133].

Второй: этнические интересы находят распространенное применение в ситуациях противоречий, этнических конфликтов, дискриминаций, этнотерриториальных самоопределений, в которых очеловечивается «правильный и правый» этнос и расчеловечивается этнический противник.

Третий: этнический патриотизм часто акцентируется в политическом контексте, так как к нему очень легко оперировать в случае необходимости самоорганизации снизу или организации сверху этнической группы для решения значимых проблем в мобилизационном режиме или в режиме консолидированного ответа этническим, политическим и иным врагам.

Четвертый: этнические запросы в ходе политизации этничности и этнизации политики часто становятся основой этнических конфликтов, этнополитического реванша, претензий этнических сообществ друг к другу и к государству, в ходе которых обостряются национальные вопросы и «хотя бы одна из сторон мобилизуется по этническому принципу или от имени этнической группы» [8, с. 309-319].

Этническая идентичность в общем «портфеле идентичностей» чаще всего конкурирует с гражданской или общенациональной идентичностью. Проблема этой конкуренции имеет выраженное политическое, гражданское, организационное и самоорганизационное звучание. В современной России, этноидентификационные модусы активно участвуют не только в сложении общероссийской культуры и общероссийской гражданской идентичности, но и общей культуры политической российской нации [9, с. 94-108].

Конфессиональная (религиозная) идентичность – в самом общем осмыслении – это свойство индивида осознавать комплекс признаков, по которым он определяет свое понимание происхождения мира, природы, человека. Отождествление или идентификация человека себя в координатах религии базируется на догмах, постулатах и символах веры и не требует научных или социальных доказательств. При этом, как утверждает А. Крылов, религия присуща сознанию как верующих, так и неверующих в силу множественности форм воплощения, а также замещения традиционной религии «новыми религиями» - телевидение, интернет, потребительство [10]. Конфессиональная идентич-

ность имеет существенное воздействие на «всю гамму иных идентичностей», что подчеркивает М.П. Мчедлов, анализируя трансформации религиозных установок населения в постсоветской РФ [11, с.33-40].

Конфессиональная идентичность как составляющая этноконфессиональной идентичности имеет собственный ресурс не только для самоопределения человека, но и для самоорганизации коллективов, в том числе и в границах общественных объединений. Здесь имеют значение следующие факторы:

Первый: конфессиональная идентичность, вероятно, в большей степени, чем этническая идентичность, базируется на глубинных экзистенциальных началах человеческой личности. Отождествление себя с конфессиональным сообществом на общеразделяемых принципах религиозного восприятия мира обеспечивает человеку дополнительные основания для духовного и социального равновесия.

Второй: конфессиональная идентичность используется для объединения граждан в рамках религиозной культуры или культуры религиозности, в то же время функционирование священнослужителей, проповедников, духовных лидеров принимает все больше социально-утилитарный характер (в известном плане, секуляризируется), вектор социально-ответственного служения [12, с. 7-21].

Третий: общее культурное знание личности о конфессиональности накапливается в ходе социализации, имеющей общеизвестные этапы, под влиянием многих внешних факторов, среди которых выделяются крепкие семейно-родственные связи, межпоколенные взаимодействия, традиционные культурные ценности и социальные навыки.

Развивая концепт этноконфессиональной идентичности как основы гражданской самоорганизации, отметим, что и этническая идентичность и конфессиональная идентичность отражают и личностные, и групповые интересы. Близость этнической и конфессиональной идентичностей состоит в их высоком социокультурном и морально-нравственном цензе, так как они призваны служить формированию социально-мыслительных, социально-поведенческих, социально-чувственных позитивов. Сопряженность историко-культурных ценностей этничности и морально-нравственных ценностей конфессиональности формирует прочную основу для социального самоопределения индивидов и групп. При этом конвергенция этнической и конфессиональной идентичностей множеством людей воспринимается как естественно-гармоничная, не только как сущая, но и как должная. Сочленение этнических и конфессиональных свойств можно отметить повсеместно: в общественном, информационно-коммуникационном дискурсе, в практике соответствующих общественных объединений, а также в доктринально-программных и нормативно-правовых документах. Также симптоматичными являются усилия органов власти и управления, которые объединяют в стратегии и тактиках своей деятельности этнические и конфессиональные интересы граждан для их оптимального легитимного, организационного, экспертного, проектного обеспечения.

Осмысливая сущность этноконфессиональной идентичности и социальный запрос на нее как на основу гражданской самоорганизации, выделим ее специфические свойства:

- во-первых, давнюю хронологию, так как ее начала формируются на этапе зарождения человеческих коллективов с образованием сознания, языка, культуры, обрядов, первичных форм религии (магия, политеизм) и далее со становлением институтов власти и государства;
- во-вторых, естественно-обусловленный и гармоничный характер, складывающийся в благоприятной и непротиворечивой семейно-родственной, фамильной, соседской, общинной среде и, соответственно, в подавляющем числе случаев принимаемой человеком без сопротивления;
- в-третьих, существенные синергетические ресурсы самовозобновления и самовоспроизведения, которые транслируются в синхронных и в диахронных пространствах, по вертикали и по горизонтали (внутри поколения и между поколениями), объединяя разные поколенческие группы общим социальным, культурным и духовным багажом;
- в-четвертых, масштабные интегративные возможности для рациональной и эмоциональной солидаризации народа или этнической группы в решении общих задач или в противодействии общему врагу, опасностям и ущербам (потеря территорий и утрата государственности; угрозы сохранению языка, культуры, обрядов; невозможность исповедовать религию и отправлять религиозные обряды; этноциды, геноциды, физические потери, социальные трагедии и др.);

Подчеркнем значимый запрос на этноконфессиональную идентичность как на основу индивидуальной и коллективной самоорганизации, так как в ее сохранении и поступательной эволюции заинтересованы не только отдельные личности, но и сообщества. Закономерно, что общие этноконфессиональные интересы достигаются за счет организованных, программных действий. Осуществляя эти действия, носители этноконфессиональной идентичности вступают в широкие социально-организованные связи.

Некоторые выводы

На основании приведенных тезисов сформулируем авторское определение этноконфессиональной идентичности – ***это свойство индивида или группы осознавать социокультурный и духовно-нравственный комплекс, отождествляющий их с набором этнических и конфессиональных характеристик и создающий платформу для самопознания, самопрезентации, самоопределения и самоорганизации в системе гражданского общества с целью фиксирования индивидуального «я» или коллективного «мы».***

Проекции этноконфессиональной идентичности в гражданской самоорганизации представляется нам закономерным в силу следующих обстоятельств:

– объективно-историческое этническое разнообразие российского общества – многонационального народа РФ – российской гражданской нации как полиэтничной и поликонфессиональной. Именно новые народы составляли социальные и политические конгломераты подданных Российской империи, граждан Советского Союза, граждан Российской Федерации - российской гражданской нации;

– закономерное формирование административно-территориального деления России как асимметричной федерации и наследницы советского государственного строительства. В государствообразовании РФ сочетаются административно-территориальный, национально-государственный и национально-территориальный принципы образования субъектов, что отвечает запросам граждан;

– широкая номенклатура этнических и конфессиональных интересов граждан РФ в культуре, в языке, в обыденной жизни, в ритуалах. Интерес граждан к религии, к вере, а также к народным верованиям и нетрадиционным деноминациям, к возрождению народной обрядности находит свой отклик в законодательстве РФ и субъектов РФ, а также в политических доктринальных документах федерального, регионального и местного уровней;

– выраженный запрос на этническую идентичность и конфессиональную идентичность в отдельных российских регионах и субъектах (прежде всего, Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Татарстан, Башкортостан, Чечня). Они применяются как механизм защиты от чуждой культуры, а также и идейно-идеологическим санкциям против РФ в общих усилиях западных стран по организации «анти-России».

Обобщая сущностные свойства и проекции этноконфессиональной идентичности, подчеркнем, что она создает возможности этнической и конфессионального самоопределения человека и групп. Этнокультурные и этно-этические запросы тесно пересекаются с конфессионально-духовными и вероучительными, религиозно-обрядовыми запросами и взаимно дополняют друг друга.

Принадлежность к определенной этнической группе, к этническому коллективу придает этноконфессиональной идентификации как процессу самоопределения социальную достоверность. В то же время религиозная принадлежность, конфессиональная причастность, отправление веры придают этноконфессиональной идентификации как процессу самоопределения духовное содержание и особый нравственный смысл.

Список источников

1. Карпович О. Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира // Международная жизнь // URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1066 **(**дата обращения: 20.07.2022).
2. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964-1994 гг. М.: Международные отношения. 1996. 320 с.; Верт Н. История Советского государства 1900-1991 гг. М.: Прогресс. 1992. 326 с.; Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. Монография / пер. с нем. С. Червонная. М.: Традиция. 2000. 344 с.
3. Монсонова А.Р., Санжаева Р.Д., Базарова Д.Р. Этноконфессиональная идентичность как фактор ценностно-смысловой регуляции личности // Вестник СКФУ. Серия Психология. 2016. № 2 (02).
4. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
5. Костина А. В. Национально-культурная идентичность в ситуации диалога культур // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6 (ноябрь — декабрь)
6. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. С. 98, 105.
7. Фадеичева М. А. Этнонационализм в политическом дискурсе российского постмодерна // Политэкс. 2006. Том 2. № 2.
8. Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий / Очерки теории и политики этничности. М.: Русский мир. 1997.
9. Аствацатурова М.А. «Участие» этноидентификационных модусов в гомогенизации политической культуры российской гражданской нации // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20).

10. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд, доп. и перераб. М.: Изд-во ИКАР. 2014. 356 с.

11. Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10.

12. Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1.

References

1. Karpovich O. Global problems of international relations in the context of the emerging multipolar world // International Life // URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1066 (accessed: 07/20/2022). (In Russ.)

2. Boffa J. From the USSR to Russia. The history of the unfinished crisis of 1964-1994. Moscow: International Relations. 1996. 320 p.; Vert N. History of the Soviet state 1900-1991. M.: Progress. 1992. 326 p.; Kappeler A. Russia – multinational Empire: Emergence. History. Disintegration. Monograph / trans. from German. S. Chervonnaya. M.: Tradition. 2000. 344 p. (In Russ.)

3. Monsonova A.R., Sanzhaeva R.D., Bazarova D.R. Ethno-confessional identity as a factor of value-semantic regulation of personality. *Bulletin of NCFU*. Psychology series. 2016. No. 2 (02). (In Russ.)

4. Drobizheva L.M. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. Moscow: Center for Universal Values, 2003. 376 p. (In Russ.)

5. Kostina A.V. National-cultural identity in the situation of the dialogue of cultures. *Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill"*. 2011. No. 6 (November — December) (In Russ.)

6. Tishkov V.A. Requiem for ethnos. Studies in socio-cultural anthropology. M.: Nauka. (In Russ.)

7. Fadeicheva M. A. Ethnonationalism in the political discourse of the Russian postmodern. *Politex.* 2006. Volume 2. No. 2 (In Russ.)

8. Tishkov V.A. Ethnic conflict in the context of social science theories. Essays on the theory and politics of ethnicity. Moscow: Russkiy mir. 1997. (In Russ.)

9. Astvatsaturova M.A. "Participation" of ethnoidentific modes in the homogenization of the political culture of the Russian civil nation. *Citizen. Elections. Power.* 2021. No. 2(20). (In Russ.)

10. Krylov A. N. Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space. 3rd ed., add. and reprint. M.: ICARUS Publishing House. 2014. 356 p. (In Russ.)

11. Mchedlov M.P. Religious identity. About new problems in intercivilizational contacts. *Sociological research*. 2006. No. 10. (In Russ.)

12. Mchedlova M.M., Kofanova E.N. Russia in anticipation of changes: religious factor and socio-political preferences. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2020. Vol. 22. No. 1 (In Russ.)

Информация об авторах

М.А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор
И.Д. Ибрагимов – кандидат педагогических наук, доцент

Information about the authors

M.A Astvatsaturova – Doctor of Political Sciences, Professor
I.D. Ibragimov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 25.08.2022

Научная статья
УДК 323

Влияние политических рисков и угроз на уровень транспарентности власти в условиях глобальной конкуренции

© Денисенко И.Ф., Товончова Е.Н., 2022

Иван Федорович Денисенко[1], Елена Николаевна Товончова[2]
[1,2] Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия
[1] dif_gmu@rgups.ru
[2] Just_ien@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы доступности и открытости органов государственной власти. Авторами анализируются механизм «транспарентного» свойства власти, его границы, измерительные инструменты, сопряженность с вопросами национальной безопасности и политическими рисками в условиях глобальной конкуренции. В современных условиях все больше появляются новые широкие возможности для повышения уровня транспарентности власти, которые открываются в связи со стремительным развитием информационного общества во всех развитых странах.

Ключевые слова: транспарентность, глобализация, государственное управление, информационно-политические риски, общественно-политическая система, гражданское общество

Для цитирования: Денисенко И.Ф., Товончова Е.Н. Влияние политических рисков и угроз на уровень транспарентности власти в условиях глобальной конкуренции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 146-150

Original article

The impact of political risks on the level of transparency of power in the context of global competition

Ivan F. Denisenko[1], Elena N. Tovancheva[2]
[1,2] Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia.
[1] dif_gmu@rgups.ru
[2] Just_ien@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of accessibility and openness of public authorities. The authors analyze the mechanism of the "transparent" property of power, its boundaries, measuring instruments, the connection with issues of national security and political risks in the context of global competition. In modern conditions, new broad opportunities are increasingly emerging to increase the level of transparency of government, which are opening up in connection with the rapid development of the information society in all developed countries.

Keywords: transparency, globalization, public administration, information and political risks, socio-political system, civic society

For citation: Denisenko I.F., Tovancheva E.N. The impact of political risks on the level of transparency of power in the context of global competition. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management.* 2022. No9 (148):146-150 (In Russ.)

В настоящее время цивилизация развивается ускоряющимися темпами, что порождает появление качественно новых политических рисков и угроз. Современные инновации и передовые технологии, информационная революция накладывают существенный отпечаток на развитие современного общества, создают непрогнозируемые масштабные последствия: их внедрение помогает развиваться человечеству, но является причиной возникновения опасных и непредсказуемых угроз социально-политической и культурной стабильности общества в разных странах.

В современных условиях все чаще появляются новые широкие возможности для повышения уровня транспарентности власти, которые открываются в связи со стремительным развитием информационного общества во всех развитых странах [1]. Большое разнообразие информационно-коммуникационных технологий – это неисчерпаемый ресурс, с помощью которого можно значительно уменьшить дистанцию между властью и обществом, а также наладить эффективную обратную связь, сделать государственную политику максимально доступной, понятной и прозрачной для всех слоев общества.

Важно отметить, что в последнее десятилетие проводится определенная работа в направлении информационного развития власти (онлайн-конференции и собрания, разрабатываются законопроекты, регулирующие вопросы открытости власти), но в то же время государственные структуры недостаточно транспарентны, они остаются закрытыми для институтов гражданского общества, а само общество мало информировано о деятельности органов власти, что подрывает ее имидж. Процесс демократического реформирования общественно-политической системы, процесс информатизации общественно-политической коммуникации и уровень устойчивости политической системы находятся между собой в нелинейной зависимости.

Информатизация общественно-политической коммуникации, с одной стороны, способствует повышению уровня демократизации в обществе, а также может послужить катализатором прогрессивного развития политического режима, с другой стороны, вследствие того, что процесс информатизации несет в себе высокие риски доступа к информации и влияния на общественно-политическую коммуникацию со стороны деструктивных политических сил, информатизация может повысить уровень нестабильности политической системы. Соответственно, грамотно выстроенная система управления информационно-политическими рисками может использоваться как важнейший инструмент демократизации общественно-политического процесса, а также как действенный инструмент обеспечения стабильности политической системы в переходный период развития общества.

Формирование системы управления информационно-политическими рисками в российских условиях может послужить важнейшим фактором, способным предотвратить большое количество угроз национальной безопасности страны в текущий период. В организационно-техническом и идеологическом плане ядром системы управления политическими рисками в Российской Федерации может стать институционализированное взаимодействие между двумя управляющими субъектами: общественным институтом информационной экспертизы (со стороны гражданского общества) и Комитетом Государственной Думы по Информационной политике (со стороны государства) [2].

Возникновение рисков «первого порядка» в РФ связано с формированием качественно нового информационно-коммуникационной пространства, в котором в качестве субъектов выступают как политические институты, так и социально активные граждане, их объединения по интересам, в том числе общественно-политические движения.

В основе нового информационного коммуникационного пространства лежат интернет-технологии, которые делают информацию о политической жизни в стране высоко доступной для рядового гражданина, однако при этом снижается качество доступной информации; значительно возрастает ее объем, в котором может потеряться действительно важная информация; возрастает риск информационных манипуляций со стороны всех субъектов коммуникации, в том числе политических противников России. Новое информационно-коммуникационное пространство достаточно часто вызывает негативные эмоции как у представителей государства, так и у представителей гражданского общества, рядовых граждан. Представители государства, как правило, недовольны чрезмерной информационной открытостью политической системы, а также ростом количества обращений граждан в органы государственной власти по тем или иным вопросам, что означает появление дополнительного объема работы. Действительно, существование информационно-политических рисков «первого порядка», во многом, обусловлено закрытостью органов власти в условиях высокой потребности у представителей гражданского общества в транспарентности политического процесса.

Более того, их информационно-коммуникационные площадки, даже не расположенные на государственных ресурсах, в значительной степени модерируются органами государственной власти. В некоторой степени устранению цифрового неравенства в Российской Федерации способствовало удешевление интернет-связи, а также появление в малых населенных пунктах Центров общественного доступа к Интернет-ресурсам правительства, однако полностью решить проблему цифрового неравенства между всеми участниками политической жизни страны в настоящий момент пока так и не удалось. Определенная вина в данном случае лежит и на рядовых гражданах, многие из которых не только не имеют достаточного уровня грамотности в области интернет-технологий, но и не хотят повышать данный уровень, даже если государство предоставляет им соответствующие бесплатные возможности.

Риски второго порядка наиболее актуальны для государств, где уже полноценно функционирует система электронного правительства, то есть система государственного управления в полной степени базируется на информационно-коммуникативных технологиях. Любой сбой в работе ИКТ, который может быть вызван человеческим фактором, природными и техногенными катастрофами, кибертерроризмом, может привести к нарушениям в работе органов государственной и муниципальной власти. Даже в такой высокотехнологически развитой державе как США регулярно случаются сбои в системе функционирования органов государственного и муниципального самоуправления, вызванные деятельностью кибер-террористов или человеческим фактором.

Рассмотрим возможные пути разрешения информационно политических рисков. Выделяются следующие базовые подходы к решению проблемы рисков: избежание риска; удержание риска, делегирование риска, снижение степени риска.

Применение первого подхода с целью избегания информационных политических рисков предполагает полный либо частичный отказ от информатизации информационно-коммуникационных процессов жизни страны. В Российской Федерации данный подход не применим, так как он означает фактический отказ от прогресса во всех сферах жизни общества, значительное отставание в развитии от большинства стран мира, отсутствие возможности конкурировать с наиболее значимыми акторами на международной арене, а значит величайшую степень угрозы для национальной безопасности, фактически угрозу для целостности и суверенитета страны. Развитие в современном мире невозможно без интернет-технологий, а значит, они неизбежно проникнут и в систему государственного управления, к чему, во избежание высокого уровня рисков, нужно быть готовым. Второй подход – удержание информационно-политического риска – предполагает возложение на государство обязанности устранять последствия наступления информационно-политических рисков, так как государство является наиболее финансово и технически обеспеченным субъектом политической жизни страны. Такой подход характерен как для Российского государства в текущий момент, так и для большинства государств мира. Именно государство занимается вопросами кибербезопасности, а также выплачивает компенсации пострадавшим от наступления рискового случая и устраняет последствия наступления рискового случая.

Второй подход наиболее эффективен при сочетании с третьим подходом, который связан с подготовкой программы действий органов государственной власти в случае наступления риска с целью минимизации его последствий. До недавнего времени российские власти мало уделяли внимание третьему подходу, однако расширение практики санкций против Российского государства со стороны США и его союзников подтолкнуло российские власти к решению проблемы обеспечения информационного и коммуникационного суверенитета страны [3].

Процесс делегирование информационного политического риска является неприемлемым для любого государства, так как он представляет собой угрозу национальной безопасности. Даже закупка иностранного программного обеспечения с целью повышения кибербезопасности представляет значительную угрозу суверенитету страны, поэтому большинство современных государств стремятся разрабатывать собственное программное обеспечение или закупать его у доверенных отечественных поставщиков, а также формировать такую информационную инфраструктуру, которая позволила бы функционировать системе управления в условиях изоляции от остального мира, в том числе информационной сети интернет.

Недостаточный уровень развития гражданского общества означает низкую политическую активность рядовых граждан и их объединений, что сказывается на возможности последних активно влиять на политический процесс в стране. Даже если уровень транспарентности деятельности органов государственной власти в стране благодаря государственной политике является высоким, то без высокого уровня активности со стороны рядовых граждан транспарентность не будет способствовать прогрессу общественного развития и совершенствованию политической системы [4].

Соответственно, деятельность государства по повышению транспарентности деятельности органов государственной власти фактически является неэффективной, если одновременно не проводится политика формирования развитого гражданского общества.

В западных странах в процессы демократизации и информатизации шли последовательно: вначале сформировалось гражданское общество, а затем появилась техническая возможность для информатизации политической системы. С одной стороны, такой подход, безусловно, облегчил для западной политической элиты процесс построения транспарентной политической системы. Однако в Российской Федерации вследствие определенных исторических особенностей развития государственности данные процессы идут параллельно, что допускает возможность построения уже не гражданского общества, а сетевого общества, которое иногда называют «инновационно-гражданским».

Соответственно, для построения высоко транспарентной политической системы российским органам государственной власти необходимо оказывать, во-первых, определенную поддержку процессу развития сетевого общества, а во-вторых, неуклонно следовать принципам политики построения открытого общества, так как именно «государственные органы самостоятельно единолично принимают решения по предоставлению или сокрытию (утаиванию) информации.

Во всех государствах мира законодательно предусматривается категория закрытой информации, которая не подлежит распространению, разница только в объемах категорий закрытых сведений.

Российское политическое руководство демонстрирует приверженность принципам построения транспарентной политической системы, однако значительное количество интересующей граждан информации о деятельности органов государственной власти, несмотря на то, что она не относится к

государственной тайне и не представляет угрозы для национальной безопасности, все еще остается в закрытом доступе.

Глобализация мировой политической системы и развитие информационного общества привели к качественному изменению структуры рисков. Ключевым направлением в анализе рисков стало прогнозирование негативных последствий взаимодействия политических систем с агрессивной внешней средой. При этом главной компонентой данного анализа стали политические факторы, связанные с применением в международной борьбе инновационного «информационного оружия», что вынуждает государства корректировать уровень транспарентности органов власти. Качественное изменение структуры рисков и сокращение угроз в РФ задекларировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года: «Целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. Достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач [5]:

1) формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования;

2) развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

3) предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы, включая объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

4) создание условий для эффективного предупреждения, выявления и пресечения преступлений и иных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий;

5) повышение защищенности и устойчивости функционирования единой сети электросвязи Российской Федерации, российского сегмента сети "Интернет", иных значимых объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также недопущение иностранного контроля за их функционированием; и ряд других задач»

Становление института транспарентности органов власти является многолетней тенденцией для большой группы развитых стран, общественно-государственное устройство соответствует либерально-демократическим основам и принципам. Транспарентность как институциональное свойство политического процесса коррелируется с важнейшими политико-правовыми институтами, обеспечивающими законность власти и эффективное взаимодействие между государством и гражданским обществом. Подобная схема «открытость–закрытость» политической системы в большей степени определяется типом политической системы и формой политического режима. При приближении к границам угроз и рисков безопасности государства неизбежно изменяются и нормы транспарентности, данное обстоятельство необходимо учитывать и при политическом прогнозировании, и при выборе стратегии безопасности.

Список источников

1. Старостин А.М., Тованчова Е.Н. Рефлексивное управление в глобальных координатах // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2020. № 2. С. 283-287.
2. Мрочко Л.В., Ницевич В.Ф. Становление информационного общества в России (вопросы теории и практики). М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 275.
3. Романюк С.В. Международный опыт обеспечения транспарентности органов государственной власти // Международное и публичное частное право. 2006. №2. С. 32
4. Кайль Я.Я., Епинина В.С. Зарубежный опыт партисипативной ориентации публичного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. №2. С. 43-44.
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

References

1. Starostin A.M., Tovanchova E.N. Reflexive management in global coordinates. Intellectual resources - regional development. 2020. No. 2: 283-287 (In Russ.)
2. Mrochko L.V., Nitsevich V.F. Formation of the information society in Russia (questions of theory and practice). Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2010: 275. (In Russ.)
3. Romanyuk S.V. International experience in ensuring transparency of public authorities. International and public private law. 2006. No. 2:32(In Russ.)
4. Kayl Y.Y., Epinina V.S. Foreign experience of participatory orientation of public administration . National interests: priorities and security. 2013. No.2: 43-44. (In Russ.)

5. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 On the National Security Strategy of the Russian Federation (In Russ.)

Информация об авторах

И.Ф. Денисенко – кандидат политических наук, доцент

Е.Н. Товончова – кандидат политических наук

Information about the authors

I.F. Denisenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor
E.N. Tovancheva – Candidate of Political Sciences

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 25.08.2022. The article was submitted 30.06.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 25.08.2022